„Пров 49“

ИСТОРИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ДО ЗАКЛЮЧЕНІЯ БЕРЛИНСКАГО ДОГОВОРА

1855—1878

Вычеркни изъ исторіи изученіе причинъ, средствъ и цѣлей людскихъ предпріятій,—что же отъ нея останется? Литературное упражненіе, игра словъ, пріятная для слуха, но безплодная для будущности.

Полибій.

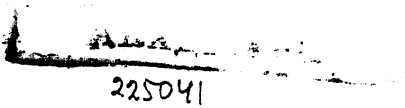
ТОМЪ ТРЕТІЙ

УМСТВЕННОЕ И НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

Выпускъ Первый

ПРАГА
РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ
1879

ПР „Пров 38
„Пров 40“



225041

Въ то время, когда мыслящей части современнаго русскаго поколѣнія приходится нести такія тяжелыя испытанія за естественное во всякомъ живомъ человѣкѣ стремленіе вырваться изъ подъ ярма деспотизма и стать на одинъ умственный и нравственный уровень со всѣми образованными народами; когда это поколѣніе нерѣдко подвергается громкимъ укоризнамъ бездушныхъ ретроградовъ и вообще людей, которымъ при существующихъ въ Россіи порядкахъ жить хорошо, — быть можетъ не лишнимъ будетъ напомнить современникамъ, въ сжатомъ очеркѣ, судьбу русскаго просвѣщенія и русской литературы за недавно пережитое и еще переживаемое время. Это дастъ возможность многое осмыслить и кое-что оправдать въ текущихъ событіяхъ. Авторъ хорошо понимаетъ, что такой взглядъ на настоящій выпускъ его „историческихъ“ очерковъ дастъ поводъ нѣкоторымъ изъ поклонниковъ отживающаго міра назвать его трудъ памфлетомъ, т. е. сочиненіемъ, гдѣ факты подобраны съ извѣстною цѣлью. Но совѣсть его остается спокойною. Онъ писалъ лишь то, что видѣлъ, что пережилъ. Фактическія ошибки и недосмотры возможны въ этой книгѣ, какъ во всякой другой, и онъ заранѣе приноситъ въ томъ извиненіе; но никакая особая задняя мысль и практическій расчетъ не руководили имъ при составленіи настоящихъ шести очерковъ, какъ и всѣхъ остальныхъ. Вводить же въ его показанія „личный коеффиціентъ“, который зависитъ отъ общаго склада его понятій и отъ котораго отрѣшиться физіологически невозможно, онъ приглашалъ читателей съ первой страницы этихъ Очерковъ. Эту просьбу повторяетъ онъ и теперь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Успѣхи народнаго образованія. 1
Научное движеніе. 63
Періодическая печать 125
Словесность художественная 177
Цензура 223
Заграничная печать 253

Опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
22	3 сверху	природный.	природный,—
28	4 —	думу	душу
31	8 снизу	Головинѣ	Головнинѣ
78	9 сверху	заключенное	законченное
86	11 —	обшырнаго	обширнаго
136	8 —	Впочемъ	Впрочемъ
150	8 —	деньгами	деньгамъ
154	7 снизу	подписчикъ	подписчиковъ
156	3 сверху	дворяхъ	дворахъ
165	6 —	позволяли	позволили
184	4 —	представляетъ	представляютъ
202	9 снизу	наплывшимъ	наплывнымъ
203	4 —	Сальясь	Сальясъ
213	1 сверху	...сти интересы, науки	...сти, интересы науки
—	3 снизу	естъ	есть
230	18 сверху	мѣстномъ	тѣсномъ
236	15 —	обзывающему	обязывающему

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Успѣхи народнаго образованія.

„Можете толковать между собою о чемъ хотите; но повинуйтесь и платите налоги“..... Такъ формулировалъ свои требованія къ прусскимъ своимъ подданнымъ „просвѣщенный деспотъ,“ т. е. образцовый король, Фридрихъ II, въ концѣ первой половины XVIII столѣтія. Къ подданнымъ русскаго императора въ началѣ второй половины XIX вѣка примѣнялась только послѣдняя часть этой царственной формулы, потому что свободно „толковать“ о чемъ нибудь имъ положительно запрещалось, и чтобы народныя массы какъ нибудь не вышли на путь „толкованій,“ имъ тщательно преграждался путь къ просвѣщенію. О крѣпостныхъ крестьянахъ, составлявшихъ 40% населенія имперіи, нечего, разумѣется, и говорить; они по самому своему положенію рабочихъ животныхъ осуждались оставаться въ вѣчномъ невѣжествѣ; и если иногда были обучаемы своими господами, то лишь для удобствъ

и увеселенія послѣднихъ, напр. для приготовленія ихъ въ домашніе актеры, бурмистры, дворецкіе и т. п., при чемъ полученное умственное развитіе дѣлало ихъ особенно несчастными. Такъ называемые „свободные“ государственные крестьяне столь же мало имѣли возможности выходить въ люди, т. е. становиться образованными, и можно не безъ основанія сказать, что въ Россіи временъ Николая Ломоносовъ былъ возможенъ не болѣе, чѣмъ въ эпоху Меньшикова и Бирона, *) потому что всѣмъ „мужикамъ“ старательно загораживалась дорога къ просвѣщенію. Въ деревняхъ на цѣлыя десятки верстъ не встрѣчалось людей грамотныхъ, такъ что крестьяне для памятныхъ замѣтокъ, счетовъ и договоровъ имѣли одинъ способъ — бирки или кресты, написанные на стѣнѣ мѣломъ, а если кому изъ нихъ встрѣчалась надобность написать письмо, напр. къ сыну-солдату или къ брату-рабочему въ столицѣ, то нужно было обращаться къ дьячку или какому-нибудь писцу въ господской кон-

*) Писатель Н. Ф. Павловъ, изъ шереметьевскихъ крестьянъ, представлялъ нѣчто феноменальное въ николаевскую эпоху, и правительство за нимъ зорко присматривало, хотя онъ вовсе не стоилъ этого, какъ доказалъ поведеніемъ своимъ въ 1861 году, во время студенческихъ волненій, а потомъ изданіемъ газеты «Русскія Вѣдомости» подъ покровительствомъ властей. Другой писатель изъ крѣпостныхъ, Шевченко, былъ сосланъ солдатомъ въ Туркменію.

торѣ. Городское мѣщанство было немного получше крестьянъ, потому что въ городахъ еще Екатериною II были заведены уѣздныя и приходскія училища; но собственно грамотный классъ начинался съ купечества и мелкаго чиновничества, а къ образованному въ европейскомъ смыслѣ слова можно было причислить лишь небольшую часть дворянства, приблизительно тысячъ сорокъ на 62,000,000 населенія имперіи. Да иначе и быть не могло, потому что съ 1849 г. запрещено было въ пяти существовавшихъ русскихъ университетахъ имѣть болѣе 300 студентовъ въ каждомъ (кромѣ медицинскаго факультета), отчего напр. въ 1853 году общее число студентовъ въ государствѣ, считая тутъ и медиковъ, не превосходило 2.987-ми, т. е. было немногимъ больше того, что содержалъ одинъ университетъ вѣнскій или даже лейпцигскій. Изъ этихъ 2.987 человѣкъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ сотъ воспитанниковъ духовныхъ академій, лицеевъ и офицерскихъ классовъ военнаго вѣдомства, должна была комплектоваться вся масса русскихъ правителей, военачальниковъ, ученыхъ, врачей и пр. Лучшаго доказательства, что деспотизмъ не можетъ терпѣть просвѣщенія, едва ли можно найдти во всей новой исторіи Европы, не исключая даже Испанію въ періодъ господства въ ней инквизиціи.

Во время Николая много лѣтъ сряду управлялъ дѣлами просвѣщенія Уваровъ, большой энциклопедистъ, считавшій себя даже ученымъ, хотя Гёте писалъ ему однажды: „ваше превосходительство достигли того, чего я не успѣлъ въ цѣлую жизнь,—забыли нѣмецкую грамматику.“ Но этотъ „дѣйствительный тайный Пикъ-де-Мирандола“ оказался, послѣ революціи 1848 года, слишкомъ либеральнымъ, и потому былъ замѣненъ сначала ханжею Ширинскимъ-Шихматовымъ, а потомъ благочестивымъ бородинскимъ инвалидомъ Авраамомъ Норовымъ. Императоръ Александръ II, вступивъ на престолъ и чувствуя, что недостатокъ познаній въ обществѣ есть самая слабая сторона Россіи, не могъ оставить на мѣстѣ эту почтенную руину и потому призвалъ къ управленію учебной частью Ковалевскаго, одного изъ членовъ семьи, извѣстной своею образованностью, подобно Тургеневымъ, Милютинымъ и проч. Ковалевскій прошелъ длинную чиновничью карьеру и потому былъ ревнивъ въ сферѣ цензуры, тогда подвѣдомственной его министерству; но все же онъ былъ человѣкъ, понимавшій, что требованіямъ вѣка, стремящагося просвѣтить массы, противиться нельзя. Онъ дѣятельно занялся уничтоженіемъ разныхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ противу просвѣщенія его предмѣстниками, открылъ университеты для неограниченнаго числа студен-

товъ *) и даже не препятствовалъ являться въ нихъ женщинамъ, въ гимназіяхъ далъ видное мѣсто естествознанію и т. п. Попечителями округовъ при немъ назначались не одни свитскіе генералы и камергеры, какъ было при Николаѣ, а и такіе знаменитые мужи науки, какъ Пироговъ, которые настойчиво изгоняли изъ школъ розги и насаждали въ нихъ гуманизмъ. Студентамъ университетовъ при Ковалевскомъ было предоставлено нѣкоторое самоуправленіе. Они могли имѣть свои вспомогательныя кассы и свои сходки, издавать сборники своихъ трудовъ и т. п. Молодежь съ увлеченіемъ взялась за науку, и лекціи такихъ профессоровъ, какъ натуралисты Куторга, Рулье, историки Кудрявцевъ, Костомаровъ, юристы Спасовичъ, Иванишевъ и пр., посѣщались огромнымъ числомъ слушателей всѣхъ факультетовъ. Всегда чуждый русскому обществу духъ кастъ или сословныхъ отличій окончательно исчезъ въ этомъ смѣшеніи юныхъ представителей разныхъ классовъ народа, и какъ въ то же время правительственныя сферы были поглощены заботами о либеральныхъ нововведеніяхъ, то молодое поколѣніе развивалось при самыхъ счастливыхъ условіяхъ для будущей граждански-доблестной жизни.

*) Впрочемъ, уничтоженіе нормы въ 300 человѣкъ было сдѣлано еще въ 1855 г., кажется, по личному желанію императора Александра.

„Благодатное время надеждъ!“

какъ сказалъ поэтъ Некрасовъ про это счастливое время. Но къ сожалѣнію оно длилось не долго, не болѣе пяти лѣтъ. Привыкшіе видѣть въ воспитателѣ и наставникѣ прежде всего безконтрольную полицейскую власть надъ воспитанникомъ и ученикомъ, педагоги разныхъ чиновъ и званій скоро замѣтили, что „модное“ либеральное направленіе въ школахъ „не доведетъ до добра“.... разумѣется, ихъ, педагоговъ, что хорошо развитые ученики заявляютъ требованія на хорошо знающихъ свое дѣло профессоровъ и учителей, что молодежь ѣдкими насмѣшками преслѣдуетъ педагогическія бездарности и прямо называетъ варварствомъ всякія полицейскія домогательства ихъ. Воспитанники третьяго спеціальнаго класса Константиновскаго кадетскаго корпуса писали, напримѣръ, письмо къ Ростовцеву съ объясненіемъ, что такой-то преподаватель не на высотѣ своего призванія и не можетъ быть имъ полезенъ; авторъ педагогическихъ инструкцій 1849 года, разумѣется, пришелъ въ негодованіе на такую дерзость и хотя не перепоролъ поголовно или не отдалъ въ солдаты слишкомъ откровенныхъ юношей, какъ бы то непремѣнно было при Николаѣ; *) но

*) Можетъ быть потому, что незадолго передъ тѣмъ императоръ Александръ отказалъ ему въ исключеніи пяти дурно

все таки разразился громами, при чемъ въ пылу негодованія забылся до того, что назвалъ письмо *доносомъ* и прибавилъ, что „пятно доносчика не смывается никогда,“ очевидно забывая собственную карьеру. Въ гражданскихъ заведеніяхъ положеніе педагоговъ стараго закала стало невыносимымъ. Студенты рѣшительно не посѣщали аудиторій тѣхъ профессоровъ, которые, какъ напр. Варнекъ въ Москвѣ, не были въ уровень съ наукою или отличались бездарностью изложенія; они предпочитали ходить на лекціи къ способнымъ профессорамъ чужихъ факультетовъ, чтобы съ одной стороны не оставаться праздными, а съ другой пріобрѣсти образованіе многостороннее. На ихъ факультетскихъ сходкахъ сочинялись иногда и публично вывѣшивались въ аванзалахъ циркуляры, выражавшіе такія мнѣнія, которыя гораздо болѣе были согласны съ чувствомъ справедливости и чести, чѣмъ со сводомъ положительныхъ россійскихъ законовъ всѣхъ трехъ изданій, 1831, 1842, и 1857 годовъ. Этого „начальство“ не могло терпѣть; колесница просвѣщенія показалась ему ѣдущею слишкомъ скоро, а тайно лито-

успѣвавшихъ учениковъ, прибавивъ: «вы сами отецъ; съ дѣтьми нужно имѣть терпѣніе, и стыдно будетъ передъ родителями наставникамъ, если они признаютъ себя безсильными развить мальчиковъ, хотя бы не богатыхъ способностями, на столько, чтобы они стали небезполезными офицерами».

графированная на русскомъ языкѣ Бюхнерова книга „Матерія и сила“ — опасностью для алтаря и, слѣдовательно, для трона. Первымъ послѣдствіемъ такой реакціи было стремленіе ограничить число студентовъ, для чего еще въ 1859 году пріемные экзамены дѣлались съ такою придирчивостью, что напр. въ Петербургскомъ университетѣ изъ 375 экзаменовавшихся принято всего 73, въ Москвѣ изъ 500 только 152. Затѣмъ, для той же постыдной цѣли, уменьшенія числа лицъ образованныхъ, стали исключать студентовъ массами при всякомъ случаѣ, казавшемся начальству удобнымъ, т. е. не только когда молодые люди заявляли свое неудовольствіе по поводу какой нибудь несправедливости или нелѣпой мѣры, какъ было въ Москвѣ и Харьковѣ, но даже когда они аплодировали либеральному профессору, какъ было въ Казани на лекціяхъ Булича. Однако и этого показалось мало, а потому незамедлило состояться увольненіе людей въ родѣ Ковалевскаго, Пирогова и т. п., *) и назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія ханженствующаго адмирала, изъ раскаявшихся вольнодумцевъ, графа Путятина. Графъ

*) Пироговъ былъ удаленъ по навѣтамъ кіевскаго генералъ-губернатора Васильчикова о введенномъ имъ въ университетъ самоуправленіи; Ковалевскій — за составленіе университетскаго устава, который показался слишкомъ либеральнымъ графамъ Строгонову и Палену и князю Долгорукову.

въ молодыхъ чинахъ считался безбожникомъ и однажды въ Севастополѣ не былъ допущенъ къ кресту извѣстнымъ архіереемъ Иннокентіемъ. Это такъ поразило его, что онъ рѣшился вернуться въ лоно религіи, сталъ по средамъ и пятницамъ питаться горохомъ и вообще принялъ строгіе нравы. Вѣроятно по этому, завѣдуя ашуръ-адинскою морскою станціею, онъ хотѣлъ сжечь всѣ туркменскія лодки, чтобы истребить и самихъ пиратовъ туркменъ, по религіи мусульманъ, а командуя эскадрою въ Тихомъ океанѣ, давалъ матросамъ по 300 линьковъ, въ видахъ поддержанія въ нихъ дисциплины, которую, конечно, ставилъ выше „страха божьяго.“ По заключеніи двухъ трактатовъ съ Японіею и Китаемъ, онъ съ 1859 года жилъ въ Лондонѣ, въ званіи военно-морскаго агента, при чемъ на досугѣ изучалъ устройство и дисциплину англійскихъ университетовъ и написалъ о нихъ сочиненіе, разумѣется въ консервативномъ духѣ. Это-то сочиненіе и выдвинуло его на министерскій постъ, когда началась реакція. Но привыкнувъ къ линькамъ, бывшій командиръ военныхъ кораблей думалъ по морскимъ же регламентамъ поступать и въ сферѣ просвѣщенія и повернулъ дѣло слишкомъ круто. Студентскія сходки были запрещены; распоряженіе вспомогательными кассами отнято у студентовъ; сочинены были знаменитыя матрикулы, т. е.

школьныя правила, которымъ каждый молодой человѣкъ обязывался слѣдовать въ бытность свою въ университетѣ; входъ на лекціи допущенъ только по билетамъ; число тѣхъ, которые могли слушать курсъ безплатно, значительно сокращено, а тѣмъ, которые не выдерживали переводнаго экзамена изъ одного курса въ другой по окончаніи года, не дозволено было оставаться еще на годъ въ томъ же курсѣ. Все это оскорбило молодежь и показало, куда мѣтитъ правительство. Студенты всѣхъ университетовъ громко заявили о стѣснительности новыхъ порядковъ. Въ Петербургѣ они собрались 25 сентября 1861 года въ стѣнахъ университета, который уже наканунѣ начальство приказало закрыть, и двинулись длинною процессіею мимо дворца и по Невскому проспекту въ Колокольную улицу, къ попечителю Филипсону, чтобы просить его принять въ нихъ участіе. Это было зрѣлище невиданное въ Петербургѣ. Бывшіе въ городѣ главные представители власти, великій князь Николай и генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, испугались до того, что хотѣли разставить на площадяхъ войска и вѣроятно сдѣлали бы это, если бы командиръ гвардейскаго корпуса Плаутинъ не отказалъ имъ въ солдатахъ, что было тѣмъ благоразумнѣе, что напр. гвардейская артиллерія заранѣе объявила, что она по своимъ стрѣлять не станетъ. Не добив-

шись ничего опредѣлительнаго отъ Филипсона, студенты снова собрались передъ университетомъ; но тутъ уже были третируемы по военному. Пришла рота преображенскихъ солдатъ *) и потомъ цѣлый финляндскій полкъ, наѣхали жандармы; молодежь, по приказанію генералъ-губернатора Игнатьева и начальника III отдѣленія графа Шувалова, стали разгонять прикладами и саблями и наконецъ, окруживъ войсками, повели въ крѣпость, при чемъ къ насильно арестованнымъ пристало немало товарищей, пожелавшихъ раздѣлить ихъ участь по доброй волѣ, такъ что число арестантовъ, приведенныхъ въ крѣпость, дошло до 240. Много было ушибленныхъ и даже раненыхъ, въ крѣпости нѣкоторые сдѣлались опасно больны; двое, Спасскій и Лебедевъ, померли. Въ Москвѣ было почти тоже самое. Тамошніе

*) Петербургская публика прекрасно отмстила потомъ командиру этой роты, за его «гражданскій подвигъ,» нанявъ шарманщика, который былъ поставленъ у квартиры этого капитана играть цѣлый день «Боже царя храни.» Наскучивъ слушать эту пѣсню, вѣрноподданный капитанъ избавлялся отъ шарманщика уплатою ему денегъ; но едва уходилъ одинъ, какъ на мѣсто его являлся другой. Это характеризуетъ общественное настроеніе того времени (осень 1861). Когда потомъ вернулся въ Петербургъ императоръ Александръ и изъ вышедшихъ на встрѣчу его офицеровъ семеновскаго и литовскаго полка одинъ, Ерличъ, вздумалъ крикнуть ура! то товарищи дернули его за полу, прибавивъ: «ты чего орешь!» — Императоръ не замедлилъ сдѣлать Толстаго флигель-адъютантомъ.

студенты обратились было 12 октября къ мѣстному генералъ-губернатору Тучкову, считавшемуся за человѣка просвѣщеннаго; но были атакованы и избиты жандармами и будочниками Сычинскаго и Огарева, которые, не надѣясь на однихъ полицейскихъ, вмѣшали въ дѣло еще чернь, говоря, что „студентовъ бунтуютъ поляки," которыхъ національное движеніе въ то время уже раздражало русскій народъ. Реакція, разумѣется, воспользовалась этими „студентскими исторіями" и успѣла настроить непріязненно къ молодежи императора Александра, тогда возвращавшагося съ Кавказа, гдѣ онъ только что простилъ два „бунта" козаковъ хоперскихъ и черноморскихъ. Начались административныя расправы, по характеру не отличавшіяся отъ николаевскихъ. Сто одинъ человѣкъ были исключены изъ петербургскаго университета и разосланы по уѣзднымъ городамъ отдаленныхъ губ. Либеральный военный министръ, Милютинъ, тогда только что вступившій въ должность и желавшій освободиться отъ подозрѣнія въ либерализмѣ, особенно строго отнесся къ нѣкоторымъ молодымъ офицерамъ, Энгельгардту, Богдановичу и пр., замѣшаннымъ въ студентское дѣло.*)

*) Но впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что онъ же въ засѣданіи государственнаго совѣта отстаивалъ студентовъ противъ нападокъ Путятина. Притомъ строгость его

Тѣ изъ молодежи, которые успѣли освободиться изъ подъ ареста или изъ ссылки, спѣшили спасаться за границу и тамъ образовали зерно той эмиграціи образованныхъ русскихъ людей, которая, постоянно усиливаясь, служила, передъ лицомъ всей Европы, живымъ упрекомъ Россіи въ варварствѣ, и которая такъ сурово мстила потомъ правительству революціонно-соціалистическою пропагандою, приведшею сотни и даже тысячи молодыхъ людей въ столкновеніе съ судами и полиціею явною и тайною.

Графъ Путятинъ однакоже не долго оставался министромъ, и на смѣну его былъ назначенъ еще разъ человѣкъ сравнительно либеральныхъ мнѣній, Головнинъ, покровительствуемый великимъ княземъ Константиномъ, тогда стоявшимъ вообще во главѣ всего свободномыслившаго въ Россіи. Новому министру предстояло рѣшить двѣ большія задачи: успокоить образованное общество и университетскія сословія, возбужденныя путятинскою реакціею, и дать только что возрожденнымъ къ умственной жизни народнымъ массамъ средства къ образованію молодыхъ поколѣній. И то, и другое онъ старался исполнить по мѣрѣ возможности. Университеты были открыты, хотя и безъ возобновленія правъ студентовъ на сходки; къ нимъ прибавленъ новый, одесскій; для всѣхъ

была легальною: онъ отдалъ обвиняемыхъ подъ судъ, а не расправлялся съ ними по произволу.

ихъ въ 1863 году обнародованъ новый уставъ, давшій университетскому сословію значительную долю самоуправленія и увеличившій научныя средства учрежденій. Число студентовъ, бывшее при Ковалевскомъ, въ 1860 году, 5.453 и упавшее при Путятинѣ въ 1861 г. до 4.932-хъ, снова возросло въ 1865-мъ до 5.627, и съ тѣхъ поръ расло до новыхъ перемѣнъ въ системѣ народнаго образованія. Для начальныхъ училищъ Головнинъ также составилъ въ 1864 году особое положеніе, которое хотя нельзя назвать очень либеральнымъ, потому что въ немъ первою цѣлью этихъ школъ поставлено утвержденіе въ народѣ религіозныхъ понятій, т. е. извращенія здраваго смысла дѣтей бездоказательными догматами, а потомъ уже распространеніе полезныхъ для жизни знаній, но которое все-таки свидѣтельствовало о заботахъ правительства на счетъ обученія массъ. Только, издавая уставъ, министръ ничего не сдѣлалъ для облегченія возможности самаго возникновенія народныхъ училищъ, потому что казна не назначила никакихъ суммъ для устройства ихъ, а предоставила это дѣло на попеченіе самихъ сельскихъ обществъ и земскихъ учрежденій, только что возникшихъ въ 1864 году.—Среднія учебныя заведенія были предметомъ особаго вниманія Головнина; но здѣсь его дѣятельность положила начало печальной судьбѣ русскихъ гимназистовъ на многіе годы.

Подражая Пруссіи временъ ретрограда Мюлера, министерство уставомъ 1864 года раздѣлило среднія учебныя заведенія на классическія и реальныя, и только ученикамъ первыхъ дозволило поступать въ университеты безъ экзамена; реалистамъ же отказало въ этомъ правѣ, направляя ихъ въ спеціальныя, техническія, высшія училища, гдѣ образованіе никогда не можетъ быть многостороннимъ. За время управленія самаго Головнина невыгода отъ такого раздѣленія гимназій на два неравноправныхъ разряда еще не чувствовалась; но когда въ 1866 году его смѣнилъ классикъ-іезуитъ графъ Д. Толстой, тогда началось истинное гоненіе на реализмъ. Издавна бывшія реальными гимназіи, въ родѣ 3-ей московской, обращались въ классическія; собственно реальныхъ гимназій возникало мало, почти исключительно по ходатайству городскихъ обществъ, которыя притомъ обязывались давать большую часть средствъ на ихъ содержаніе, не имѣя права контролировать хода даваемаго въ нихъ образованія. Казенныя суммы, которыя бы могли быть расходуемы съ огромною пользою на реальныя учебныя заведенія, гр. Толстой предпочиталъ обращать на развитіе преподаванія въ классическихъ гимназіяхъ мертвыхъ языковъ, латинскаго и греческаго, къ которымъ молодежь чувствовала глубокое отвращеніе. Такъ какъ Россія не представляла достаточно

способовъ къ образованію учителей классиковъ, то заведенъ былъ особый историко-филологическій институтъ въ Петербургѣ, нѣжинскій лицей обращенъ въ спеціально филологическій, и кромѣ того въ Лейпцигѣ на счетъ русскаго правительства учреждена особая семинарія для приготовленія латинистовъ и эллинистовъ изъ нѣмцевъ (для Россіи!). Въ гимназіяхъ на занятія мертвыми языками была назначена большая половина учебнаго времени, напр. 13 лекцій въ недѣлю изъ 24-хъ. Самые способные гимназисты, если не успѣвали въ латыни, не получали аттестатовъ объ успѣшномъ окончаніи курса, аттестатовъ, безъ которыхъ они не могли поступать ни въ какое высшее учебное заведеніе. Многіе съ отчаянія лишали себя жизни; другіе становились—и справедливо—непримиримыми врагами правительства, безсовѣстно погубившаго ихъ молодость и, можно сказать, всю жизнь. По свидѣтельству бывшаго начальника московскаго жандармскаго округа, восьмидесятилѣтняго генерала Перфильева, который по собственнымъ словамъ, глядя въ могилу, не хотѣлъ кривить совѣстью, уже въ 1874 году было въ Россіи болѣе 7.000 гимназистовъ, неокончившихъ курса, главнымъ образомъ благодаря неудачамъ на греческихъ и латинскихъ экзаменахъ: „Вотъ“, говорилъ генералъ, 27 лѣтъ изучавшій русское общество съ лица и съ изнанки, „они то, съ

ихъ родственниками, товарищами и знакомыми, составили массу такъ-называемыхъ нигилистовъ или радикаловъ-соціалистовъ," которые наводили ужасъ на правительство въ 1870-хъ годахъ.—„Но, спроситъ удивленный читатель позднѣйшаго времени, зачѣмъ же правительству было нужно морить молодежь на изученіи ни для чего ненужныхъ въ жизни мертвыхъ языковъ? Пусть бы для желавшихъ стать эллинистами и латинистами существовали отдѣльные классы, а большинству предоставлено было заниматься предметами болѣе близкими къ жизни." —Мало ли что! Дѣло въ томъ, что деспотическое или, какъ оно изъ вѣжливости называется, неограниченное правительство не могло не замѣтить, что юноши, усвоившіе науки математическія и естественныя, получаютъ навыкъ скептически относиться къ богословскимъ бреднямъ, а затѣмъ и къ теоріи божественнаго происхожденія земныхъ властей. И если даже нѣкоторые изъ нихъ изъ опасенія лишиться гражданскихъ правъ наружно остаются въ лонѣ церкви, то обыкновенно стремятся выдѣлиться изъ стада, безпрекословно пасомаго священниками и чиновниками, этими пастырями ex-officio, въ рясахъ и вицъ-мундирахъ. Убить въ молодыхъ людяхъ вкусъ къ наукѣ, надѣлить ихъ возможно меньшимъ количествомъ такихъ знаній,*) кото-

*) Князь Бисмаркъ, будучи главою министерства, въ кото-

рыя бы обезпечивали имъ свободную человѣческую дѣятельность внѣ казенной службы, гдѣ они поневолѣ дѣлаются рабами правительства,—вотъ что нужно было насадителямъ классицизма, и должно признаться, что они немало успѣли приблизиться къ этой цѣли, такъ что ихъ печатный органъ, Московскія Вѣдомости, могъ бы трубить болѣе или менѣе полную побѣду уже въ 1875-6 годахъ.—Но читатель позднѣйшаго времени, или современникъ чужеземный, можетъ усомниться въ справедливости этого упрека, который покажется ему преувеличеніемъ, отголоскомъ предубѣжденія. Такъ вотъ факты. Въ 1872 году, когда еще въ университетахъ были не одни чистокровные классики, число студентовъ достигало до 6.734-хъ; три года спустя, въ 1875, благодаря строгостямъ классической педагогіи, придумавшей еще особые „аттестаты зрѣлости“ для гимназистовъ, это число упало до 5.368-ми, т. е. понизилось на 20%. Но этого мало. Когда въ декабрѣ 1873 года въ государственномъ совѣтѣ разсматривался проэктъ военнаго министерства о введеніи всеобщей воинской повинности и министерство это предложило установить для прошедшихъ

ромъ Мюлеръ завѣдывалъ народнымъ просвѣщеніемъ, никогда не сочувствовалъ изученію мертвыхъ языковъ. Онъ прямо говорилъ, что потому-то ученые такъ мало знаютъ, что «теряютъ время на это пустое занятіе.» См. Зап. Буша.

черезъ университетъ молодыхъ людей срокъ дѣйствительной военной службы въ шесть мѣсяцевъ; тогда не кто-нибудь иной, а именно министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, возсталъ противу этого и требовалъ, чтобы образованная молодежь не имѣла никакихъ льготъ въ отбываніи патріотической повинности передъ тою сѣрою массою, которая больше всего подходитъ къ идеалу *du chair à canon*. Блюстителю просвѣщенія и царскому оку въ дѣлахъ православнаго христіанства,— ибо онъ вмѣстѣ и оберъ-прокуроръ синода,— явнымъ образомъ хотѣлось, чтобы людей, затратившихъ многіе годы жизни и большіе капиталы на свое умственное развитіе, разстрѣливали на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и двуногихъ совершенно необразованныхъ; ему хотѣлось также, чтобы въ мирное время образованная молодежь какъ можно скорѣе теряла пріобрѣтенныя свѣдѣнія и гуманныя идеи подъ ярмомъ военной дисциплины. Тогда, переходя изъ солдатскихъ рядовъ въ гражданскую жизнь, она конечно умѣла бы уже только „слушаться и платить“, не дозволяя себѣ ни о чемъ „толковать“, не выказывая ни малѣйшаго „самомнѣнія“, въ которомъ Толстой обвинялъ передъ государственнымъ совѣтомъ особенно реалистовъ.

И нѣтъ никакой возможности сказать, что эта постыдная точка зрѣнія на образованіе

народа есть только личный взглядъ графа Толстаго, не раздѣляемый въ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Напротивъ, когда этотъ министръ, сидящій на своемъ посту вотъ уже четырнадцатый годъ, понесъ пораженіе въ государственномъ совѣтѣ по вопросу о льготахъ для образованныхъ людей на военной службѣ, тогда, въ утѣшеніе ему, въ томъ же декабрѣ 1873 г., данъ былъ на имя его высочайшій рескриптъ, которымъ наблюденіе за начальнымъ образованіемъ народа передавалось изъ рукъ оплачивающаго содержаніе школъ земства въ руки консервативнаго дворянства. Въ маѣ 1874 г. было издано и положеніе по этому предмету, которое дѣйствуетъ доселѣ. Поощренный такимъ милостивымъ вниманіемъ свыше, министръ классикъ, какъ говорится, закусилъ удила. Онъ отправился въ торжественное путешествіе по южной Россіи и, благодаря усердію попечителя одесскаго округа, Голубцова, а также поповъ, совершилъ его очень пышно. Въ Ростовѣ на Дону при въѣздѣ его звонили въ колокола; въ Одессѣ при встрѣчѣ ему поднесены были хлѣбъ-соль, и только въ Херсонѣ одинъ изъ гласныхъ земства, послѣ торжественнаго обѣда, обратился къ нему съ колкимъ вопросомъ: *)

*) Земцы вообще не сочувствовали графу Толстому. На обѣдѣ въ Рязани одинъ изъ нихъ прямо выразилъ сожалѣніе, что у дѣтей отнимаютъ лучшее время жизни на изученіе язы-

„Графъ, вы требуете отъ нашихъ дѣтей знанія греческаго языка: укажите мнѣ пожалуйста на какой нибудь греко-русскій словарь, который бы я могъ купить моему сыну.“ (Объ изданіи подобнаго словаря министръ-классикъ, конечно, не позаботился). Вообще поѣздка была тріумфальнымъ шествіемъ, на столько обольстившимъ Толстаго, что онъ, возвратясь въ Петербургъ, печатно увѣрялъ, что „даже родители стали жаждать классическаго образованія для своихъ дѣтей,“ хотя за полгода назадъ обвинялъ ихъ, да и все русское общество, прямо въ противномъ. *) Соотвѣтственно этому, классическая реакція продолжалась и, посадивъ членами министерскаго совѣта, попечителями округовъ и ректорами университетовъ разныхъ выведенныхъ имъ изъ ничтожества семинаристовъ—Георгіевскаго, Сергіевскаго, Благовѣщенскаго, Воскресенскаго, или невѣжественнаго мироваго посред-

ковъ, знаніе которыхъ не болѣе полезно русскому юношѣ, какъ и языка китайскаго. — «Ну да! отвѣчалъ разсерженный Юпитеръ просвѣщенія: захочу—и будете учиться по китайски!»

*) Однако, розы, по пословицѣ, не растутъ безъ шиповъ, и въ Петербургѣ графа ждалъ нагоняй, не за ревность къ классицизму, конечно, а за колокольный звонъ при въѣздѣ, «приличный только архіереямъ,» и за хлѣбъ-соль, «подобающіе исключительно членамъ царской фамиліи.» Графъ Строгоновъ, которому поручено было сдѣлать этотъ выговоръ, усугубилъ его непріятность, говоря, что онъ совершенно не

ника — Голубцова, *) который увѣряетъ, что русскимъ дѣтямъ незачѣмъ учиться русскому языку, потому что онъ имъ природный.—Толстой спокойно продолжаетъ губить молодежь, хотя собственнаго сына отдалъ въ лицей именно для того, чтобъ не мучить его мертвыми языками.

Къ мученіямъ молодежи отъ классицизма съ конца 60-хъ годовъ присоединились еще новыя, прежде неизвѣстныя, отъ пріемовъ новѣйшей педагогіи, предполагающей, какъ извѣстно, дѣтей идіотами. Въ составѣ учитель-

вѣрилъ слухамъ, разнесшимся въ Петербургѣ еще во время путешествія министра, считая ихъ клеветою на такого умнаго человѣка; но что ему достовѣрно извѣстно, что и въ зимнемъ дворцѣ говорятъ то же и что тамъ слухи эти не понравились.....

*) Этотъ Голубцовъ былъ мировымъ посредникомъ въ Рязанской губерніи и къ большому удовольствію Толстаго обдѣлалъ его дѣла съ крестьянами. Не желая платить ему денегъ, министръ далъ ему мѣсто и вывелъ въ тайные совѣтники, кавалеры бѣлаго орла и пр. И это знаетъ вся Россія, не исключая конечно самого императора. Мало того: всѣмъ извѣстенъ слѣдующій случай гнуснаго раболѣпства Голубцова передъ Толстымъ, бывшій въ 1876 г., когда графъ министръ думалъ устроить всероссійское празднованіе собственнаго десятилѣтняго юбилея по управленію дѣлами просвѣщенія въ Россіи. Въ то время, какъ многія учрежденія его вѣдомства, напр. Харьковскій университетъ, отказались входить въ какія нибудь издержки на празднованіе такого «событія,» Голубцовъ у себя въ округѣ добился общей подписки между всѣми подчиненными ему чиновниками и наставниками на поднесеніе министру альбома съ фотографическими ихъ карточками, снятыми непремѣнно въ вицъ-мундирахъ, какъ возвѣщалъ при-

скаго персонала нашлось нѣсколько бездушныхъ, но честолюбивыхъ и потому желавшихъ отличиться передъ начальствомъ, посредственностей, которыя образовали цѣлую школу мастеровъ толченія воды, выдавая его за высшую педагогическую мудрость. Представителями этого вреднаго, а еще болѣе смѣшнаго, направленія являются разные Евтушевскіе, Бунаковы, Каптеревы и т. п. члены педагогическаго общества въ Петербургѣ, прославившіеся своимъ резонерствомъ и пустословіемъ на засѣданіяхъ общества. Педагоги эти впрочемъ терзаютъ больше воспитанниковъ военныхъ, чѣмъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, можетъ быть для того, чтобы отучить ихъ отъ самостоятельности мысли, столь несовмѣстной съ ихъ будущими обязанностями субалтернъ офицеровъ. Органъ министерства графа Толстаго, „Московскія Вѣдомости“ нерѣдко осмѣивалъ этихъ педагоговъ-разжовывателей науки.

Гоненія на реализмъ и еще болѣе покровительство ненавистному молодежи классицизгласительный циркуляръ. Альбомъ былъ заказанъ въ Москвѣ и долженъ былъ стоить 10.000 рублей. Но, увы! десятилѣтніе юбилеи были высочайше запрещены, именно по поводу насилій, съ которыми вымогались деньги у бѣдныхъ преподавателей, и подписчики одесскаго округа потребовали отъ своего начальника деньги назадъ, что, разумѣется, было встрѣчено всероссійскимъ смѣхомъ, такъ какъ Голубцовъ долженъ былъ 10.000 рублей заплатить изъ собственнаго кармана.

му естественно должны были вызвать реакцію не только въ обществѣ, но и въ самой правительственной средѣ, которая въ Россіи, какъ въ государствѣ неконституціонномъ, конечно, не отличается однородностью. Но общество у насъ лишено средствъ бороться съ самыми вопіющими злоупотребленіями власти даже вполнѣ мирными средствами. Попытки нѣкоторыхъ лицъ завести частныя реальныя училища ставили обыкновенно этихъ лицъ въ непріятное положеніе, а иногда и просто вели къ раззоренію, какъ было напр. съ инженеромъ Беренсомъ, котораго частное реальное училище было закрыто, или съ г. Лесевичемъ, у котораго пожертвованныя имъ на устройство училища деньги взяли, но самому училища на желаемыхъ имъ основаніяхъ существовать не дозволили. Затѣмъ частнымъ людямъ ничего не оставалось дѣлать для спасенія своихъ дѣтей отъ напора классицизма, какъ увозить ихъ за границу и пристроивать въ учебныя заведенія напр. Швейцаріи, что конечно могло быть доступно не всякому и что притомъ не гарантировало ихъ отъ преслѣдованій русскаго правительства, какъ доказалъ примѣръ цюрихскихъ студентокъ, которыя были вытребованы изъ Цюриха постыдными угрозами мести.*)

*) Лишенныя со времени путятинскаго погрома университетовъ возможности слушать въ нихъ лекціи, русскія дѣвушки должны были искать средствъ къ удовлетворенію проснув-

Земство также не могло бороться съ министерствомъ народнаго помраченія, потому что даже двукласныя начальныя школы, не говоря уже про училища высшихъ разрядовъ, сполна находятся въ рукахъ министерства, а земству „предоставлено“ только вносить деньги на ихъ содержаніе. Съ теченіемъ времени оно посягнуло даже на самыя первоначальныя училища, однокласныя, и вотъ напр., что опубликовалъ въ 1878 г. предсѣдатель хотинской земской управы, г. Лисовскій. Мѣстный инспекторъ училищъ прямо потребовалъ отъ училищнаго совѣта, чтобы всѣ эти училища были переданы въ вѣдѣніе министерства, намекая, что въ противномъ случаѣ инспекція ихъ можетъ закрыть, хотя бы за

шейся въ нихъ жажды къ образованію за границею. Цюрихскій университетъ былъ однимъ изъ первыхъ, отворившихъ свои двери для лицъ женскаго пола, и потому естественно, что въ Цюрихѣ скоро возникла небольшая колонія русскихъ студентокъ. Объ отличномъ усердіи ихъ къ дѣлу самообразованія и объ ихъ успѣхахъ свидѣтельствовали неоднократно отчеты университетскихъ властей, ставившихъ именно русскихъ студентокъ,—къ числу которыхъ принадлежала напр. извѣстная Суслова,—выше всѣхъ прочихъ. Но петербургское правительство не могло допустить такого «своеволья» въ дѣлѣ образованія своихъ «подданныхъ,» хотя бы непредназначенныхъ ни въ чиновники, ни въ солдаты. Оно, какъ мы видѣли въ I томѣ этого сочиненія, печатно объявило, что будто студентки занимаются въ Цюрихѣ развратомъ, учатся вытравливанію плода и т. п. гнусностямъ, и затѣмъ потребовало этихъ «заблудшихъ» домой.

несоблюденіе размѣровъ преподаванія, которые уставомъ объ этихъ училищахъ намѣренно неопредѣлены, чтобы оставить широкое мѣсто министерскому произволу. Такъ какъ совѣтъ отклонилъ подобное предложеніе, то инспекторъ уподобилъ его туркамъ, которые тоже не хотѣли добровольно исполнять требованія, но потомъ были принуждены къ этому силою. И этимъ подвиги министерскаго сбира не кончились: въ сосѣднемъ Сорокскомъ уѣздѣ, чтобы обойдти училищный совѣтъ, онъ прибѣгъ къ маневру, который на Руси всегда можетъ имѣть успѣхъ вслѣдствіе невѣжества и безправности народа: при посредствѣ одного мѣстнаго реакціонера у 28 сельскихъ обществъ были вынуждены приговоры о желаніи будто бы ихъ мѣстныя школы изъ земскихъ сдѣлать казенными.

Повторяемъ, съ одолѣвшимъ правительство обскурантизмомъ, прикрытымъ именемъ классицизма, могли бороться не частные люди, не общество, не земство, а только какая нибудь правительственная сила, шедшая въ разладъ съ большимъ потокомъ. Сила эта нашлась въ военномъ министрѣ Милютинѣ. Огромный недостатокъ въ офицерахъ, доходившій иногда до 6.000 человѣкъ, побудилъ его къ усиленію числа и состава разныхъ училищъ военнаго вѣдомства, и освобожденіе воспитанниковъ этихъ училищъ отъ греческаго и латинскаго

языковъ стало притягательною силою для юношества, а ловкому министру доставило большую популярность. Число военныхъ гимназій, т. е. бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, улучшенныхъ тѣмъ, что въ нихъ перестали мучить мальчиковъ ружейными пріемами и шагистикой, постоянно возростало, къ великой досадѣ гр. Толстаго и его вдохновителя, Каткова; росло и число кандидатовъ на поступленіе въ нихъ, такъ что обыкновенно къ пріемнымъ экзаменамъ являлось вдвое и втрое болѣе мальчиковъ, чѣмъ имѣлось ваканцій. Медицинская академія, т. е. высшее учебное заведеніе съ чисто реальнымъ образованіемъ, переполнилась студентами, и въ довершеніе всего Милютинъ выхлопоталъ открытіе при ней женскихъ курсовъ для приготовленія повивальныхъ бабокъ и женщинъ докторовъ для леченія женскихъ болѣзней... *) Другія спеціальныя вѣдомства, имѣющія свои учебныя заведенія, также мало раздѣляли классически-іезуитскія мнѣнія министерства Толстаго-Каткова-Георгіевскаго, и потому привлекали въ эти заведенія массу учениковъ. Технологическій институтъ, земледѣльческая академія, институты лѣсной и горный, со всѣми подготовительными для нихъ низшими школами, постоянно были переполнены моло-

*) Къ числу воспитанницъ академіи принадлежитъ извѣстная Кошеварова-Руднева.

дежью. За то и ненавидѣла же ихъ реакція! И какъ она шла нетолько изъ министерства народнаго просвѣщенія, а главнымъ образомъ изъ составлявшаго съ 1866 года думу русскаго правительства III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, то графомъ Шуваловымъ принимались самыя настойчивыя мѣры, чтобы уронить ненавистныя реакціонерамъ реальныя учебныя заведенія передъ государемъ и привести если не къ закрытію ихъ, то къ передачѣ въ „надежныя“ руки графа Толстаго. *) Стало нормальнымъ явленіемъ, что въ октябрѣ или ноябрѣ, т. е. ко времени возвращенія императора Александра изъ Крыма, въ одномъ изъ высшихъ заведеній этого рода въ Петербургѣ происходилъ какой нибудь скандалъ съ политическимъ оттѣнкомъ, вызванный обыкновенно тайными агентами III-го отдѣленія и приводившій къ арестамъ студентовъ, а иногда и къ высылкѣ многихъ изъ нихъ изъ Петербурга, какъ было напр. съ однимъ классомъ горнаго института въ 1873 году. Медицинская академія еще находила защиту въ ревнивомъ къ своей власти военномъ министерствѣ (хотя Милютинъ и не допускалъ къ себѣ депутацій студентовъ,

*) Особенно горячо ратовалъ Катковъ о передачѣ медицинской академіи. Теперь, въ 1879 году, реакціи отчасти и удалось ее разрушить, низведя комплектъ студентовъ до 500 человѣкъ.

желавшихъ объяснить корень зла), и даже графомъ Гейденомъ сказано было однажды рьяному начальнику петербургской полиціи, Трепову, что онъ не смѣетъ входить въ зданіе академіи и производить тамъ слѣдствіе и аресты безъ разрѣшенія военныхъ властей; *) но гражданскія учебныя заведенія были беззащитны. Изъ нихъ ссылали „административнымъ порядкомъ," т. е. безъ суда, не только студентовъ, но и наставниковъ, какъ напр. бывшаго инспектора лѣснаго института Энгельгардта и многихъ др. Еще недавно, въ 1877 г., изъ кіевскаго напр. университета, сразу было исключено 140 человѣкъ за то только, что они *просили* университетское начальство ходатайствовать объ освобожденіи неправильно арестованнаго товарища. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей были сосланы въ дальнѣйшія губерніи, и какъ проѣздъ ихъ черезъ Москву подалъ поводъ къ сочувственной демонстраціи публики, то полиція науськала невѣжественныхъ мясниковъ Охотнаго ряда взяться за ножи и потомъ отказалась преслѣдовать убійцъ, тогда какъ лица, заявившія мирно сочувствіе студентамъ были судимы мировымъ судьей. Впрочемъ полицейскій пріі-

*) За то Треповъ уполномочилъ поварихъ выборгской стороны Петербурга, у которыхъ большая часть медицинскихъ студентовъ обѣдаетъ, доносить полиціи о ихъ поведеніи и разговорахъ за обѣдомъ.

емъ возбужденія безпорядковъ, отъ ежегоднаго повторенія, сдѣлался настолько пошлымъ, что потерялъ кредитъ; а потому еще со вступленія въ управленіе III-мъ отдѣленіемъ Потапова въ 1874 г. систематическіе студентскіе „бунты и сговоры противу начальства“ прекратились; но непріязнь противу реальнаго образованія осталась, и, не хватая болѣе молодежи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, полиція перенесла свою гнусную дѣятельность за предѣлы большихъ городовъ подъ предлогомъ искорененія революціонеровъ-соціалистовъ, шедшихъ изъ аудиторіи въ народъ. Съ благословенія, даннаго императоромъ Александромъ московскому жандармскому генералу Слезкину,*) въ теченіе трехъ лѣтъ, 1874—77, было арестовано до трехъ съ половиною тысячъ молодыхъ людей въ разныхъ губерніяхъ; и хотя изъ нихъ только 193-хъ удалось подвести подъ судъ, который еще оправдалъ большую половину; но цѣль—терроризація молодаго поколѣнія—до нѣкоторой степени была достигнута, и число гнилыхъ юношей, безъ убѣжденій, безъ энергіи, и съ одною жаждой наживы, особенно помощью адвокатской софистики,—значительно возрасло.

Но заставлять страдать университетскую

*) «Поручаю тебѣ вырвать это зло съ корнемъ»—собственныя слова императора Слезкину.

молодежь за то, что она стремится къ свѣту, а не къ мраку, было мало для реакціи. Пока сами университеты, т. е. ихъ совѣты и факультеты, пользовались извѣстною долею независимости,—которой необходимость признавалъ еще Петръ Великій, говоря, что „науки принужденія не терпятъ, свободу любяще“, но которая стала ненавистна нашимъ просвѣтителямъ черезъ 150 лѣтъ послѣ Петра,—до тѣхъ поръ университеты необходимо стояли на дорогѣ поклонниковъ застоя. Нельзя напр. было вводить по произволу въ профессорскій персоналъ ретроградовъ и удалять изъ него людей либеральныхъ, если съ ними не случалось никакаго скандала; трудно было устраивать карьеру окончившихъ курсъ студентовъ по однимъ инспекторскимъ отмѣткамъ о „поведеніи“, т. е. о почтительности къ начальству. Да и въ другихъ случаяхъ университеты могли выказывать и дѣйствительно выказывали оппозицію разнымъ фантастическимъ распоряженіямъ административныхъ властей. Такъ напр. еще при Головинѣ, когда покровитель его и Фиркса, великій князь Константинъ Николаевичъ, вздумалъ разослать черезъ министерство по университетамъ въ большомъ числѣ экземпляровъ брошюру названнаго публициста: *„Que fera-t-on de la Pologne?“*, московскій университетъ призналъ, что книжка эта внѣ науки и что распространять ее въ об-

ществѣ онъ не считаетъ нужнымъ.*) Попечители же округовъ, люди не столь важные, какъ братъ императора, и очень нерѣдко встрѣчали въ университетскихъ совѣтахъ отпоръ своимъ домогательствамъ, всегда направленнымъ къ усиленію власти чиновниковъ надъ ученой республикой. Этой независимости графъ Толстой захотѣлъ положить предѣлъ. Онъ началъ тѣснить университеты, и напр. одинъ изъ нихъ, кіевскій, печатно обвинилъ въ намѣренномъ уничтоженіи историко-филологическаго факультета систематическимъ забракованіемъ лицъ, являвшихся для замѣщенія каѳедръ.“ Другому, московскому, онъ мстилъ за то, что совѣтъ его не удостоилъ званія заслуженнаго профессора сотрудника Каткова по лицею, классика Леонтьева, который хотя и не ходилъ вовсе на университетскія лекціи, получая жалованіе даромъ, но считалъ себя на столько сильнымъ у министра, что совѣтъ долженъ бы былъ не только дать ему почетный титулъ, но и предоставить ему право присылать вмѣсто себя на лекціи какого-нибудь преподавателя, по личному усмотрѣнію. —Эта борьба министра съ университетами разгоралась мало-по-малу и имѣла постоянною

*) Эта разсылка брошюры Фиркса подала поводъ къ знаменитымъ статьямъ Каткова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1864 года, гдѣ смѣло порицалась «невидимая рука, развѣвавшая по Россіи произведенія пера, враждебнаго ей.“

цѣлью отнять у послѣднихъ право выборовъ ректора, деканов и самихъ профессоровъ для передачи этого права министерству. Съ этою цѣлью графъ Толстой въ 1875 году назначилъ особую коммиссію изъ лицъ своего управленія, подъ предсѣдательствомъ Делянова, для ревизіи университетовъ, которая должна была доставить матеріалы для обвинительнаго акта противу нихъ. Сочинена была цѣлая серія вопросовъ, отвѣты на которые долженствовали скомпрометтировать профессоровъ-либераловъ, защитниковъ устава 1863 года, и вопросы эти предложены всѣмъ профессорамъ по одиночкѣ, съ запрещеніемъ подавать голоса собирательные, по факультетамъ или отъ совѣта. Негодованіе на эту мѣру было общимъ во всей Россіи. Одному изъ членовъ инквизиторской коммиссіи, плохому московскому физику, Любимову, который вмѣстѣ съ Георгіевскимъ былъ душою дѣла, пришлось поплатиться позоромъ, потому что товарищи его по университету написали и обнародовали письмо къ нему, гдѣ высказывали желаніе не служить съ нимъ больше. Было доказано въ печати же, что Любимовъ писалъ доносы или по крайней мѣрѣ прозрачныя безъименныя обвиненія на профессоровъ-либераловъ, и вѣроятно онъ палъ бы окончательно подъ ударами общественнаго мнѣнія, если бы министерство не поспѣшило запретить журналамъ

писать что-либо о любимовскомъ дѣлѣ. Въ 1876 и 77 годахъ университетская коммиссія замолкла; но едва окончилась война, какъ она выступила съ новымъ ретроградным проэктомъ: лишить университетскихъ и всякихъ другихъ студентовъ, получившихъ дипломы, правъ по службѣ, которыя даютъ эти дипломы, и учредить для желающихъ сдѣлаться чиновниками особые государственные экзамены передъ коммиссіями, назначаемыми министромъ народнаго просвѣщенія. На сколько удастся эта іезуитская мѣра, мы не можемъ сказать; но вотъ что по поводу ея высказала газета Голосъ, отвѣчая С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ, гдѣ предложеніе коммиссіи было напечатано съ изложеніемъ мотивовъ: „Ни какое учрежденіе, ни какая система не могутъ быть прочны тамъ, гдѣ нѣтъ твердаго плана преобразованій, заранѣе ясно поставленныхъ цѣлей, выведенныхъ изъ существа дѣла. Какое довѣріе можетъ внушать предполагаемая реформа, когда, возбуждая ее, вамъ говорятъ сегодня: „она необходима, чтобы урядить студентовъ,“ *) завтра: „она полезна въ видахъ контроля надъ профессорами,“ послѣ завтра: „съ помощью ихъ мы привлечемъ богатыхъ

*) Въ самомъ дѣлѣ, коммиссія возникла для того, чтобы положить предѣлъ студентскимъ волненіямъ; потомъ же она послѣдовательно выдумывала разные мотивы для оправданія своей дѣятельности.

людей въ университеты", на четвертый день: „мы наполнимъ департаменты истинно образованными чиновниками?" Если свѣдѣнія „Спб. Вѣдомостей" вѣрны, то кто поручится, что на пятый день мы не услышимъ новаго мотива, въ родѣ того, что государственные экзамены необходимы, чтобы поставить всѣ учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ подъ контроль одного министерства и его ученаго комитета? Почему, наконецъ, наряду съ этими высказываемыми мотивами, не допустить еще подразумѣваемыхъ, напр. что цѣль государственныхъ экзаменовъ состоитъ въ уничтоженіи всѣхъ учебныхъ заведеній, кромѣ подвѣдомственныхъ одному министерству, въ сосредоточеніи въ тѣхъ же рукахъ права опредѣлять на должности, и т. п.?"

Но остановимся въ перечисленіи стѣсненій, которыя полагались правительствомъ дѣлу просвѣщенія въ Россіи, и посмотримъ теперь, какъ, не смотря на эти стѣсненія, образованность распространялась въ русскомъ обществѣ. Мы уже говорили, что число студентовъ въ университетахъ постоянно росло до 1868 года, когда оно достигло до 6.190 человѣкъ. По сравненію съ 1853-мъ годомъ это даетъ приращеніе въ 117%, т. е. среднимъ числомъ около 8% въ годъ. Слѣдуя тому же закону приращенія, общее число студентовъ въ 1877 году должно бы было достигнуть по край-

ней мѣрѣ до 7.850 человѣкъ, но въ дѣйствительности оно не превосходило 5.820: двѣ тысячи человѣкъ въ годъ были жертвою теоріи классицизма! Конечно, и число 6.190 человѣкъ невелико, по сравненіи напр. съ Пруссіею, гдѣ уже въ 1868 году на 19 милліоновъ населенія приходилось 5.872 студента; но все же преуспѣяніе высшаго образованія было въ Россіи значительнымъ въ первые 15 лѣтъ царствованія Александра II, и если затѣмъ послѣдовалъ упадокъ, то вина всецѣло лежитъ на совѣсти самодержца и его ближайшихъ помощниковъ по управленію судьбами русскаго народа. Впрочемъ, было бы нѣсколько односторонне судить о распространеніи высшаго образованія по числу однихъ университетскихъ студентовъ. Высшія спеціальныя заведенія, институты и академіи, во многомъ исправляли зло, исходившее изъ министерства „просвѣщенія“. Такимъ образомъ институтъ технологическій, который еще въ 1868 году имѣлъ не болѣе 420 студентовъ, въ 1875-мъ имѣлъ ихъ болѣе тысячи; медицинская академія въ томъ же году до 1.400, четыре военныя и морская академіи—около 350, институты горный, путей сообщенія, историко-филологическій и земледѣльческій въ Петербургѣ, земледѣльческая академія, межевой институтъ и техническое училище въ Москвѣ, сельско хозяйственный институтъ въ

Пулавахъ, политехническій въ Ригѣ, училища правовѣдѣнія и строительное въ Петербургѣ, лицеи александровскій, катковскій, ярославскій и нѣжинскій заключали около 4.000 молодыхъ людей, которымъ была возможность окончить высшее, хотя и одностороннее, образованіе. Причисляя ихъ къ университетскимъ студентамъ и имѣя въ виду, что въ большей части случаевъ названныя заведенія имѣютъ четырехлѣтній курсъ, *) т. е. выпускаютъ въ годъ не болѣе, а обыкновенно менѣе $^1/_4$ части своихъ воспитанниковъ, мы получимъ, что всѣхъ молодыхъ людей въ Россіи, ежегодно вступавшихъ въ жизнь съ высшимъ образованіемъ, не могло быть больше 2,400 человѣкъ на 80.000.000 населенія, такъ что въ годъ одинъ человѣкъ съ такимъ образованіемъ прибавлялся лишь на 33.000 душъ! Для сравненія стоитъ замѣтить, что въ Швейцаріи по одному же подобному юношѣ приходится въ годъ лишь на 3.500 человѣкъ, т. е. въ девять разъ больше. И замѣтимъ, что даже эта скромная пропорція молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ кажется правительству очень высокою. Въ 1878 г. оно рѣшило не

*) Онъ достигаетъ до 5 лѣтъ въ медицинской академіи и технологическомъ институтѣ, но за то лишь $2^1/_2$ въ академіяхъ военныхъ. Относительно лицеевъ и училища правовѣдѣнія должно замѣтить, что они суть заведенія смѣшанныя, высшія и среднія вмѣстѣ.

дѣлать пріемовъ въ институты горный, технологическій, лѣсной и т. п., дабы понизить комплектъ учащихся въ нихъ. Высшее образованіе для обитателей Кавказа, Туркестана и Сибири доселѣ чрезвычайно затруднено по отдаленности этихъ частей имперіи отъ университетскихъ городовъ, и только въ 1875 году вновь назначенный въ Омскъ генералъ-губернаторъ Казнаковъ поднялъ серьезно вопросъ о сибирскомъ университетѣ, при чемъ наконецъ, черезъ три года, добился его удовлетворительнаго разрѣшенія, не смотря на то, что еще въ 1868 году поднявшій было его другой генералъ-губернаторъ, Корсаковъ, получилъ формальный отказъ.

Такъ какъ мы уже сказали о характерѣ образованія, которое навязывается большинству ученниковъ *среднихъ* учебныхъ заведеній, то, не касаясь болѣе качествъ этого образованія, перейдемъ прямо къ цифрамъ, выражающимъ количественное его распространеніе. Въ этомъ смыслѣ Россія сдѣлала еще больше успѣховъ, чѣмъ относительно высшаго образованія, какъ то и естественно для страны, гдѣ зажиточные классы, могущіе расходовать капиталы на пріобрѣтеніе обширныхъ познаній, очень немногочисленны, и гдѣ, слѣдовательно, гимназическій курсъ предназначенъ служить предѣломъ обученія для большинства даже тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ отцы и

дѣды принадлежали къ „образованнымъ“ сословіямъ, т. е. носили мундиры и фраки, а не длиннополые кафтаны и зипуны. Число гимназій, существовавшихъ въ 1855 году, не превосходило 77-ми, и въ нихъ было только 17.817 учениковъ; въ 1875 году первыхъ было 125, а съ прогимназіями, иногда имѣющими 5-6 классовъ, даже 184, съ 47.639 учениками. Число заведеній увеличилось, слѣдовательно, на 172%, а число учениковъ на 167%. А присоединивъ сюда:

48 реальн. училищъ вѣд. мин. нар. просвѣщенія, съ 8.515 уч.
57 среднихъ учебн. заведеній воен. вѣдомства, [1]) — 9.900 —
Коммерческія, земледѣльческ., техническія училища
разн. вѣдом. и 57 земск. учительск. семинарій. [2]) до 5.000?

получимъ свыше 70.000 мальчиковъ и юношей, трудящихся надъ полученіемъ средняго образованія, что даетъ одного такого мальчика на 1.145 душъ всего населенія, тогда какъ напр. во Франціи 1 collégien приходится на 250 душъ, а въ Германіи 1 на 228 душъ [3]).

[1]) Именно: 6 военныхъ училищъ, 21 кад. корп. и воен. гимназій, 10 прогимназій, 17 юнкерскихъ и 3 спеціально-техническія.

[2]) Кромѣ ихъ есть еще 7 учительскихъ институтовъ, ученики которыхъ также введены въ счетъ 5.000.

[3]) Если принять въ счетъ 12.227 русскихъ семинаристовъ церковнаго вѣдомства, то невыгодная для Россіи пропорція значительно уменьшится, именно будетъ 1 воспитанникъ средняго учебнаго заведенія на 1.000 душъ или около того, что все же вчетверо хуже Франціи.

Но если Россія далеко еще отстала въ дѣлѣ средняго образованія своихъ сыновъ отъ государствъ западной Европы, то по отношенію къ среднему образованію женщинъ она сдѣлала успѣхи, которыя ей доставили справедливое уваженіе у просвѣщеннѣйшихъ народовъ Запада. Русскія гимназистки признаны были наиболѣе подготовленными изъ всѣхъ дѣвушекъ, слушавшихъ университетскіе курсы въ Цюрихѣ. Изъ нихъ же по преимуществу составились высшіе „женскіе курсы“ при медицинской академіи въ Петербургѣ, при университетахъ въ Москвѣ и Кіевѣ и т. п. Основаніе женскихъ гимназій есть дѣло нашего времени, ибо при Николаѣ ихъ не было, а существовали для дѣвочекъ исключительно закрытыя заведенія, которыя отчуждали будущихъ женъ и матерей отъ жизни и дѣлали изъ нихъ либо сантиментальныхъ „кисейныхъ барышень,“ либо безсердечныхъ свѣтскихъ кокетокъ. И замѣчательно, что едва русскія дѣвушки получили для себя учебныя заведенія открытыя, какъ въ нихъ развилось стремленіе къ реальному образованію еще болѣе сильное, чѣмъ въ мальчикахъ. „Цвѣты Минервы,“ какъ назвалъ ихъ Герценъ, еще менѣе были склонны тратить свою молодость на упражненія въ мертвыхъ языкахъ, чѣмъ ихъ ровесники мужскаго пола. Женскихъ гимназій въ 1875 году было 62, прогимназій 136,

всего 198 съ 30.417 воспитанницами. И если прибавить сюда прежніе институты, въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и многихъ другихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ обучалось болѣе 6.000 воспитанницъ, то составится очень значительная цифра всѣхъ дѣвушекъ, получающихъ среднее образованіе. Грядущія поколѣнія молодежи должны будутъ съ благодарностью отнестись къ нашему, которое положило основу ихъ первоначальнаго умственнаго развитія при посредствѣ матерей, тогда какъ мы сами, по большей части, были лишены этого счастья. И благодарность эта, по справедливости, должна быть раздѣлена между обществомъ и правительствомъ, потому что при основаніи женскихъ гимназій послѣднее выказывало меньше реакціонныхъ наклонностей, чѣмъ при устройствѣ мужскихъ. Замѣтимъ, что среднія женскія учебныя заведенія дали Россіи уже не малое число учительницъ для низшихъ школъ, и что эти учительницы у насъ, какъ и въ Америкѣ, оказались болѣе способными къ своему дѣлу, чѣмъ учителя.

Да и вообще успѣхи средняго образованія благотворно отозвались на просвѣщеніи самыхъ народныхъ массъ, для которыхъ явилась наконецъ возможность пріобрѣтать иныхъ, лучшихъ наставниковъ, чѣмъ понамари и отставные солдаты прежняго времени, люди

полуграмотные, грубые и притомъ весьма малочисленные. Очевидно, что сельскія школы и другія *низшія* училища не могли умножаться въ числѣ и получать прочное устройство, пока не появилось цѣлое сословіе хорошо подготовленныхъ учителей. Но, конечно, и одна эта подготовка не создала бы школъ, если бы въ самыхъ народныхъ массахъ не пробудилось сознаніе въ необходимости образованія. Этому же пробужденію содѣйствовали: 1) освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, поднявшее въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, 2) предоставленіе льготъ по отправленію воинской повинности людямъ, получившимъ извѣстную долю образованія, 3) открытіе земскихъ учрежденій, гдѣ крестьяне явились, бокъ съ дворянами и духовными лицами, какъ бы законодателями по вопросамъ мѣстнаго интереса и потому живо почувствовали свою отсталость отъ передовыхъ сословій, 4) наконецъ гуманная дѣятельность многихъ бывшихъ помѣщиковъ, открывавшихъ на собственный счетъ школы для крестьянскихъ дѣтей, какъ гр. Л. Н. Толстой, или, по крайней мѣрѣ, помогавшихъ этому открытію предоставленіемъ крестьянамъ зданій подъ школы, лѣса на ихъ постройку и т. п. Иногда къ этому присоединялась личная дѣятельность по преподаванію членовъ помѣщичьихъ семействъ и вообще лицъ обра-

зованныхъ сословій, какъ то показалъ примѣръ воскресныхъ школъ, существовавшихъ въ 1860—62 годахъ. *) Но правительство даже въ самое либеральное время 1856—61 г. нерѣдко противодѣйствовало этимъ успѣхамъ начальнаго образованія, какъ было напр. въ 1860 году въ Одессѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ А. Строгоновъ не дозволилъ осуществиться обществу распространенія грамотности въ народѣ, хотя въ теченіе трехъ недѣль въ него записалось около 600 человѣкъ. Воскресныя школы съ самого почти возникновенія ихъ возбудили подозрительность правительства, и уже 23 декабря 1860 года, министръ народнаго просвѣщенія запретилъ преподавать въ нихъ исторію и ограничилъ курсъ обученія грамотою, начальною ариѳметикою и катехизисомъ, причемъ прямо оговорилъ, что правительство только „допускаетъ“ общество распространять грамотность, но не даетъ ему на то формальнаго права.

*) Школы эти были особенно многочисленны въ столицахъ, гдѣ посѣщались очень усердно рабочимъ сословіемъ. Реакціонеры позаботились о закрытіи ихъ и народныхъ читаленъ осенью 1862 года. Въ послѣдствіи онѣ были замѣнены, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, воскресными публичными чтеніями для простонародья, устраиваемыми въ разныхъ частяхъ города попеченіями... полиціи! Разумѣется, на этихъ полицейскихъ лекціяхъ, и предметами чтеній были по большей части вещи душеспасительныя, въ родѣ житія и приключеній какого нибудь святаго, или царя, такъ что напр. въ Петербургѣ изъ

„Статистика начальныхъ народныхъ школъ —говоритъ авторъ небольшой замѣтки о нихъ въ „Русскомъ Календарѣ“ на 1878 годъ— еще очень несовершенна. Въ отчетъ министра народнаго просвѣщенія, очевидно, входятъ не всѣ школы; а тѣ, которыя входятъ, носятъ характеръ смѣшанный: тутъ и просто сельскія, и церковно-приходскія, и воскресныя, и пр. И вотъ какая странность: въ отчетѣ графа Толстаго, какъ оберъ-прокурора синода, показано напр. въ кіевской эпархіи 1.348 школъ, въ подольской 1.027, въ черниговской 181, итого 2.556 школъ, а въ отчетѣ его же, гр. Толстаго, какъ министра народнаго просвѣщенія, показано по всему кіевскому учебному округу, въ который входятъ три названныя губерніи, всего 1.141 церковно-приходская (?) школа. Та же самая разница существуетъ и въ другихъ округахъ, такъ что не знаешь, гдѣ правда, въ министерскомъ ли отчетѣ или въ оберъ-прокурорскомъ. Разница происходитъ отъ того, что свѣдѣнія доставляются чиновниками двухъ вѣдомствъ, которые

всѣхъ 666 лекцій 231 была посвящена предметамъ религіозным и только 46 естествознанію. Отъ того сочувствіе къ нимъ постепенно ослабѣвало и выражалось слѣдующими цифрами :

Въ 1872 году	221	чтеніе и	26.783	слушателя.
— 1873 —	221	—	23.666	—
— 1874 —	124	—	11.814	—
— 1875 —	100	—	7.179	—

хотя и состоятъ подъ начальствомъ одного лица, но не достаточно спѣлись(!).—Во всякомъ случаѣ вотъ данныя. Училищъ

двухклассныхъ было:	городскихъ . .	213	477
	сельскихъ. . .	208	
	всякихъ др. .	56	
одноклассныхъ —	городскихъ.	1.763	23.459
	сельскихъ .	20.188	
	всякихъ др.	1.508	

всего 23.936. Учащихся въ нихъ находилось мужск. пола 785.465, женскаго пола 170.034, всего 955.499. — Число школъ, по словамъ графа Толстаго, до такой степени не соотвѣтствуетъ числительности населенія, что, полагая, по самому умѣренному разсчету, 1 школу на 1000 жителей, потребовалось бы 77.000 школъ для Россіи—собственно, безъ Кавказа, гдѣ есть 77.000.000 душъ населенія и въ томъ числѣ 11.500.000 дѣтей школьнаго возраста. Если же допустить, какъ обыкновенно принято въ Европѣ, необходимость существованія одной начальной школы на 500 душъ населенія, то потребовалось бы 144.000 школъ, т. е. вшестеро больше, чѣмъ ихъ существуетъ на дѣлѣ“.....

Но это сожалѣніе о недостаточности начальныхъ школъ, высказанное министромъ-ретроградомъ, напоминаетъ, что гр. Д. Толстой, въ свое время издавшій книгу „О католицизмѣ въ Россіи,“ не даромъ пользуется славою рус-

скаго іезуита, потому что сокрушеніе его отзывается тѣмъ, что принято называть „крокодиловыми слезами.“ Въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ тѣхъ учрежденій, которыя обыкновенно признаются необходимыми въ государствѣ и потому содержатся на его счетъ, не обладаетъ такимъ слабымъ бюджетомъ, какъ начальныя школы. По смѣтѣ 1876 года на нихъ было назначено всего 3.980.086 рублей, тогда какъ на гимназіи 6.138.114 р., на военно-учебныя заведенія 5.478.676 р. и на духовно-учебныя до 6 милліоновъ! Эта цифра 3.980.000 рублей составляетъ не болѣе $^1/_{142}$ части всего бюджета имперіи; но и изъ нея лишь малая доля шла собственно на основаніе и поддержку начальныхъ школъ; масса же поглащалась содержаніемъ директоровъ и инспекторовъ, *) т. е. ученыхъ поли-

*) Вотъ для доказательства примѣръ, за тотъ же 1876 г. Въ Костромской губерніи весь бюджетъ начальныхъ училищъ простирался въ этомъ году до 87.711 рублей; но изъ нихъ только 4.883 рубли давались министерствомъ народнаго просвѣщенія, а остальные расходы падали на земство. Между тѣмъ то же министерство не затруднялоль расходовать по губерніи 3000 рублей на директора и 7.500 р. на трехъ инспекторовъ. что даетъ расходъ казны въ 10.500 рублей или въ $2^1/_4$ раза болѣе, чѣмъ на самыя школы. Такъ какъ содержаніе каждаго начальнаго училища обходилось въ годъ 355 р., а жалованье учителя среднимъ числомъ достигало лишь до 176 р., то уничтоживъ названныхъ духовныхъ полиціймейстеровъ можно бы было открыть 29 новыхъ школъ или же дать

ціймейстеровъ или инквизиторовъ, которые должны были заботиться не столько объ умноженіи училищъ, *) сколько объ охраненіи ихъ отъ „вольнодумства“ наставниковъ. „Вѣстникъ Европы“ велъ долгую войну противу министерства за такое употребленіе денегъ не на пользу, а скорѣе во вредъ народному просвѣщенію; но что же могли сдѣлать онъ и всѣ другіе органы общественнаго мнѣнія противу лица *одного* министра, когда онъ облеченъ былъ неограниченными полномочіями верховной власти и имѣлъ въ основѣ своей дѣятельности идеи, формулированныя Салтыковымъ въ видѣ слѣдующаго діалога?

„*Вопросъ:* Какое образованіе необходимо для высшихъ классовъ?

„*Отвѣтъ:* Классическое, ибо только высшіе классы обладаютъ необходимымъ для чтенія Кошанскаго (автора реторики).

„*Вопросъ:* Какое образованіе необходимо для среднихъ классовъ?

„*Отвѣтъ:* Реальное, съ тѣмъ, впрочемъ,

содержаніе 59 новымъ учителямъ, которые могли бы обучать по крайней мѣрѣ 1.500 дѣтей.

*) Въ 1866 году бывшій начальникъ люблинской дирекціи Теодоровичъ писалъ къ предсѣдателю мѣстной крестьянской коммиссіи, чтобы онъ приказалъ закрыть нѣкоторыя сельскія школы. Бумага эта, на бланкѣ, за № была представлена въ подлинникѣ въ учредительный комитетъ въ Варшавѣ. Примѣръ этотъ далеко не единиченъ.

расчетомъ, чтобы каждый былъ обучаемъ въ предѣлахъ своей спеціальности, не вторгаясь въ спеціальности другихъ", т. е. оставаясь вѣчно человѣкомъ одностороннимъ.

„*Вопросъ:* Какое наиполезнѣйшее образованіе для низшихъ классовъ?

„*Отвѣтъ:* Никакого. Должны быть воспитаны въ страхѣ божіемъ."

И какое было дѣло графу Толстому, что какой-нибудь князь Васильчиковъ, въ своей книгѣ „О самоуправленіи," опредѣлялъ *minimum* издержекъ, необходимыхъ на русскія народныя школы, въ 12.600.000 рублей? Онъ, графъ-министръ, вѣдь и „предоставлялъ" народу заводить школы, только не давалъ на нихъ денегъ. А что тотъ же Васильчиковъ увѣрялъ, будто „искреннее содѣйствіе начальному образованію должно быть оказываемо не уставами, не чувствами, не рѣчами, а деньгами,"—такъ это конечно лишь потому, что онъ идеалистъ и вольнодумецъ до такой степени, что даже не состоитъ, по принципу, на государственной службѣ....

Цифра 3.980.000 упомянутая сейчасъ, приводитъ насъ и вообще къ разсмотрѣнію бюджета народнаго просвѣщенія въ Россіи. По смѣтѣ того же 1876 года, который мы привели, собственно это министерство получило въ свое распоряженіе 15.150.000 рублей и изъ нихъ израсходовало:

На администрацію	661.000 р.,	т.е.	4 %
„ университеты и лицеи.	2.661.000 —	—	18 —
„ сред. учебн. заведенія.	6.138.000 —	—	40 —
„ низш. учебн. заведенія.	3.980.000 —	—	26 —
„ пособія по учен. части.	1.763.000 —	—	12 —

Это давало бы въ общемъ выводѣ для государственныхъ расходовъ на просвѣщеніе націи едва 1/38 часть бюджета Россіи, если бы другія вѣдомства не содержали своихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Съ ними эти расходы на просвѣщеніе достигаютъ нынѣ до 36.800.000 руб.; а придавъ сюда расходы земства на начальныя училища и учительскія семинаріи, простирающіеся въ годъ за три милліона рублей, мы получимъ, что русскій народъ тратилъ въ послѣднее время на образованіе молодыхъ поколѣній едва 40.000.000 рублей, т. е. не болѣе 50 копѣекъ въ годъ съ души и не свыше 3-хъ рублей на каждаго подростка, находящагося въ учебномъ возрастѣ. Цифры эти были бы унизительны, если бы мы не знали, что въ 1855 г. бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія простирался лишь до 2.844.000рублей, т. е. былъ въ 5½ разъ меньше нынѣшняго!

Впрочемъ, три рубля и не выражаютъ того, что расходуется на каждаго учащагося въ дѣйствительности. Вспомнивъ, что число всѣхъ дѣтей и молодыхъ людей въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ про-

стирается за 1.100.000 человѣкъ, мы должны будемъ признать, что въ дѣйствительности на каждаго учащагося приходится въ годъ расхода до 37 рублей. Конечно, это очень немного и заставляетъ предполагать, что множество издержекъ на учащуюся молодежь дѣлается помимо государственнаго и земскаго бюджетовъ. Такъ оно и есть. За исключеніемъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ воспитанники-пансіонеры получаютъ жилище, одежду и пищу готовыми, всѣ остальныя училища имѣютъ учениковъ приходящихъ и потому прокармливаемыхъ и одѣваемыхъ на счетъ родныхъ, хотя бы даже извѣстная форма одежды была для нихъ обязательна, какъ напр. для гимназистовъ. Но не имѣя возможности даже приблизительно оцѣнить, какъ велики эти родительскіе расходы, *) ос-

*) Въ большинствѣ случаевъ они, къ несчастію для молодежи, также очень скудны, какъ можно видѣть напр. изъ слѣдующихъ описаній Дашкова, изображающихъ какъ бы нормальныхъ гимназиста и ученика уѣзднаго училища. «Осенній вечеръ; мелкій, холодный дождикъ; ноги скользятъ въ размокшей и расплывающейся почвѣ; съ трудомъ спускаемся на темномъ дворѣ по крутизнѣ оврага къ старому, перекосившемуся домику, у котораго нижній этажъ точно вросъ въ землю. По двумъ ступенькамъ, по которымъ грязь двора сползаетъ въ жилье, осторожно сходимъ въ тѣсныя сѣни и ощупью отыскиваемъ дверь; пахнуло удушливымъ тепломъ сырой, никогда не провѣтриваемой комнаты; въ ней еле-брезжитъ свѣтъ, такой слабый, что даже послѣ темныхъ сѣней глаза не сразу охватываютъ картину. Въ углу русская печь; отъ

тановимъ вниманіе на слѣдующихъ цифрахъ, которыя выражаютъ издержки государства и земства на учениковъ разныхъ разрядовъ. Онѣ относятся, правда, къ 1869-70 годамъ и съ того времени, конечно, нѣсколько возрасли, но во всякомъ случаѣ вѣроятно сохраняютъ то же взаимное отношеніе.

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ образованіе одного молодаго человѣка обходилось въ годъ:

Въ академіи генеральнаго штаба . . .	1.981 руб.
„ артиллерійск. академіи и училищѣ.	1.153 —
„ земледѣльческомъ институтѣ . . .	1.110 —
„ историко-филологическомъ институтѣ.	1.000 —
„ инженерныхъ академіи и училищѣ	990 —
„ горномъ институтѣ.	983 —
„ землед. и лѣсн. акад. и уч. правовѣд.	630 —
„ институтѣ путей сообщенія	609 —
„ университетѣ	340 —
„ медико-хирургической академіи . .	229 —
„ технологическомъ институтѣ . . .	210 —

нея до двери, на лѣво, виситъ грязная занавѣсь, за которой раздается протяжный храпъ. На право небольшое окно въ четыре стекла. Въ дальнемъ углу, подъ образомъ столикъ, четверти три въ квадратѣ, съ жестяной лампочкой, гдѣ горитъ безъ стекла тощій керосиновый фитиль и свободное пламя гнется и чуть не гаснетъ отъ всякой струи воздуха. Мы въ кабинетѣ гимназиста. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, скорчившись на сломаномъ табуретѣ, съ трудомъ устанавливаетъ передъ собой чернильницу, тетрадь, хрестоматію, лексиконъ и грамматику и принимаетъ, возясь съ книгами, невѣроятныя позы. Сидитъ онъ въ рубашкѣ и отъ времени до времени

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ годовыя издержки на одного ученика простирались:

Въ пажескомъ корпусѣ.	1.005 руб.
„ николаевск. кавалерійск. училищѣ	976 —
„ военно-юридическомъ училищѣ . .	670 —
„ военныхъ училищахъ.	649 —
„ военныхъ гимназіяхъ.	420 —
„ военныхъ прогимназіяхъ.	222 —
„ гражданскихъ гимназіяхъ	110 —

Наконецъ въ низшихъ училищахъ эти цифры падали:

Въ уѣздныхъ	до 5 руб.
„ сельскихъ начальныхъ.	— 2 —

Табличка эта очень поучительна. Она показываетъ, что важнѣйшіе государственные и общественные расходы дѣлались для образованія не тѣхъ юношей, которые съ ранняго дѣтства оказывались способнѣйшими, а тѣхъ, которые имѣли счастье родиться отъ людей зажиточныхъ и чиновныхъ. Такимъ образомъ

справляется съ своимъ пальто, растянутымъ на печкѣ, высохло ли оно послѣ дождя и можно ли его накинуть. Другого платья нѣтъ, а мундиръ носить дома, особенно за работой, нельзя: вѣдь онъ долженъ хватить на всю зиму и до экзаменовъ... За полночь просидитъ мальчикъ, напрягая глаза за этой слабой лампочкой, и когда лѣтъ черезъ пять заноетъ у юноши грудь, вспомнитъ онъ эту каторгу».....

«Зимнее утро. Сѣрые тучи будто накидаютъ тѣнь на землю; бѣлый, нетронутый снѣгъ отражаетъ матовый полусвѣтъ по мертвой улицѣ. За ночь была метель и нанесла вездѣ аршин-

одинъ пажъ — по статуту заведенія непремѣнно сынъ генерала или губернскаго предводителя дворянства—стоитъ втрое дороже студента университета, слишкомъ вчетверо дороже студента медицинской академіи и впятеро дороже технолога. Юнкеръ кавалерійскаго училища обходится въ полтора раза больше, чѣмъ инженеръ путей сообщенія, и воспитанникъ военной гимназіи—непремѣнно дворянинъ — вчетверо больше обыкновеннаго гимназиста. Тутъ очевидна система, которой смыслъ выразилъ еще Монтескье, сказавъ, что безъ дворянства нѣтъ монархіи. Правительство какъ бы даетъ премію дворянамъ и чиновникамъ за рожденіе дѣтей, конечно въ увѣренности, что они потомъ непремѣнно поступятъ на

ные сугробы. По нимъ медленно пробирается 12-ти лѣтній парнишко, вязнетъ по колѣни и едва вытащитъ одну ногу, какъ другая уходитъ въ рыхлый снѣгъ. Взглянувъ съ утра въ окошко на свѣжіе сугробы, онъ догадался, что будетъ за прогулка, и выпросивъ у хозяйки корку хлѣба, пошелъ, не дожидаясь утренняго чаю. Квартира въ концѣ города, болѣе получаса ходьбы до училища въ хорошую погоду, а въ такую! Что ежели опоздаетъ въ классъ? И страшно, и устало, и голодно! Слезы намерзаютъ крупинками на рѣсницахъ, лицо горитъ, потъ катится по спинѣ; а идти надо. Ну, слава богу, онъ въ училищѣ, и еще двѣ минуты до звонка. Бѣдняжка скидаетъ и вѣшаетъ пальто—холодно! Скидаетъ калоши—они набиты снѣгомъ; а сапоги уже давно безъ подошвъ и снизу стянуты бичевкой, чтобы сверху казаться сапогами..... вѣдь безъ нихъ точно въ классъ не пустятъ.»

службу ему; по одному вѣдомству, морскому, идея эта выразилась даже безъ всякихъ околичностей, потому что морскимъ офицерамъ прямо выдаются изъ казны деньги на воспитаніе каждаго ихъ ребенка. За то на сына мѣщанина и мужика государство и земство, даже совокупными силами, не находятъ въ годъ больше пяти и даже двухъ рублей, хотя они то, мѣщане и мужики и несутъ на себѣ тяжести налоговъ, отъ которыхъ дворянство и чиновничество свободны.... Впрочемъ, это неравенство было бы понятно и даже справедливо, если бы дѣло шло о воспитаніи дѣтей такихъ лицъ, которые потеряли жизнь или здоровье на службѣ государству; оно было бы до нѣкоторой степени извинительно, если бы государство являлось на помощь тѣмъ изъ своихъ слугъ, которыхъ оно дурно вознаграждаетъ за труды штатнымъ жалованьемъ; но къ сожалѣнію выводъ, который можно сдѣлать изъ приведенной выше таблички, прямо противорѣчитъ этимъ соображеніямъ гуманности. Наиболѣе облегчены способы образованія той молодежи, которой родители пользуются достаткомъ и притомъ добытымъ изъ средствъ государства же. О цензѣ „дарованій“ нѣтъ и рѣчи: по условіямъ образованія геній-технологъ или медикъ поставленъ силою закона несравненно ниже посредственнаго военнаго офицера, можетъ быть впрочемъ по той горь-

кой ироніи, что всегда и вездѣ, кромѣ демократическихъ республикъ, разрушители цѣнятся дороже производителей....

Отдадимъ справедливость русскому обществу нашего времени. Оно, если не изъ сознательнаго анализа фактовъ, то простымъ здравымъ смысломъ поняло всю несправедливость этого распредѣленія важнѣйшаго изъ гражданскихъ правъ молодыхъ поколѣній — права на образованіе, и, движимое гуманностью, явилось на посильное исправленіе зла. Огромное число стипендій было основано разными жертвователями для бѣдныхъ студентовъ разныхъ университетовъ и другихъ высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеній. Жертвователями являлись нетолько отдѣльныя благородныя личности, но цѣлыя общества, особенно городскія. Около двадцати обществъ собственно для пособія бѣднымъ ученикамъ существовало въ 1878 г. при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно при университетахъ. Въ петербургскомъ и московскомъ напр. субсидіи студентамъ достигли десятковъ тысячъ рублей. Кромѣ того мы были свидѣтелями примѣровъ еще высшей гуманности. Помѣщикъ Нарышкинъ, одинъ изъ тѣхъ Нарышкиныхъ, которые никогда не хотѣли быть ни графами, ни князьями, ограничиваясь тѣмъ, что считаютъ въ родѣ своемъ мать Петра Великаго, пожертвовалъ большой капиталъ на основаніе учитель-

скаго института въ Тамбовѣ. Другой помѣщикъ, Галаганъ, основалъ въ Кіевѣ лицей или коллегію. Золотопромышленники Поповъ, Асташевъ, Цибульскій и др. дали средства на устройство университета сибирскаго. Купецъ Поляковъ, извѣстный желѣзнодорожный строитель, чувствуя недостатокъ въ Россіи желѣзнодорожныхъ техниковъ, основалъ въ Ельцѣ училище для нихъ. Банкиръ Штиглицъ въ Петербургѣ далъ милліонъ рублей на устройство рисовальной школы, весьма полезной для фабрикъ, и т. п. Пусть даже нѣкоторые изъ этихъ людей дѣйствовали не по побужденіямъ чистой гуманности, а изъ тщеславія или по расчету, въ надеждѣ добыть чинъ или крестъ; но дѣла ими совершенныя, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ признательности и современниковъ и потомства. *)

Этими статистическими и историческими фактами мы могли бы и заключить наше краткое изложеніе важнѣйшихъ данныхъ объ успѣхахъ народнаго образованія въ Россіи за наше время. Но конечно многіе спросятъ:

*) Къ этимъ жертвователямъ на пользу просвѣщенія можно еще присоединить тѣхъ лицъ, которыя дѣлали расходы на ученыя предпріятія: графа Чапскаго, давшаго 100.000 руб. на экспедицію въ восточную Сибирь, Дашкова, основавшаго этнографическій музей въ Москвѣ, Сидорова и Сибирякова, жертвовавшихъ на научныя изслѣдованія русскаго сѣвера, и пр. Все это — ревнители знанія.

почему въ этомъ очеркѣ почти ничего не сказано объ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, на которыя однако же, какъ мы видимъ, расходуется до 6 милліоновъ рублей? Причина проста. Училища этого рода, по самому существу ихъ, назначены служить не свѣту, а мраку, не преуспѣянію, а застою. И если еще про низшія изъ нихъ можно сказать, что они могутъ не служить реакціи, такъ какъ сверхъ чтенія и письма, всѣмъ полезныхъ, въ нихъ учатъ немногому; то высшія, т. е. академіи и семинаріи, прямо назначены на поддержаніе въ обществѣ грубыхъ или обвѣтшалыхъ понятій и суевѣрія, выгодныхъ только для служителей алтаря и трона, но противныхъ людямъ, которые достоинство человѣческой природы ставятъ выше слѣпой привязанности къ преданіямъ. Доказательствъ этому отзыву можно бы привести множество, но возьмемъ на выдержку только два. Въ московской духовной академіи ректоръ, архимандритъ Савва, *сжегъ на кострѣ*, въ присутствіи студентовъ, найденныя у послѣднихъ сочиненія Пушкина, Гоголя, Полеваго и др. и запретилъ вообще читать свѣтскія сочиненія. Въ кишиневской семинаріи, по случаю шалости надъ портретомъ государя, виновника которой не открыли, начальство, въ 1878 г., *пересѣкло всѣхъ воспитанниковъ*, вѣроятно для того, чтобы прочнѣе утвердить въ нихъ чувства хри-

стіанскаго благодушія и справедливости, которыя они потомъ, будучи священниками, должны будутъ развивать въ своихъ прихожанахъ. Соотвѣтственно этимъ и подобнымъ имъ фактамъ можно признать, что успѣхи умственнаго и нравственнаго развитія общества, если они дѣйствительны, должны выражаться упадкомъ училищъ церковныхъ. Къ чести современной Россіи должно сказать, что такъ оно и есть. Напрасно правительство изъ году въ годъ увеличивало размѣры своихъ издержекъ на духовенство и на училища для его подготовленія; напрасно ставило оно препоны воспитанникамъ духовныхъ школъ къ переходу въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ: школы эти посѣщались все меньше и меньше, какъ видно напр. изъ слѣдующаго сравненія:

Въ 1865 г. было	230	дух. уч. зав. съ	52.083	ученик.
„ 1869 —	244	—	47.166	—
„ 1875 —	243	—	40.596	—

Убыль въ десять лѣтъ — 11.487 уч.

Если возьмемъ главныя изъ училищъ духовнаго вѣдомства, семинаріи, въ которыхъ образуются священники и діаконы, то найдемъ, что въ 1868 году въ нихъ было 15.585 учениковъ, а въ 1875 — всего 12.227, т. е. на 3.358 меньше. Въ 1878 году дошло до того, что напр. въ тобольской эпархіи имѣлось 60 священническихъ вакансій, а для замѣщенія

ихъ въ высшемъ классѣ мѣстной семинаріи находилось всего 7 учениковъ. Эти цифры лучше всего показываютъ, что духъ истиннаго знанія, духъ точной науки проникъ въ самые ретроградные слои русскаго общества, и послѣдствіемъ этого было то, что съ каждымъ годомъ число охотниковъ заниматься профессіею богослуженія уменьшалось, такъ что синодъ долженъ былъ уменьшить число приходовъ, оставивъ многія церкви филіальными, т. е. приписанными, безъ особыхъ причтовъ, къ другимъ приходамъ. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ разрядовъ учебныхъ заведеній не далъ, пропорціонально, такой массы слушателей въ университетъ и медицинскую академію, какъ семинаріи, и что кромѣ того бывшіе семинаристы чаще прочихъ превращались въ радикаловъ и атеистовъ. Это послѣднее явленіе свидѣтельствуетъ, какъ могущественъ законъ противодѣйствія человѣческой природы всякимъ тискамъ для разума и какъ успѣшно дѣйствовалъ онъ въ Россіи съ 1855 года. *)

*) Строки эти были напечатаны, когда сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе правительства, чтобы семинаристовъ болѣе въ университеты не принимать... Разумѣется, этому можно только радоваться, потому, что послѣ принятія такой мѣры сколько-нибудьразвитые священники и дьяконы перестанутъ опредѣлять своихъ дѣтей въ духовныя училища и послѣднія совсѣмъ опустѣютъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что весьма сильное подспорье дѣлу народнаго образованія составляли школы, заведенныя въ арміи для обученія солдатъ. Въ настоящее время число грамотныхъ въ рядахъ войскъ составляетъ до 50%, иногда болѣе; между тѣмъ самый большой процентъ грамотныхъ новобранцевъ доселѣ не превосходилъ 13%. Ясно, что 37% научились читать, писать, а иногда и кое-чему большему, нося уже военный мундиръ. И здѣсь опять русскій народъ долженъ съ благодарностью вспомнить о военномъ министрѣ Милютинѣ, который употреблялъ всѣ мѣры къ поднятію уровня образованія въ войскахъ, зная, что грамотность солдатъ послужитъ къ распространенію грамотности и въ народныхъ массахъ. Его же закону о льготахъ по военной службѣ для обученныхъ въ разной степени обязана русская земля возникновеніемъ множества новыхъ начальныхъ школъ, какъ мы имѣли уже случай объ этомъ упомянуть.

Теперь сдѣлаемъ изъ всего вышеизложеннаго нѣсколько выводовъ, характеризующихъ развитіе образованія въ Россіи съ 1855 г.:

1. Современную Россію (1878-79) нельзя и сравнивать, по отношенію къ образованію, съ тою, которую оставилъ въ 1855 году императоръ Николай. Неопровержимыя цифры доказываютъ, что она въ послѣдніе 23 года

сдѣлала больше успѣховъ въ умственномъ развитіи молодаго поколѣнія, чѣмъ за все время съ Петра Великаго, а слѣд. во все продолженіе своей исторіи.

2. Особенно характеричными для нашего времени являются успѣхи образованія женщинъ, солдатъ и сельскаго населенія.

3. Отличительною же чертою для нашей эпохи служитъ стремленіе молодыхъ поколѣній къ образованію дѣльному, т. е. реальному, а не къ безплодному изученію знаній, неприложимыхъ къ жизни.

4. Въ дѣлѣ распространенія образованія высшаго и средняго много услугъ оказало правительство; но низшее образованіе распространялось исключительно усиліями народныхъ массъ, земскихъ учрежденій и отдѣльныхъ благородныхъ дѣятелей; правительство же не мало вредило ему, вмѣшиваясь съ своимъ полицейскимъ надзоромъ и вообще стѣсняя развитіе народныхъ училищъ.

5. Въ первые шесть лѣтъ послѣ 1855 г. правительство честно стремилось къ умственному обновленію общества помощью широкой свободы, данной образованію; потомъ оно начало впадать въ реакцію, вѣроятно изъ опасенія польскаго и другихъ заграничныхъ вліяній, а также въ угоду консервативной партіи, считавшей себя ослабленною и даже униженною освобожденіемъ крѣпостныхъ. Съ

1866 года, т. е. послѣ каракозовскаго выстрѣла, реакція дѣлается безжалостною и, въ видахъ пониженія размѣровъ и уровня образованія, вводитъ, наперекоръ молодымъ поколѣніямъ, систему обученія классическаго, т. е. ретрограднаго. Въ возникшей отсюда борьбѣ общества противу правительства особенно постыдную роль играетъ графъ Толстой и, напротивъ, выгодно выставляетъ себя военный министръ, Д. Милютинъ. Не смотря на усилія реакціи, успѣхи реальнаго образованія продолжаются.

6. Гоненія на реализмъ вызываютъ эмиграцію или по крайней мѣрѣ абсентеизмъ молодежи въ значительной части образованныхъ классовъ.

7. Реакціонныя по природѣ своей церковныя училища падаютъ, и въ самомъ духовенствѣ возникаетъ сильная наклонность къ реализму.

О томъ, какъ отозвались успѣхи образованія на развитіи въ Россіи науки и литературы, мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Научное движеніе.

Пріобрѣтенія, сдѣланныя умомъ, составляютъ самую важную часть наслѣдственныхъ богатствъ человѣчества.

Бокль.

Тридцатилѣтнее давленіе Николая на умственное развитіе русскаго общества, особенно усилившееся съ 1848 года, печально отозвалось на состояніи русской литературы, какъ ученой, такъ и художественной. Въ Россіи еще было нѣсколько математиковъ и естествоиспытателей съ крупными европейскими именами—Струве, Остроградскій, Бэръ, Пироговъ и др.,—но науки политическія имѣли въ ней очень мало достойныхъ представителей вслѣдствіе той жестокости, съ какою преслѣдовалась всякая самостоятельная политическая мысль. Историкъ Грановскій, по своему вліянію на умственное развитіе молодыхъ поколѣній, стоялъ почти одиноко впереди немно-

гочисленной фаланги русскихъ писателей, занимавшихся политическими науками. За нимъ слѣдовали Погодинъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Кудрявцевъ, Неволинъ и нѣсколько другихъ людей съ именемъ каждый въ своей средѣ, но безъ особаго вліянія на развитіе общества. Въ изящной литературѣ, послѣ Гоголя, умершаго умственно еще въ 1846 г., а физически въ 1852-мъ, на первомъ планѣ стоялъ Герценъ (Искандеръ) съ его знаменитымъ романомъ „Кто виноватъ?“, съ „докторомъ Круповымъ“ и съ рядомъ статей популярно-философскаго содержанія; но это былъ писатель запрещенный и жившій внѣ предѣловъ Россіи. Изъ другихъ литературныхъ талантовъ Достоевскій также безмолвствовалъ, потому что былъ въ каторгѣ, а прочіе,—Тургеневъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Писемскій, Островскій, или только начинали свою карьеру или, опять-таки, должны были молчать. Критикъ Бѣлинскій, вмѣстѣ съ Герценомъ и другими писателями образовавшейся въ 1840-хъ годахъ *натуральной школы* такъ много содѣйствовавшій пробужденію русской мысли, умеръ отъ чахотки, въ которую впалъ отъ непосильной литературной работы и тяжелой борьбы съ тою средою, которая его окружала. Даже писатели противнаго Бѣлинскому, т. е. не западно-европейскаго, а національнаго лагеря, *славянофилы* — Хомяковъ, Аксаковы, Киреевскіе и др.—замолкли къ кон-

цу царствованія Николая. Пустота, бездарность и пошлость господствовали тогда въ русской литературѣ. Представителями періодической печати, столь могущественной въ то время во всей Европѣ, стояли Булгаринъ и Гречъ, которыхъ гражданская и литературная дѣятельность, вслѣдствіе ихъ продажности и связей съ тайной полиціей, внушала къ себѣ глубокое отвращеніе всѣмъ честнымъ людямъ.

Оживленіе умственной дѣятельности въ Россіи началось вскорѣ послѣ смерти Николая. Оно вызвано было, главнымъ образомъ, преобразовательною дѣятельностью правительства и покровительствуемо ослабленіемъ цензурныхъ узъ, вслѣдствіе чего явилась наконецъ возможность, хотя въ предѣлахъ осторожности, говорить о томъ, о чемъ прежде приходилось молчать. Число ученыхъ и литературныхъ дѣятелей увеличилось какъ по тѣмъ же причинамъ, такъ и потому, что масса людей съ университетскимъ образованіемъ начала быстро расти. Прежде литературная дѣятельность была достояніемъ только немногихъ лицъ, почти исключительно дворянъ, и притомъ писатели, даже перворазрядные, какъ Жуковскій и Гоголь, не считали стыдомъ грѣться лучами придворнаго солнца; теперь въ печати все болѣе и болѣе стали появляться имена людей новыхъ въ томъ смыслѣ, какъ Цицеронъ былъ въ Римѣ *homo novus*, и при-

томъ на столько гордыхъ, что покровительство двора они сочли бы для себя униженіемъ. Эта демократизація умственнаго движенія, т. е. распространеніе его на сравнительно большую массу людей, высказалось притомъ не только въ сферѣ изящной словесности, но и въ области науки. Многія ученыя общества, дремавшія при Николаѣ, стали обнаруживать признаки внутренней жизни, привлекшія въ среду ихъ новыя силы, которыя обогатили русскую науку немаловажными пріобрѣтеніями. Основалось много новыхъ обществъ; стали издаваться на русскомъ языкѣ ученые журналы, даже самою академіею наукъ, которая съ кончины Екатерины II отличалась презрѣніемъ къ интересамъ русскаго просвѣщенія. Охватить всю массу ученыхъ и литературныхъ произведеній новаго времени трудно, чтоб не сказать невозможно. Статистика книжной производительности находится у насъ во младенчествѣ, и если еще за нѣкоторые годы можно привести цифры относительно числа изданій и содержащихся въ нихъ печатныхъ листовъ, то эти цифры, безъ сравненія ихъ съ прежними, были бы мало поучительны. *) Остается

*) Въ 1873 г. вышло въ Россіи 2950 книгъ, т. е. вчетверо менѣе, чѣмъ во Франціи или Германіи и вдвое менѣе, чѣмъ въ Италіи. Но и изъ этой небольшой цифры 133 книги были не русскія, а лѣтъ 25 назадъ едва ли можно было насчитать и 700 русскихъ книгъ въ годъ, считая тутъ азбуки и учебники.

избрать другой путь и характеризовать умственное движеніе нестолько по его объему, сколько по содержанію. Начнемъ съ ученыхъ обществъ.

Первымъ изъ нихъ по размѣрамъ и плодотворности его трудовъ, конечно, должно быть названо географическое. Ему преимущественно обязана наука разширеніемъ познаній о разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ азіатской Россіи и сосѣднихъ ей странъ, для чего оно снаряжало нѣсколько большихъ экспедицій: сибирскую, хорасанскую, аму-дарьинскую и др., и посылало многихъ отдѣльныхъ лицъ для научныхъ изслѣдованій. Имена И. Аксакова, Артемьева, Бушена, Гиляровскаго, Крапоткина, Крыжина, Маака, Майнова, Миллера, Мошкова, Остенъ-Сакена, Палладія, Полякова, Потанина, Пржевальскаго, Радде, Рашкова, Соболева, Сѣверцева, Ханыкова, Чаславскаго, Чекановскаго, Чубинскаго, Шварца, Шмидта, Янсона и др. обязаны ему своею извѣстностью. Кромѣ того оно привлекало къ участію въ своихъ трудахъ—и притомъ вполнѣ добровольно, силою одного нравственнаго авторитета—много ученыхъ, составившихъ себѣ извѣстность независимо отъ его намѣреній: Бэра, Валиханова, Васильева, Венюкова, Ивашинцева, Небольсина, Стебницкаго, Федченко и мн. др. Правительство поступало основательно, оказывая ему значительную

денежную и административную поддержку и позволяя открывать свои отдѣлы въ провинціяхъ, гдѣ они, какъ въ Иркутскѣ, отчасти въ Тифлисѣ, служатъ средоточіемъ мѣстной научной дѣятельности. Обществу обязана Россія изслѣдованіемъ своей хлѣбной торговли, основаніемъ множества метеорологическихъ станцій, изданіемъ этнографической и географической карты Россіи и цѣлаго ряда цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, составившихъ за 30 лѣтъ значительную библіотеку. Русское Географическое общество занимаетъ нынѣ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ подобныхъ учрежденій въ цѣлой Европѣ.

Изъ большаго ряда другихъ ученыхъ обществъ назовемъ сначала тѣ, которыя возникли послѣ 1855 года, такъ какъ ихъ основаніе выражаетъ степень умственнаго движенія въ Россіи за наше время. Это будутъ: въ Петербургѣ—русское историческое (1866), русское техническое (1867), энтомологическое, химическое, естествоиспытателей при с. петербургскомъ университетѣ, въ Москвѣ—общество любителей естествознанія и антропологіи, физико-медицинское, распространенія техническихъ знаній и др., въ Казани и Кіевѣ естествоисторическія. Даже въ нѣкоторыхъ неуниверситетскихъ городахъ, какъ напр. въ Тифлисѣ, Екатеринбургѣ, Вильнѣ, возникли

ученые кружки, трудящіеся надъ собираніемъ и обработкой мѣстныхъ научныхъ фактовъ, и будущему историку русскаго просвѣщенія нельзя будетъ обойдти ихъ молчаніемъ. Мы же здѣсь скажемъ лишь нѣсколько словъ о тѣхъ проявленіяхъ дѣятельности названныхъ ученыхъ корпорацій, которыя оказали особую пользу русской наукѣ и просвѣщенію народа въ настоящее время. Русское историческое общество, пользуясь покровительствомъ наслѣдника престола, издало, въ какіе нибудь десять лѣтъ, болѣе двадцати томовъ самыхъ любопытныхъ историческихъ документовъ, каковы напр. труды екатерининской коммиссіи по составленію законовъ, и др., и если оно не пошло дальше, т. е. не работаетъ надъ исторіею новаго времени, то лишь потому, что правительство допускаетъ свободныя занятія исторіею только такихъ событій, которыя случились не менѣе ста лѣтъ назадъ. Молодое московское общество любителей естествознанія и антропологіи устроило въ 1872 году политехническую выставку, а потомъ политехническій музей, и издало много прекрасныхъ научныхъ трудовъ Богданова, Дашкова, Сѣверцова, Федченко и др. Русское техническое общество въ Петербургѣ также основало музей и постоянно привлекаетъ въ среду свою ученыхъ техниковъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе

для промышленности. Петербургское общество естествоиспытателей въ короткое время своего существованія успѣло устроить любопытную экспедицію въ арало-каспійскую низменность, при чемъ съ пользою для науки трудились Аленицынъ, Гриммъ, Барботъ де Марни, и др. Даже провинціальныя ученыя общества, особенно естествоисторическія, не смотря на свои скудныя средства, внесли немало фактовъ въ науку, напр. казанское поддержкой Смирнова въ его изслѣдованіяхъ магнетизма въ Россіи.

Нѣкоторыя изъ прежде существовавшихъ ученыхъ корпорацій, напр. минералогическое и вольно-экономическое общества въ Петербургѣ, испытателей природы и исторіи и древностей въ Москвѣ, и мн. др. продолжали свою дѣятельность съ замѣтнымъ оживленіемъ силъ. Минералогическое напр. издало цѣлый рядъ своихъ записокъ, заключающихъ много важныхъ фактовъ по геологіи Россіи. Президентъ его, Кокшаровъ, по справедливости считается однимъ изъ первыхъ минераловъ цѣлаго свѣта, и между членами есть достойные ученые, какъ Антиповъ, Иностранцевъ, Меллеръ и др. Вольно-экономическое содѣйствовало географическому въ дѣлѣ изученія русской хлѣбной торговли и первое подняло вопросъ о пользѣ изданія земскаго сборника, гдѣ бы сводились въ одно цѣлое результаты дѣ-

ятельности разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, донынѣ поставленныхъ правительствомъ въ невозможность обмѣниваться мыслями по предметамъ, ихъ занимающимъ. Московское общество исторіи и древностей, при секретарѣ Бодянскомъ, издало много любопытныхъ историческихъ документовъ и научныхъ изслѣдованій.

Вообще, невозможно, въ краткомъ очеркѣ, перечислить все то множество прекрасныхъ трудовъ и начинаній, которыми русская наука обязана разнымъ ученымъ обществамъ съ 1855 года. Довольно будетъ сказать, что оживленная дѣятельность многихъ изъ нихъ сильно помогла пробужденію общаго сочувствія къ наукѣ въ русскихъ образованныхъ сословіяхъ, такъ что напр. появленіе дамъ перестало быть феноменомъ на ученыхъ собраніяхъ, и ежедневныя газеты стали заботиться о своевременномъ напечатаніи отчетовъ о происходившемъ въ этихъ собраніяхъ. Отсюда уже было недалеко до распространенія въ публикѣ потребности въ ученыхъ журналахъ, и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что такіе журналы начали понемногу появляться и, къ выгодѣ русскаго образованія, привлекать въ число своихъ сотрудниковъ людей, которые прежде волею-неволею печатали отчеты о своихъ трудахъ и открытіяхъ въ иностранныхъ изданіяхъ. Кромѣ того,

русскіе ученые, разъ соединясь въ мѣстныя корпораціи и замѣтивъ выгодныя отъ того послѣдствія для науки, почувствовали необходимость еще болѣе тѣснаго сближенія и взаимнаго личнаго знакомства, что повело къ учрежденію съѣздовъ, на подобіе существовавшихъ уже въ Англіи и Германіи. Такихъ съѣздовъ, начиная съ 1867 г., было уже нѣсколько между натуралистами и археологами, въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ и Казани. Къ съѣздамъ національнымъ, т. е. исключительно русскимъ, скоро примкнули международные, чѣмъ Россія какъ бы окончательно признана членомъ семьи образованныхъ націй, тогда какъ лѣтъ тридцать назадъ посѣщеніе ея цѣлыми сонмами европейскихъ ученыхъ было почти также немыслимо, какъ посѣщеніе ими Китая. Такихъ съѣздовъ было два: статистиковъ въ 1872 году и оріенталистовъ въ 1876.

Чтобы закончить этотъ бѣглый очеркъ дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ въ послѣдніе 23 года, скажемъ еще, что эта почтенная дѣятельность вызвала наконецъ признаки жизни даже у косной по своей природѣ петербургской академіи наукъ. Получая отъ казны ежедневно 305.000 рублей, т. е. больше, чѣмъ всѣ прочія ученыя корпораціи вмѣстѣ, эта академія, со времени кончины Екатерины II, не заботилась объ успѣхахъ науки въ

Россіи, и всѣ свои труды постоянно издавала на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, особенно на послѣднемъ, такъ какъ значительная часть академиковъ—нѣмцы. *) Съ 1855 г. по почину бывшаго своего президента, графа Блудова, академія наконецъ издаетъ по русски хотя одинъ изъ своихъ органовъ, „Записки," гдѣ если и не встрѣчается первоклассныхъ ученыхъ трудовъ, то все же есть немало данныхъ, важныхъ для успѣха знаній. Но старая привычка считать себя какою то колоніею маговъ среди невѣжественнаго плебса доселѣ не оставила петербургскихъ академиковъ, и они торжественно доказали это на бывшихъ въ Петербургѣ съѣздахъ естествоиспытателей и оріенталистовъ. На послѣднемъ вовсе не было академиковъ, а на первомъ далеко не имъ принадлежала руководящая роль. Даже снаряженіе экспедицій для научнаго изслѣдованія Россіи, которыя прежде нерѣдко имѣли мѣсто по почину академіи, нынѣ прекратилось. Кромѣ того нѣкоторые изъ академиковъ скомпрометировали свое высокое научное положеніе дѣйствіями, не совсѣмъ приличными въ ученой средѣ. Такъ академикъ Шифнеръ, воспользовавшись печатаніемъ въ академической типографіи русскаго перевода одной тибетской книги, сдѣланнаго профессоромъ Васильевымъ,

*) Въ 1876 г. на 37 человѣкъ—18.

сдѣлалъ съ него переводъ нѣмецкій и издалъ послѣдній, какъ собственный, совершенный будто бы прямо съ тибетскаго языка, съ которымъ однако же академикъ недовольно знакомъ. Другой нѣмецъ-филологъ, Бетлингъ, на предложеніе гр. Блудова издать его нѣмецко-санскритскій трудъ съ русскимъ переводомъ нѣмецкаго текста отвѣчалъ, что онъ не позволитъ *испортить* такимъ образомъ свою работу, и былъ въ этомъ упорствѣ поддержанъ всѣми остальными товарищами-соплеменниками. Между тѣмъ оказалось, что словарь его полонъ ошибокъ и недосмотровъ, такъ что сто тысячъ рублей, издержанныхъ на его изданіе, вышли напрасною тратою. Третій академикъ—нѣмецъ, Шренкъ, не постыдился занять мѣсто смотрителя академической типографіи, при чемъ, разумѣется, получилъ возможность имѣть хорошій доходъ... Въ виду всего этого въ русскомъ образованномъ обществѣ установилось общее желаніе, чтобы академія была, если не закрыта то совершенно преобразована, такъ чтобы она могла не служить болѣе убѣжищемъ для нѣмцевъ, которые любятъ синекуры (3000 р. жалованья и квартиры, безъ всякой отвѣтственной дѣятельности) и притомъ настолько безцеремонны, что напр. избрали въ академики по каѳедрѣ русской исторіи своего единоплеменника Куника, не смотря на то, что онъ вовсе не зналъ этой

науки, а только далъ обѣщаніе научиться ей послѣ избранія!

Но произнося этотъ несочувственный отзывъ о петербургской академіи наукъ, какъ учрежденіи, очевидно отжившемъ свой вѣкъ— какъ, впрочемъ, почти всѣ академіи Европы,— мы должны отдать должную справедливость трудамъ многихъ отдѣльныхъ членовъ, ее составляющихъ. Отличному математику Чебышову, члену-корреспонденту французскаго института, много обязаны усовершенствованіемъ высшія отрасли интегральнаго исчисленія и теоріи чиселъ. Другой математикъ, Буняковскій, сверхъ прежнихъ своихъ трудовъ, доставившихъ ему почетное имя въ наукѣ, какъ то „Теоріи вѣроятностей“ и „Математическаго словаря,“ разрабатывалъ не безъ успѣха вопросы, въ которыхъ математика приложима къ антропологіи и статистикѣ. В. Струве въ разсматриваемое нами время издалъ обширный трудъ объ измѣреніи дуги меридіана отъ Торнео до устья Дуная, и образовалъ подъ своимъ руководствомъ цѣлое поколѣніе дѣятельныхъ геодезистовъ, которымъ много обязана картографія Россіи и вообще математическая географія. О. Струве продолжалъ работы отца, хотя завѣдуемая имъ пулковская обсерваторія нынѣ уже далеко не стоитъ на той высотѣ, какъ было въ 1840-хъ годахъ. Подъ его руководствомъ производился, Фор-

шемъ и Жилинскимъ, обширный трудъ измѣренія европейской части 52° параллели, которой значительная доля лежитъ въ Россіи. О трудахъ Кокшарова по минералогіи уже упомянуто; Гельмерсенъ много работалъ по геологіи и издалъ общую геологическую карту Россіи, значительно лучшую мурчисоновой. Шренку и Максимовичу наука обязана множествомъ драгоцѣнныхъ естествоисторическихъ фактовъ относительно Амурскаго басейна и Японскаго моря. Овсянниковъ много трудился по физіологіи и эмбріологіи, а Зининъ и Бутлеровъ по химіи. Трудолюбивый историкъ Соловьевъ довелъ свою обширную „Исторію Россіи“ до временъ Екатерины II и неустанно продолжаетъ работать, хотя уже выпустилъ 27 томовъ. Сочиненіе это, при многихъ недостаткахъ, останется навсегда памятникомъ серьезнаго отношенія автора къ предмету его занятій и драгоцѣннымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся прошлымъ Россіи, вмѣстѣ съ трудами другаго академика, Погодина. Буслаевъ, котораго можно назвать русскимъ Гриммомъ, много сдѣлалъ по исторіи русскаго языка и различныхъ произведеній древней народной поэзіи; Гротъ трудился надъ рѣшеніемъ многихъ теоретическихъ вопросовъ русской грамматики надъ изданіемъ сочиненій Державина, а Срезневскій надъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій. Пекарскій и Сухомлиновъ

много сдѣлали для исторіи русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ, а Вельяминовъ-Зерновъ —для исторіи среднеазіатскихъ народовъ. Наконецъ, секретарю академіи, Веселовскому, принадлежитъ отличное сочиненіе о климатѣ Россіи, почетнымъ же членамъ: Мидендорфу— изданіе классическаго описанія его путешествія по Сибири, Абиху—обстоятельное изученіе геологіи Кавказа, а Бэру—цѣлый рядъ превосходныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ физической географіи, исторіи животнаго царства и антропологіи, поставившихъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ естествоиспытателей нашего вѣка.

Это перечисленіе важнѣйшихъ трудовъ русскихъ академиковъ естественно обязываетъ насъ вспомнить о трудахъ и тѣхъ ученыхъ, которые не принадлежатъ академіи. За многочисленностью ихъ, конечно, мы можемъ привести лишь самые главные. Стрѣльбицкій, на основаніи съемокъ военныхъ топографовъ и слишкомъ 19.000 астрономическихъ опредѣленій, построилъ обширную карту Европейской Россіи, которая на долго останется незамѣнимою, хотя и имѣетъ немало ошибокъ. По ней онъ произвелъ исчисленіе поверхности страны и достигъ выводовъ, по точности своей превосходящихъ всѣ прежніе, хотя конечно и не абсолютныхъ. Швейцеръ далъ любопытные выводы объ мѣстныхъ отклоненіяхъ отвѣса

въ окрестностяхъ Москвы, а Стебницкій—по обѣимъ сторонамъ Кавказа. Тотъ же Стебницкій и Ходзько оказали большія услуги географіи Кавказскаго края, и первый, кромѣ того, составилъ хорошія карты Персіи, Азіятской Турціи и Закаспійскаго края. Ивашинцову, Ульскому и Пущину принадлежитъ хорошее гидрографическое описаніе Каспійскаго моря, не вполнѣ впрочемъ заключенное, потому что изслѣдованія не охватили нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей его, и напр. заливъ Михайловскій былъ вовсе пропущенъ. Вмѣстѣ съ трудами Эйхвальда, Бэра и Гримма эти работы русскихъ моряковъ сдѣлали изъ Каспійскаго моря водоемъ наилучше изслѣдованный на всемъ земномъ шарѣ. Дорандту, Миллеру, Пущину, Смирнову, Тилло и Шарнгорсту принадлежитъ длинный рядъ наблюденій надъ магнитными элементами почти по всему протяженіи Россіи, отъ Днѣпра до устьевъ Лены. Эйхвальдъ и Щуровскій продолжали прежде начатые труды свои по геологіи Россіи, причемъ первый особенно занимался палеонтологіею, а послѣдній изученіемъ подмосковныхъ формацій. Борщовъ, Бунге, Кирѣевскій, Краузе сообщили много данныхъ о растительности среднеазіятскихъ равнинъ. Аленицынъ, Богдановъ, Федченко и Сѣверцевъ о тамошнихъ животныхъ, а Татариновъ, Барботъ-де-Марни, Мушкетовъ, Романовскій, Габріель о геологи-

ческомъ строеніи Средней Азіи и минеральной ея производительности. Этнографія той же обширной страны нашла ревностныхъ изслѣдователей въ лицѣ Гребенкина, Куна, Радлова, Соболева, Ханыкова, Хорошкина и др., а географія ихъ—въ лицѣ множества путешественниковъ, между которыми назовемъ еще не упомянутыхъ нами Каульбарса, Костенко, Куропаткина и Маева. Монголія, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, отъ Хингана до верховьевъ Голубой рѣки и отъ Алатау до Лобъкора, обстоятельно изслѣдована Пржевальскимъ, который справедливо стоитъ теперь въ ряду наиболѣе знаменитыхъ путешественниковъ нашего вѣка. Въ сѣверной половинѣ той же страны трудился съ пользою Потанинъ. Въ пріамурскихъ земляхъ. кромѣ прежде упомянутыхъ Шренка, Максимовича, Маака, Радде, Рашкова, оказали немаловажныя услуги наукѣ и Аносовъ, Лопатинъ, Шмидтъ, по геологіи, Барабашъ, Большевъ и Усольцевъ, по общей географіи, а Бабкинъ, Орловъ и Старицкій по гидрографіи. Даже далекая и труднодоступная земля Чукчей была посѣщена русскими изслѣдователями: Афанасьевымъ, Нейманомъ и Онацевичемъ. Въ холодныхъ пустыняхъ восточной Сибири составилъ себѣ громкую славу отличными трудами Чекановскій; но къ сожалѣнію недостатокъ вниманія къ нему петербургской бюрократіи вынудилъ его покончить

съ жизнію, какъ покончили по той же причинѣ еще прежде его Пахтъ и Виткевичъ.

Переходя отъ этого длиннаго и все-таки слишкомъ неполнаго списка путешественниковъ къ ученымъ, работавшимъ въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, мы можемъ съ справедливою гордостью назвать отличныхъ физіологовъ Якубовича, Ковалевскаго и Сѣченова, эмбріолога и антрополога Мечникова, ихтіолога Кесслера, химиковъ Менделѣева, Шишкова, Энгельгардта, Соколова, Меньшуткина, медиковъ Пирогова, Боткина, и мн. др. Но нашъ списокъ лицъ, служившихъ съ 1855 г. точнымъ наукамъ въ Россіи, и безъ того уже слишкомъ длиненъ и сухъ, чтобы нужно было его продолжать. Всѣ названные ученые имѣютъ право на мѣсто въ лѣтописяхъ знаній и русскаго просвѣщенія, т. е. на самыхъ отрадныхъ страницахъ исторіи. Дѣло, ими сдѣланное, прочно, и чѣмъ дальше будетъ русскій народъ идти по пути цивилизаціи, тѣмъ имена ихъ будутъ являться въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Если же случайно нѣкоторые изъ нихъ, напр. химикъ Бутлеровъ и зоологъ Вагнеръ, измѣнили знамени чистаго разума и впали въ спиритизмъ, то эти личныя слабости не уменьшаютъ достоинства тѣхъ трудовъ, гдѣ тѣ же люди являются истинными служителями науки. Замѣтимъ притомъ, что спиритизмъ и вообще мистицизмъ

нетолько ничего не выиграли въ Россіи со времени „вертящихся столовъ“ и намѣренія „повернуть диванъ,“ *) т. е. съ 1853-54 годовъ, но и совершенно почти лишилися почвы въ русскомъ обществѣ, озаренномъ свѣтомъ науки. Естествознаніе стало любимымъ предметомъ занятій всѣхъ лучшихъ людей, безъ различія возрастовъ, половъ и сословій. Книга природы нашла ревностныхъ читателей нетолько между юношествомъ свѣтскихъ классовъ общества, но даже между многими членами духовенства, этого исконнаго врага точной науки. И хотя правительственная реакція послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ была направлена противу успѣховъ естествознанія; но это не помѣшало Дарвину и Фохту сдѣлаться среди большинства современнаго поколѣнія столь же высокими авторитетами, какъ былъ Гумбольдтъ для избранныхъ умовъ николаевскаго періода, какъ Вольтеръ для передовыхъ людей XVIII столѣтія.

Русская политическая литература, естественно, сдѣлала въ послѣдніе 23 года еще боль-

*) Въ 1853 году, т. е. въ эпоху общаго увлеченія столоверченіемъ, разсказывали, что императоръ Николай писалъ князю Меньшикову въ Константинополь: «мы здѣсь занимаемся верченіемъ столовъ, а ты мнѣ поверни диванъ.» — Я и сижу на диванѣ, отвѣчалъ князь, да не вертится: англійскія пружины.

шіе успѣхи, чѣмъ естествоисторическая и математическая. Предметъ ея доступнѣе большинству, вопросы, ею затрогиваемые, ближе къ сферѣ общественной жизни, и отъ того или другаго рѣшенія этихъ вопросовъ прямо зависитъ судьба поколѣній. Молчать о нихъ нельзя, если наконецъ деспотизмъ не налагаетъ печать молчанія на уста. Притомъ Россія въ разсматриваемые нами 23 года пережила много важнѣйшихъ фазъ своего историческаго развитія, и было бы удивительно, если бы мысли передовыхъ людей времени не высказались при этомъ гласно. А какъ въ прежнее время условія для развитія русской политической литературы были крайне неблагопріятны, то можно сказать, что она только-что родилась съ 1855 года, потому что немногія серьезныя сочиненія, въ родѣ „Исторіи Россіи“ Карамзина, „Теоріи налоговъ“ Тургенева, „Энциклопедіи права“ Неволина и т. п., вышедшія въ первой половинѣ XIX вѣка, не составляютъ же литературы. Но если юношескій возрастъ нашей политической словесности внѣ спора, то тѣмъ цѣлостнѣе она выражаетъ *нашу* эпоху, и идеалы, стремленія и дѣйствительность *нашего* времени. У нея очень мало традицій, которыя такъ чувствительно отзываются на развитіи такой же литературы на западѣ, гдѣ почти нѣтъ сочиненій, на которыхъ бы не

отзывался духъ партій, т. е. не дѣлалось бы подтасовки фактовъ и болѣе или менѣе односторонняго освѣщенія ихъ. Она искреннѣе, честнѣе въ своихъ тенденціяхъ. Но разумѣется, что молодая русская политическая литература не можетъ представить такой массы первокласныхъ трудовъ, какъ старыя литературы Англіи, Франціи и Германіи. Довольно будетъ сказать, что среди ея произведеній есть нѣсколько достойныхъ стать въ уровень съ самыми лучшими сочиненіями западныхъ политическихъ писателей. И если неограниченная форма правленія въ Россіи исключала почти всякое самостоятельное изслѣдованіе въ области государственнаго права, политики и отчасти даже политической экономіи, то по другимъ отраслямъ науки, занимающейся человѣкомъ, какъ членомъ общества, есть много прекрасныхъ изслѣдованій. Начнемъ съ исторіи.

Между русскими историческими писателями нашего времени, послѣ рано сошедшаго въ могилу Грановскаго, выдающееся мѣсто, конечно, принадлежитъ Соловьеву, по обширности его работъ; но объ немъ мы уже упомянули, а потому прибавимъ только, что этотъ почтенный писатель, много подвинувшій науку, не имѣетъ почти никакого вліянія на умственное развитіе своего поколѣнія, вслѣдствіе излишней сухости своего труда, неумѣ-

нья сравнивать описываемыя имъ историческія событія съ однородными фактами изъ исторіи другихъ народовъ и дѣлать теоретическіе выводы, приложимые къ современной жизни или по крайней мѣрѣ наглядно характеризующіе жизнь прошедшаго. Слогъ его тяжелъ; изображенія историческихъ личностей безцвѣтны, и, вѣроятно въ ожиданіи назначенія своего оффиціальнымъ исторіографомъ Россіи, онъ постоянно смягчаетъ тѣ преступныя дѣянія, которыми отличались русскіе самодержцы. Поэтому перейдемъ къ другимъ современнымъ русскимъ историкамъ. Изъ нихъ Костомаровъ, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ совершенную противоположность Соловьеву. Это — писатель-художникъ, умѣвшій обрисовать очень живо многія эпохи русской исторіи; это либералъ, заплатившій за вѣрность своимъ убѣжденіямъ ссылкою, но къ сожалѣнію не совсѣмъ безпристрастный въ оцѣнкѣ историческихъ личностей, особенно московскаго царства и петербургской имперіи, которыхъ онъ не безъ удовольствія развѣнчиваетъ отъ ореола, такъ или иначе ихъ окружавшаго. Конечно, его „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ и его историческіе монографіи въ родѣ „Богдана Хмѣльницкаго,“ находятъ много читателей, но служатъ болѣе къ образованію нравственнаго ихъ чувства,

чѣмъ историческаго разумѣнія. Къ школѣ его принадлежитъ Мордовцевъ, историкъ разныхъ русскихъ смутъ прежняго времени и памфлетистъ настоящей эпохи, авторъ „Самозванцевъ,“ „Гайдамачины“ и „Десятилѣтія русскаго земства,“ произведенія слабаго, но нелишеннаго интереса для изученія современной Россіи.

Почти одновременно съ Соловьевымъ и Костомаровымъ, еще въ 1840-хъ годахъ, выступилъ на поприще исторической литературы Кавелинъ, отличный знатокъ древняго юридическаго быта Россіи и историкъ-философъ, умѣвшій въ своихъ изысканіяхъ относительно русскихъ формъ жизни примѣнять идеи, выработанныя на западѣ, чего недостаетъ ни Соловьеву, ни даже Костомарову. Кавелинъ, кромѣ того, живо интересовался текущими событіями, вопросомъ объ установленіи новыхъ общественныхъ отношеній въ оживавшей Россіи. Ему первому въ русской литературѣ удалось высказать мысль о выкупѣ поземельныхъ надѣловъ при освобожденіи крестьянъ, мысль, которая большинству русскихъ государственныхъ людей сначала казалась нелѣпою. Одно время Кавелинъ, умный, изящно-вѣжливый, былъ призванъ къ преподаванію русской исторіи бывшему наслѣднику престола, Николаю Александровичу; но его гуманныя идеи, его частыя бесѣды о народѣ,

т. е. о мужикахъ, а не о генералахъ, возбудили противу него неудовольствіе въ придворныхъ сферахъ, и ему пришлось оставить свой постъ „у подножія трона“ и ограничиться профессурою въ петербургскомъ университетѣ, а въ послѣднее время, къ сожалѣнію, посвятить себя безплоднымъ блужданіямъ въ сферѣ метафизики. Прочнѣе его на почвѣ изученія юридическихъ отношеній въ древней Россіи сохранился человѣкъ ума, конечно, не столь обширнаго, но трудолюбія образцоваго, Калачовъ, авторъ изслѣдованій о „Русской Правдѣ,“ „Кормчей книгѣ,“ о „русскихъ артеляхъ“ и издатель „Писцовыхъ книгъ“ и „Юридическаго архива,“ архиваріусъ по призванію. Ему русская исторія много обязана обнародованіемъ разныхъ документовъ прежняго времени. — Около него, по роду занятій, можетъ быть поставленъ Бѣляевъ, авторъ „Крестьянъ на Руси“ и изслѣдованій о наслѣдствѣ, о сторожевой службѣ, о войскѣ и пр. въ древней Россіи. Бѣляевъ нѣкоторое время замѣнялъ собою, въ званіи секретаря московскаго общества исторіи и древностей, Бодянскаго, писателя также весьма трудолюбиваго и сполна отдавшагося изученію древностей русскихъ и вообще славянскихъ. Бодянскій уже принадлежитъ къ школѣ такъ-называемыхъ славянофиловъ, т. е. людей, увлекавшихся всеславянской идеей,

сущность которой высказалъ Пушкинъ въ извѣстной одѣ „Клеветникамъ Россіи“ (Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ? Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ!). Ему принадлежатъ изслѣдованія о времени происхожденія славянскихъ письменъ, о св. Борисѣ, переводъ Шафариковыхъ „Славянскихъ древностей“ и пр.; но главная его заслуга, наравнѣ съ Калачовымъ, есть изданіе множества старинныхъ сочиненій о Россіи, за что онъ и поплатился въ 1848 г. лишеніемъ мѣста профессора, вслѣдствіе обнародованія на русскомъ языкѣ книги Флетчера, который описалъ, въ XVII вѣкѣ, московское царство въ несовсѣмъ привлекательномъ видѣ. Въ ряду историковъ-славянофиловъ, открываемомъ Бодянскимъ, первое мѣсто принадлежитъ впрочемъ не ему, а Погодину, унаслѣдованному нашимъ временемъ отъ Николаевскаго и бывшему съ одной стороны уважаемымъ за стойкость убѣжденій, а съ другой осмѣиваемымъ за ихъ отсталость и за почти гарпагоновское скопидомство. Названія его сочиненій могли бы занять цѣлыя страницы; но наиболѣе извѣстныя изъ нихъ: „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи,“ „Изслѣдованія о Несторѣ,“ „Норманскій періодъ,“ біографія Карамзина и рядъ памфлетовъ, относящихся до восточнаго и польскаго вопросовъ. Погодинъ былъ предсѣдателемъ славянскаго коми-

тета въ Москвѣ и въ этомъ званіи немало содѣйствовалъ распространенію панславистскихъ мечтаній въ нѣкоторыхъ кружкахъ русскаго общества, которое, благодаря этому, получило ложное понятіе о сочувствіи будто бы къ Россіи западныхъ славянъ. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ другими славянофилами, долженъ нести долю нравственной отвѣтственности за ту тяжелую войну, которую началъ въ 1877 году императоръ Александръ, хотя бы даже послѣдній панславистскими теоріями прикрывалъ совершенно иныя цѣли.

Назвавъ Погодина и Бодянскаго, мы вступили въ кругъ славянофиловъ, который объемлетъ собою не однихъ историковъ, а и писателей другихъ разрядовъ. Не смотря на такую разнородность состава, кругъ, по вліянію своему на судьбы Россіи, представляетъ нѣчто цѣлое, а потому остановимся именно здѣсь, чтобы ближе ознакомиться съ нимъ. Славянофильская школа въ Россіи ведетъ свое начало отъ временъ Шишкова, когда этотъ „поборникъ чистоты россійскаго языка“, вмѣстѣ съ другими ретроградами, велъ горячія нападки на карамзинскія нововведенія сначала въ языкѣ, а потомъ и въ идеяхъ русскаго общества. Человѣкъ съ узко-національнымъ кругомъ понятій, съ убѣжденіями и привычками, заимствованными отчасти изъ „Кормчей-

книги“ и „Домостроя,“ отчасти изъ военно-морскихъ уставовъ, риторъ, призванный къ писанію манифестовъ и потому возведенный, послѣ Сперанскаго, въ званіе государственнаго секретаря, можетъ быть для того, чтобы уронить значеніе этого сана, Шишковъ, конечно, прошелъ бы совершенно безслѣдно свое поприще, какъ множество другихъ адмираловъ и генераловъ, военныхъ и статскихъ. Осталось бы, вѣроятно, одно воспоминаніе, что имъ закрыты, въ 1822 году, масонскія ложи, бывшія нѣкоторое время средоточіемъ гуманизма въ Россіи. Но онъ имѣлъ тщеславіе считать себя ученымъ, потому что сочинилъ корнесловъ русскаго языка и написалъ разсужденіе „о древнемъ и новомъ слогѣ“: вслѣдствіе этого и благодаря его оффиціальному положенію, около него образовался небольшой кружокъ такихъ же ультра-націоналовъ, какъ онъ самъ или его сотрудникъ, Магницкій. Бывали въ его средѣ и люди, искренно преданные его патріотическимъ и славянофильскимъ идеямъ, въ родѣ С. Аксакова: отъ нихъ то пошла школа писателей, конечно, честныхъ, часто очень умныхъ, но упорныхъ въ своей ограниченности и въ національномъ самообольщеніи, которое они возвели изъ просто русскаго во всеславянское чувство. Мало-по-малу у нихъ созрѣло ученіе, что не только славяне,—самое отсталое по

умственному и политическому развитію изъ трехъ большихъ европейскихъ племенъ,— призваны составить одно политическое цѣлое, но что имъ даже суждено обновить умственно и нравственно европейскій Западъ, будто бы сгнившій и разлагающійся. Крайне нелѣпое воззрѣніе это одно изъ всѣхъ самостоятельныхъ могло быть терпимо императоромъ Николаемъ, и вотъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно успѣло охватить многіе умы, особенно въ Москвѣ, которая, переставъ быть столицею Россіи, хотѣла стать средоточіемъ славянскаго міра. Кромѣ Аксаковыхъ, отца и сыновей, къ школѣ или партіи принадлежали: Хомяковъ, братья Киреевскіе, Самаринъ, Кошелевъ, Погодинъ и др. — все люди съ умомъ, образованіемъ и хорошимъ положеніемъ въ обществѣ. Школа была почти застрахована отъ столкновеній съ III отдѣленіемъ с. е. и. в. канцеляріи, спеціально существующимъ для подавленія всякихъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій, такъ какъ девизомъ ея въ вопросахъ собственно русскихъ было: „православіе, самодержавіе и народность,“ что вполнѣ подходило ко вкусамъ самого Николая. И если Самаринъ въ 1840-хъ годахъ попалъ въ Петропавловскую крѣпость, то лишь потому, что задѣлъ за живое дорогихъ голштейнъ-готорпской династіи остзейскихъ нѣмцевъ.

Славянофилы, кромѣ Погодина, не подарили русской литературѣ ни одного капитальнаго ученаго труда; да иначе едва ли могло и быть, потому что истинная наука космополитична, а духъ партіи, секты способенъ создавать только памфлеты, хотя бы въ нѣсколько томовъ каждый. Однако и между ними были писатели большихъ дарованій. Хомяковъ, писавшій понемногу обо всемъ—о религіи и политикѣ, о славянахъ нашего времени и о германцахъ эпохи переселенія народовъ,—въ стихахъ и въ прозѣ,—обладалъ большою начитанностью и рѣдкимъ діалектическимъ талантомъ, напоминавшимъ греческихъ софистовъ, такъ что его даже прозвали: Горгіасъ, совопросникъ міра. Киреевскіе были люди отлично образованные, хотя и мистики; Самаринъ съ образованіемъ соединялъ даръ язвительной полемики. Константинъ и Иванъ Аксаковы суть также писатели даровитые, особенно какъ публицисты. Къ началу нашего времени, т. е. къ 1855 году, славянофильская школа была въ полномъ составѣ, кромѣ Киреевскихъ, и могла смѣло начать работать, потому что уже не стало николаевскаго деспотизма, съ 1848 г. подавлявшаго всякое умственное движеніе, да не стало и неукротимаго противника славянофиловъ, Бѣлинскаго, который стремленія ихъ называлъ іудейскою проказою, а органъ ихъ, „Москви-

тянинъ“—неприличнымъ мѣстомъ. Въ царствованіе Александра II славянофилы умножились поступленіемъ въ ихъ ряды князя Черкасскаго, Попова, Иловайскаго и др. въ Москвѣ, Гильфердинга, Ламанскаго, Макушева и пр. въ Петербургѣ. Въ обѣихъ столицахъ мало-по-малу образовались многолюдные славянскіе комитеты и, при содѣйствіи правительства, по азіятскому департаменту министерства иностранныхъ дѣлъ, начали дѣятельную всеславянскую пропаганду, употребляя для этой цѣли даже обрусѣлыхъ нѣмцевъ, въ родѣ Гильфердинга и Н. Берга. Съѣздъ австрійскихъ и турецкихъ славянъ на этнографическую выставку, устроенную въ 1867 г. въ Москвѣ, показалъ силу и значеніе славянофильскихъ кружковъ и даже вызвалъ самого императора Александра на нѣсколько публичныхъ, хотя конечно очень сдержанныхъ, словъ въ всеславянскомъ духѣ.

Остановясь такъ, сравнительно, долго на славянофильскомъ кружкѣ, потому что онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ учено-литературныхъ круговъ пріобрѣлъ политическое вліяніе, мы можемъ быть кратки въ перечисленіи трудовъ отдѣльныхъ его членовъ, тѣмъ болѣе, что труды эти, какъ уже сказано, неособенно важны. На поприщѣ исторіи и этнографіи славянства особенно отличились Гильфердингъ, Поповъ, Ламанскій, Григоровичъ и Макушевъ,

все писатели непервостепенные, далеко уступающіе напр. Добровскому, Шафарику, Палацкому, Ранке и другимъ западнымъ корифеямъ науки, ихъ занимавшей. Самаринъ составилъ себѣ извѣстность въ литературѣ не славянофильскими сочиненіями, а блестящими памфлетами, подъ названіемъ „Окраинъ Россіи," направленными противу исключительнаго положенія въ Россіи прибалтійскихъ нѣмцевъ. Но эти памфлеты, при всемъ ихъ остроуміи, ѣдкости и смѣлости, доходящей иногда до того, что авторъ поучаетъ императора Александра или даже смѣется надъ нимъ, не суть произведенія ученыя, какъ и его же книга „Іезуиты въ Россіи," далеко уступающая труду свящ. Морошкина. Гораздо серьезнѣе и полезнѣе для русскаго общества была дѣятельность Самарина по крестьянскому вопросу въ Россіи и Польшѣ и по земству въ Москвѣ, гдѣ онъ снискалъ славу отличнаго оратора. Какъ „образцовый гражданинъ русской земли," Самаринъ былъ почтенъ, по кончинѣ своей, такими заявленіями симпатіи, какихъ рѣдко удостоиваются первостепенные писатели и сановники. Кошелевъ также пріобрѣлъ немало правъ на уваженіе русскаго общества дѣятельностью въ земствѣ, добросовѣстною защитою общиннаго устройства крестьянъ, смѣлыми нападками на бюрократію и еще болѣе смѣлымъ требованіемъ конституціи. Его брошюры по

этимъ предметамъ, подобно книгамъ Самарина о балтійскомъ вопросѣ изданные заграницею, читались и читаются въ Россіи съ большимъ сочувствіемъ; его „Голосъ изъ земства," напечатанный въ Москвѣ, скоро послѣ появленія сталъ библіографическою рѣдкостью.—Конст. и Ив. Аксаковы извѣстны какъ отличные публицисты и ораторы, которыхъ смѣлые голоса часто возвышалися до того, что петербургское чиновничество было не въ состояніи выносить ихъ. Такъ журналъ Константина „Парусъ" былъ запрещенъ на третьемъ номерѣ за статью о публикѣ и народѣ, гдѣ напоминалось, что сердце Россіи—Кремль, а не Петропавловская крѣпость. Такъ журналъ Ивана „Москва" подвергся неоднократнымъ предостереженіямъ и запрещеніямъ потому, что онъ осмѣливался говорить, что „русскій императоръ есть не только покровитель православной церкви, но и почтительный сынъ ея," или что законъ объ административныхъ предостереженіяхъ журналамъ есть узаконеніе административнаго произвола. Ив. Аксаковъ, нынѣшній предсѣдатель московскаго славянскаго комитета, есть одинъ изъ лучшихъ русскихъ ораторовъ, и его зажигательныя рѣчи сильно дѣйствовали не только на москвичей, но на все русское общество и даже на правительство во время предшествовавшее войнѣ 1877—78 гг. Частный человѣкъ, при томъ безъ состоянія, которое

потратилъ на изданіе журналовъ, онъ съумѣлъ создать себѣ такое положеніе, что съ нимъ переписывался наслѣдникъ престола, у котораго онъ притомъ не заискивалъ... Но должно замѣтить, что какъ славянофилъ-москвичъ онъ — человѣкъ крайнихъ мнѣній, доходящихъ иногда до нелѣпости. Такъ онъ не затруднился сдѣлать упрекъ чехамъ за то, что они, хоть и ревностные защитники славянства, не хотятъ отвернуться отъ католицизма и перейдти въ православіе, которое будто бы есть національная религія славянъ!

Чтобы заключить нашъ обзоръ славянофильской школы, замѣтимъ, что къ ней, кромѣ названныхъ уже лицъ и профессоровъ Иловайскаго въ Москвѣ и Григоровича въ Казани и Одессѣ, принадлежатъ еще двѣ личности, поставленныя внѣшними обстоятельствами нѣсколько въ сторонѣ отъ большинства дѣятелей школы, но связанные съ нею образомъ мыслей. Разумѣемъ Бакунина и Фадѣева. Человѣкъ ума несомнѣнно обширнаго, энергіи образцовой, человѣкъ умѣвшій сохранить убѣжденія молодости до старческаго возраста, Бакунинъ имѣетъ право на вниманіе будущихъ поколѣній русскихъ людей. Онъ выступилъ на литературное поприще не большими статьями по философіи, написанными подъ вліяніемъ Гегеля; но не могъ или не хотѣлъ продолжать ихъ. Затѣмъ мы видимъ его уже не на

теоретическомъ поприщѣ, а въ самомъ рьяномъ порывѣ практической жизни, вождемъ инсургентовъ въ Дрезденѣ, гдѣ онъ, чужеземецъ, боролся за свободу противу доспотизма. Вслѣдствіе этого благороднаго порыва онъ былъ схваченъ австрійскими властями и, какъ отъявленный революціонеръ и панславистъ, посаженъ въ казематъ на цѣпь, а потомъ выданъ николаевскому правительству, которое, хотя и не могло обвинить его въ какомъ либо нарушеніи русскихъ законовъ, но засадило въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ сослало въ Сибирь. Здѣсь генералъ-губернаторъ Муравьевъ помогалъ ему, создавъ для него мѣсто адвоката золотопромышленниковъ при главномъ управленіи Восточной Сибири; но, по смѣнѣ Муравьева, положеніе Бакунина сдѣлалось хуже, и онъ, удостовѣренный, что ему не удастся вернуться изъ ссылки раньше смерти Александра II, рѣшился бѣжать, что и исполнилъ, уѣхавъ изъ Иркутска сначала въ Хакодате, а потомъ въ С.-Франциско и далѣе въ Англію. Бакунинъ былъ славянофилъ-мечтатель. Подобно нѣкоторымъ декабристамъ, онъ думалъ о созданіи изъ славянскихъ земель ряда самостоятельныхъ государствъ или штатовъ, соединенныхъ племенными узами въ одну федерацію. Для него была дорога національная свобода чеховъ и малороссовъ, поляковъ и сербовъ, и этимъ онъ

рѣзко отличался отъ славянофиловъ-москвичей, которыхъ стремленія были и есть болѣе или менѣе централистическія, такъ какъ они желаютъ одного всеславянскаго государства или по крайней мѣрѣ одного литературнаго языка въ славянскомъ мірѣ. *) Очевидно, Бакунинъ былъ ближе къ общечеловѣческому, гуманному пониманію вещей; но брошенный въ пространство одинъ, онъ конечно не могъ ничего сдѣлать для осуществленія одушевлявшей его идеи. Даже люди близкіе къ нему, какъ Герценъ, подшучивали надъ его всеславянскими затѣями, и онъ, усталый отъ безплодныхъ стремленій, отдался наконецъ сполна другому великому вопросу времени — соціальному. — Другой писатель славянофилъ, подобно Бакунину непримиримый врагъ Австріи, въ которой видѣлъ главнаго врага славянъ, есть Фадѣевъ. Человѣкъ также умный, но слишкомъ честолюбивый и односторонній въ нѣкоторыхъ идеяхъ, онъ много работалъ надъ пріисканіемъ средствъ къ осуществленію панславянскихъ проэктовъ, но кончилъ едва ли удачнѣе Бакунина. Критикуя русскія военныя учрежденія, которыя находилъ не всегда соотвѣтственными высотѣ политическихъ задачъ,

*) Разумѣется, русскаго, какъ языка численнаго большинства. Въ силу этого принципа въ Галиціи былъ основанъ и существовалъ до 1878 г. на русскія деньги, русинскій журналъ «Слово,» говорившій почти московскимъ нарѣчіемъ.

лежащихъ на Россіи, онъ нажилъ себѣ врага въ мстительномъ военномъ министрѣ Милютинѣ и долженъ былъ оставить службу, а затѣмъ и отечество. Русская политическая литература ему обязана любопытными сочиненіями о кавказской войнѣ и о вооруженныхъ силахъ Россіи. Если же въ послѣдніе годы онъ подвергъ себя заслуженнымъ порицаніямъ и насмѣшкамъ за статьи подъ названіемъ „Чѣмъ намъ быть?“, гдѣ проповѣдывалъ ретроградныя идеи, то славянофилы все-таки могутъ считать его однимъ изъ видныхъ представителей своей партіи. Иначе имъ пришлось бы отвернуться и отъ другаго военнаго поборника славянства, Черняева, который осуществленію славянскихъ проэктовъ жертвовалъ не только своими средствами, потраченными на изданіе „Русскаго Міра,“ но и жизнію, которою рисковалъ въ 1876 г. въ Сербіи.

Возвращаясь отъ славянофильской школы къ ученымъ съ общеевропейскимъ складомъ понятій, но оставаясь еще въ кругу историковъ, назовемъ прежде другихъ Забѣлина, хорошаго знатока стариннаго, до петровскаго быта русскихъ людей и вмѣстѣ археолога. Русскія древности занимаютъ также графа А. Уварова, сына бывшаго министра, который, владѣя хорошими средствами, не жалѣетъ ихъ употреблять на пользу науки и напр. для изслѣдованія о распространеніи въ древней

Россіи финскаго племени Мери не затруднился сдѣлать нѣсколько тысячъ раскопокъ въ могилахъ и курганахъ подмосковнаго края. Ему же принадлежитъ сочиненіе и о древностяхъ южной Россіи. Историки Щебальскій, Кояловичъ, Максимовичъ, Антоновичъ также сдѣлали не мало для изученія прежнихъ судебъ русской земли, два первые особенно литовскихъ провинцій, а послѣдніе малороссійскихъ. Исторіографъ временъ Николая, Устряловъ, продолжалъ начатую имъ прежде исторію Петра Великаго, но далеко не кончилъ ея, о чемъ впрочемъ и жалѣть особенно нечего. Одинъ изъ преемниковъ его по кафедрѣ въ петербургскомъ университетѣ Бестужевъ Рюминъ началъ было обширный учебникъ исторіи Россіи, съ подробнымъ указаніемъ источниковъ, на которыхъ основывается эта отрасль знаній; но въ теченіе шести лѣтъ выпустилъ одинъ томъ и врядъ ли дастъ два остальныхъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ военныхъ писателей оказали немаловажныя услуги русской исторіи трудами, заслуживающими всякой хвалы. Таковы напр. Дубровинъ, авторъ исторіи покоренія Кавказа (неконченной), Милютинъ—историкъ суворовскаго похода въ Италію и Швейцарію, Богдановичъ—составитель цѣлаго ряда описаній войнъ александровскаго и николаевскаго времени и даже исторіи царствованія Александра I. Послѣдній писатель въ

недавнее время издалъ также описаніе событія намъ современнаго, именно восточной войны 1853—56 годовъ, и нельзя сказать, чтобы оно не было занимательнымъ. Только авторъ, по обычаю, скрадываетъ многіе факты, которыхъ обнародованіе было бы непріятно кому либо изъ сильныхъ міра сего, даже сошедшихъ въ могилу: такъ сильно въ немъ чувство уваженія къ авторитетамъ. Изъ книги его напр. читатель не узнаетъ, что душою коаліціи 1854 г. былъ лордъ Пальмерстонъ, представитель Англіи; вся вина сваливается на Наполеона, и это потому, что съ 1873 года русская царская фамилія вступила въ родство съ англійскимъ королевскимъ домомъ, такъ что императору Александру было бы непріятно напоминать о враждѣ къ намъ Англіи.

Въ сочиненіи, относящемся, какъ наше, къ области русской исторіи, кажется естественнымъ это, нѣсколько утомительное, перечисленіе лицъ, трудившихся въ области той же науки за послѣднее время. Менѣе подробнымъ будетъ обзоръ той части русской исторической литературы, которая касается судьбы чуждыхъ народовъ, хотя и тутъ есть нѣсколько сочиненій несомнѣннаго достоинства. Къ самому началу царствованія императора Александра относится изданіе полнаго собранія сочиненій Грановскаго, этой утѣшительной личности, которая даже въ мрачную эпоху по-

слѣднихъ годовъ царствованія Николая не переставала разливать около себя свѣтъ истиннаго знанія и гуманности. Сочиненія Грановскаго читались всею образованною Россіею съ наслажденіемъ, и если можно было услышать упрекъ автору, то лишь за то, что онъ писалъ мало, а въ послѣдніе годы жизни почти ничего. „Московскій университетъ, наука, русское общество понесли невознаградимую потерю," говорили „Московскія Вѣдомости" на другой день послѣ смерти Грановскаго, — и это была не обычная надгробная метафора, а строгая правда. За исключеніемъ Николая Милютина, не было въ послѣднюю четверть вѣка лица, кончина котораго вызвала бы такія общія сожалѣнія, какъ Грановскаго. Его знаменитая рѣчь о предметѣ всеобщей исторіи, сказанная еще при Николаѣ, положила основу правильному пониманію цѣлей этой науки въ тогдашнемъ молодомъ русскомъ поколѣніи, которое принуждено было дотолѣ довольствоваться идеями Кайданова, Смарагдова и Устрялова. Его превосходныя критическія статьи о произведеніяхъ европейской исторической литературы знакомили съ состояніемъ исторіи, какъ науки, на Западѣ и заставляли любить ее. Его біографическіе очерки знаменитыхъ историческихъ дѣятелей представляли примѣры, если не образцы, того, чѣмъ должна быть научная біографія. Положительно можно ска-

зать, что Грановскій возвысилъ уровень понятій русскихъ людей о всеобщей исторіи, и въ этомъ отношеніи далеко сзади его стоитъ другой ученый того же времени, Куторга, который также излагалъ съ каѳедры исторію Европы болѣе или менѣе философски. По слѣдамъ Грановскаго пошелъ его ученикъ Кудрявцевъ; но онъ уже не имѣлъ дарованій учителя и пользовался вліяніемъ лишь въ тѣсномъ кругу слушателей его лекцій и читателей „Пропилей,“ сборника, который нѣкоторое время издавался Леонтьевымъ. По кончинѣ Грановскаго и Кудрявцева лучшими въ Россіи писателями по всеобщей исторіи остались Вызинскій, Зайцевъ, Осокинъ, Рославскій-Петровскій, Стасюлевичъ, Ткачевъ, и Шульгинъ, изъ которыхъ Стасюлевичу пришла счастливая мысль издать обширную историческую хрестоматію среднихъ вѣковъ, подобную нѣмецкой книгѣ Пютца о древнемъ мірѣ и возбудившую въ недавнее время нѣсколько подражаній. Подобныя хрестоматіи или сборники особенно полезны въ нашемъ молодомъ обществѣ, еще мало знакомомъ съ классическими произведеніями исторической литературы Запада.

Очень важный разрядъ историческихъ сочиненій — воспоминанія, записки, значительно умножился за наше время и притомъ нерѣдко сочиненіями большихъ достоинствъ. Не пере-

числяя тѣхъ, которыя вошли въ составъ историческихъ журналовъ, — Русской Старины, Архива и проч.,—назовемъ важнѣйшія изъ напечатанныхъ отдѣльными книгами. Едва ли не самымъ монументальнымъ изъ этихъ трудовъ будутъ Записки Болотова, изданныя въ полномъ объемѣ редакціею „Рус. Ст.“ въ 4 томахъ. Для изученія русскаго общества XVIII вѣка это драгоцѣнный источникъ, особенно въ связи съ мемуарами Манштейна, Екатерины II, Дашковой, Лопухина, Энгельгардта, Гарновскаго, Добрынина и т. п. Концу того же XVIII и началу XIX вѣка посвящены любопытныя Записки Мертваго и Воспоминанія Аксакова. Къ нимъ если не по содержанію, то по времени, примыкаютъ записки Ермолова и Шишкова, которыя, впрочемъ, въ цѣльномъ видѣ напечатаны лишь внѣ Россіи. О первой половинѣ нашего столѣтія вышли воспоминанія Вигеля, человѣка несимпатичнаго, но наблюдателя остроумнаго. Къ николаевскому времени изъ обнародованныхъ въ послѣдніе 23 годъ записокъ относятся книги Муравьева-карсскаго, Лихутина, декабриста Розена, графини Блудовой, г-жи Пассекъ и нѣсколько отрывковъ въ разныхъ журналахъ изъ такихъ воспоминаній, которыя въ цѣломъ ихъ объемѣ цензура безъ сомнѣнія не позволила бы. Польское возстаніе 1861—64 годовъ послужило поводомъ къ составленію Записокъ

Н. Берга; но подъ этимъ названіемъ въ сущности выходитъ сочиненіе, составленное авторомъ по документамъ, а не изъ личныхъ воспоминаній. Не мало историческихъ мемуаровъ на русскомъ языкѣ вышло послѣ 1855 года за границею: мы о нихъ скажемъ въ послѣдствіи.

И отдѣлъ біографій, столь близкій по содержанію къ личнымъ воспоминаніямъ, пополнился за наше время многими хорошими сочиненіями, мимо которыхъ конечно не пройдетъ историкъ, а нерѣдко и всякій образованный человѣкъ, любящій свою родину и дорожащій памятью людей, которые составляли ея славу. Къ такимъ біографіямъ принадлежатъ: гр. Сперанскаго, написанная Корфомъ, и гр. Блудова—Ковалевскимъ, обѣ очень любопытныя для изученія Россіи въ первой половинѣ нашего вѣка, особенно если ихъ сопоставить съ сочиненіемъ Пыпина: „Общественное движеніе при Александрѣ I“. Этому же Пыпину принадлежитъ обширная біографія Бѣлинскаго, въ которой онъ изложилъ много фактовъ, характеризующихъ николаевскую эпоху. Анненковымъ написаны двѣ хорошія біографіи: Пушкина и Станкевича, изъ которыхъ въ послѣдней также много любопытнаго для характеристики николаевскаго времени. Погодинъ обнародовалъ обстоятельную біографію Карамзина, а Костомаровъ—цѣлый рядъ жиз-

неописаній замѣчательныхъ русскихъ людей, расположивъ которыя въ хронологическомъ порядкѣ, онъ не безъ нѣкотораго основанія далъ своей книгѣ названіе „Русской Исторіи.“

„Статистика есть остановившаяся исторія, а исторія — движущаяся статистика,“ говорится нерѣдко, не смотря на то, что рамки той и другой науки доселѣ вовсе не установлены такъ, чтобы это опредѣленіе было вѣрно. Высказавъ во введеніи нашъ взглядъ на этотъ счетъ, мы можемъ быть смѣлѣе въ переходѣ отъ исторической литературы къ статистической, хотя, собственно говоря, исторія, какъ она понималась до сихъ поръ, имѣетъ своимъ продолженіемъ болѣе публицистику, чѣмъ статистику. Языкъ цифръ, усвоенный послѣднею, не есть еще языкъ исторіи. Русская статистическая литература послѣдней четверти вѣка богата трудами очень почтенными, и если теорія науки разрабатывалась въ Россіи слабо, то практическая статистика получила довольно широкое развитіе. По объему работъ первое мѣсто, конечно, принадлежитъ изданіямъ оффиціальнымъ, вызваннымъ нуждами администраціи; но и частные дѣятели не безмолствовали. Обширная серія статистическихъ описаній большинства губерній обнародована военнымъ вѣдомствомъ, которое употребило для производства этихъ работъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, при чемъ, разу-

мѣется, достоинства различныхъ описаній вышли не одинаковы. Оно же издало „Военно-статистическій сборникъ," напоминающій англійскіе Statesman's Year-Books, только въ очень разширенномъ видѣ, особенно по отношенію къ Россіи, которой описаніе составляетъ томъ въ 1200 страницъ мелкой печати. Общая редакція этого труда, совершеннаго пятнадцатью офицерами, принадлежитъ генералу Обручеву, хотя собственно онъ написалъ для Сборника одну статью о Турціи, богатую недосмотрами. Военное же министерство даетъ ежегодно отчеты о состояніи арміи, заключающіе много любопытныхъ данныхъ и для статистики Россіи вообще, напр. свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ новобранцевъ, о болѣзненности въ войскахъ и т. п. Министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ въ составѣ своемъ центральный статистическій комитетъ, состоящій изъ множества лицъ, почему могло бы обнародывать ежегодно болѣе или менѣе обстоятельный статистическій отчетъ о состояніи имперіи вообще; но не только этого не дѣлается, а и отчетовъ самаго министерства вотъ уже нѣтъ за многіе годы. Возникла было въ этомъ, любящемъ мракъ, министерствѣ мысль печатать ежегодно по 300 экземпляровъ „извлеченій изъ губернаторскихъ отчетовъ;" но была ли она осуществлена — мы не знаемъ. Работы центральнаго статистическаго комитета отли-

чаются безсистемностью, случайностью и далеко не имѣютъ тѣхъ научныхъ достоинствъ, какъ изданія подобныхъ же учрежденій въ Лондонѣ, Парижѣ, Бернѣ и Брюсселѣ. Изданія его состоятъ главнѣйше изъ таблицъ, иногда вовсе безъ выводовъ и даже безъ подведенія итоговъ числамъ. Списки населенныхъ мѣстъ по губерніямъ, обнародуемые комитетомъ, сопровождаются обыкновенно историко-статистическими введеніями, иногда хорошо составленными; но самые эти списки не сличены съ картами, издаваемыми главнымъ штабомъ, т. е. тѣмъ же правительствомъ, отъ чего иногда возникаютъ сомнѣнія относительно существованія селеній. Промышленная статистика Россіи почти не разрабатывается комитетомъ, а по статистикѣ государственныхъ имуществъ, сельскаго хозяйства, народнаго просвѣщенія, правосудія, церкви и государственныхъ расходовъ имъ доселѣ не издано ничего. Впрочемъ, это можетъ происходить и отъ того, что у насъ каждое вѣдомство собираетъ статистическія данныя только для себя и неохотно ими дѣлится съ кѣмъ бы то ни было, отчасти опасаясь критики способовъ, которыми эти данныя добыты, отчасти не желая, чтобы люди сторонніе, заручившись фактами, извлекали изъ нихъ не тѣ выводы, которые желательны самому вѣдомству. Министерство народнаго просвѣщенія напр. было

уличено въ томъ, что оно публиковало невѣрныя свѣдѣнія о числѣ учрежденныхъ имъ гимназій, которое имъ показано выше дѣйствительнаго, *ad majorem gloriam* графа Толстаго; министерство государственныхъ имуществъ въ отчетѣ о состояніи сельскаго хозяйства въ Россіи допустило данныя завѣдомо неудовлетворительныя, хотя и построило на нихъ не только картину русскаго земледѣлія, но и цѣлый рядъ выводовъ, назначенныхъ къ практическому руководству законодательной власти, которая, впрочемъ, скоро догадалась, что валуевскія „синія книги“ суть не болѣе какъ шарлатанство. Впрочемъ, говоря вообще, нынѣ русская оффиціальная статистика гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ была двадцать пять лѣтъ назадъ, особенно же по отношенію къ финансамъ, свѣдѣнія о которыхъ при Николаѣ считались государственною тайною. Издаваемые министерствомъ финансовъ „Ежегодникъ“ и „Обзоры внѣшней торговли Россіи“ даютъ много любопытныхъ фактовъ первостепеннаго экономическаго интереса, а „Отчеты государственнаго контроля“ содержатъ иногда очень дѣльныя замѣчанія о системѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Такъ напр. въ одномъ изъ нихъ адмиралъ Грейгъ, не смотря на дружбу съ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, позволилъ себѣ назвать расходы на устройство поповокъ сомни-

тельно полезными. Вѣдомство путей сообщенія также дѣлится отъ времени до времени своими свѣдѣніями о желѣзныхъ дорогахъ и рѣчномъ судоходствѣ въ имперіи, хотя бываютъ и такіе забавные случаи, что напечатанные въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ статистическія изслѣдованія о подвижномъ желѣзнодорожномъ составѣ считаются секретными и въ продажу не выпускаются, такъ какъ правительство, повидимому, думаетъ, что этимъ книгамъ лучше лежать нечитанными въ библіотекахъ и кабинетахъ членовъ государственнаго совѣта, чѣмъ подпасть научному разбору въ журналахъ, гдѣ и безъ того наши желѣзныя дороги нерѣдко подвергаются нападкамъ.— Очень хорошіе отчеты по уголовной статистикѣ Россіи издаются въ послѣдніе годы министерствомъ юстиціи, но къ сожалѣнію они охватываютъ не всю имперію, а только тѣ мѣстности, гдѣ введены новыя судебныя учрежденія.—Нѣкоторыя провинціальныя управленія, напр. кавказское и туркестанское, обнародовали немало статистическихъ данныхъ о находящихся подъ ихъ вѣденіемъ мѣстностяхъ, и хотя эти данныя, особенно по Туркестану, естественно, не отличаются совершенствомъ, но все же начало провинціальной статистикѣ уже положено. А въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр. въ Нижегородской у Гациского, въ Ставропольской у Бентковскаго, во Владимір-

ской у Тихомірова, эта статистика достигла даже значительныхъ объема, интереса и точности. — Многія временныя коммиссіи, учреждаемыя безпрестанно правительствомъ для изысканій по разнымъ административнымъ вопросамъ, издали также любопытные статистическіе труды, какъ напр. податная, среди изданій которой находится отличное изслѣдованіе Заблоцкаго-Десятовскаго о финансахъ Пруссіи.

Въ помощь правительственнымъ учрежденіямъ для собиранія и разработки фактовъ экономической жизни народа, неоднократно являлись ученыя общества. Такъ географическое и вольно-экономическое общества совокупными силами снарядили экспедицію для изслѣдованія хлѣбной торговли въ Россіи, и труды этой экспедиціи пролили немало свѣта на состояніе торговли сырыми продуктами вообще и главныхъ путей, которыхъ она держится, на измѣнчивость цѣнъ и т. п. Географическому же обществу принадлежитъ починъ въ дѣлѣ изслѣдованія русскихъ мѣстныхъ (кустарныхъ) промысловъ, торговли на украинскихъ ярмаркахъ, статистики рожденій и смертности, а экономическое взяло на себя починъ по изданію земскаго ежегодника, гдѣ будутъ сводиться статистическія и другія данныя, разсѣянныя по изданіямъ земствъ. Эта „земская литература“ содержитъ въ себѣ множе-

ство драгоцѣнныхъ свѣдѣній, въ общемъ итогѣ едва ли не болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ правительственныя; а объ объемѣ ея можно судить по тому, что одна библіотека географическаго общества, начавшая получать земскія изданія лишь съ 1873 года, содержитъ ихъ нынѣ около 4.000 томовъ. Комитетъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ даетъ ежегодные отчеты о состояніи этихъ товариществъ и о производимыхъ ими оборотахъ.

Дѣятельность частныхъ лицъ по изученію статистики, почти невозможная въ царствованіе Николая, когда нетолько второстепенные чиновники, но сами правительственные лица дѣлали изъ всего государственную тайну, получила при Александрѣ II довольно широкій полетъ, прямо обусловленный множествомъ вновь возникшихъ экономическихъ и общественныхъ вопросовъ и интересовъ. Такъ освобожденіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ дало поводъ Вешнякову и Тройницкому написать очень хорошія изслѣдованія —первому о крестьянахъ-собственникахъ, а второму о крѣпостномъ населеніи; черезъ пятнадцать же лѣтъ по освобожденіи крѣпостныхъ Янсонъ сдѣлалъ попытку свести экономическіе результаты этой реформы. Такъ вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ послужилъ поводомъ къ появленію изслѣдованія Безобразова объ уральскомъ горнозаводскомъ

хозяйствѣ, а вопросъ объ улучшеніи тюремъ — сочиненія Юферова по русской тюремной статистикѣ. Потребность въ указаніи наилучшихъ способовъ производства статистическихъ операцій вызвала труды Бушена и Янсона. Разширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ линій создало цѣлую, относящуюся сюда, литературу, изъ которой наиболѣе извѣстны сочиненія Бліоха, Головачева, Сологуба, Перозіо и Скальковскаго. Но впрочемъ многія статистическія изслѣдованія производились по непосредственному почину авторовъ, находившихъ въ изученіи извѣстнаго предмета удовлетвореніе личной потребности знанія и умственнаго труда, безъ всякаго отношенія къ вопросамъ времени. Таковы напр. сочиненія: Анучина о ссыльныхъ въ Сибири, Корсака о торговлѣ Россіи съ Китаемъ, П. Небольсина о среднеазіятской нашей торговлѣ, Г. Небольсина и Тернера о внѣшней торговлѣ Россіи вообще, Ламанскаго о денежномъ обращеніи, Клауса о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи, Ростиславова о доходахъ православныхъ монастырей, и пр. Вильсонъ, пользуясь матеріалами министерства государственныхъ имуществъ и разными печатными источниками, составилъ хорошее пояснительное сочиненіе къ сельско-хозяйственному атласу Россіи, изданному министерствомъ. Общеевропейская статистика, кромѣ названнаго уже

сочиненія Заблоцкаго о финансахъ Пруссіи и нѣсколькихъ другихъ изслѣдованій въ составѣ трудовъ той же податной коммиссіи, разрабатывались особенно въ сочиненіяхъ Бунге, Вернадскаго, Рославскаго-Петровскаго и Янсона. Къ восьмому международному съѣзду статистиковъ, бывшему въ Петербургѣ, русскими учеными былъ изготовленъ, на французскомъ языкѣ, хорошій обзоръ результатовъ предыдущихъ сессій и цѣлый рядъ мемуаровъ по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію конгресса.

Для небольшаго, двадцати-трехлѣтняго періода времени и для литературы, можно сказать, едва народившейся, этого рода статистическихъ трудовъ совершенно достаточно, чтобы сказать, что русская мысль въ данную эпоху не дремала надъ изученіемъ тѣхъ явленій экономической и общественной жизни, которыя входятъ въ область статистики. И если, по общей участи статистическихъ изданій, многія изъ нихъ нынѣ уже отстали отъ современности, то для будущихъ историковъ Россіи въ нихъ заключается огромная масса матеріала наивысшей стоимости, потому что что тутъ факты оцѣнены не гибкими въ своемъ смыслѣ общими выраженіями, а болѣе или менѣе точными цифрами. Но сверхъ этого значенія, чисто научнаго, разработка статистики въ Россіи съ 1855 года имѣетъ другую,

чисто практическую важность. Если грядущее поколѣніе русскихъ людей будетъ имѣть во главѣ своей государственныхъ дѣятелей съ европейскими пріемами въ дѣлѣ изученія народныхъ потребностей, то конечно оно будетъ этимъ обязано подготовкѣ этихъ дѣятелей въ наше время, когда мало-по-малу вошло въ обычай: прежде,чѣмъ издать какой нибудь законъ, оцѣнить его смыслъ по числу и мѣрѣ, сообразно съ указаніями статистики. Наглядные примѣры такого приложенія статистическихъ свѣдѣній къ жизни составляютъ у насъ законы: о надѣленіи землями крестьянъ въ Польшѣ, гдѣ шло дѣло о выработкѣ нормъ для вознагражденія помѣщиковъ, о замѣнѣ подушныхъ сборовъ въ городахъ подворнымъ налогомъ, о новыхъ таксахъ почтовой и телеграфной, и пр. Постепенное введеніе статистическихъ изслѣдованій въ кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій будетъ также важнымъ залогомъ разумнаго употребленія народныхъ средствъ на удовлетвореніе самыхъ первыхъ общественныхъ нуждъ: на пути сообщенія, начальное образованіе, мѣстную юстицію и т. п. Вотъ почему желательно, чтобы почаще являлись въ свѣтъ труды, подобные обзору девятилѣтней дѣятельности рязанскаго земства, князя Волконскаго.

Но современная статистика не въ одной Россіи, а и въ западной Европѣ, не охва-

тываетъ всѣхъ явленій не только общественной и частной, а даже государственной жизни націй. Языкъ цифръ пока имѣетъ лишь опредѣленную область, внѣ которой его употреблять невозможно. Тутъ вступаетъ въ свои права публицистика и другія формы политической литературы, гдѣ точность цифръ замѣняется, болѣе или менѣе успѣшно, точностью наблюденій и умѣньемъ ихъ обобщать, если не на основаніи математической теоріи вѣроятностей, то по силѣ здраваго смысла, развитаго наукою и житейскимъ опытомъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ отъ писателей требуется больше дарованій, чѣмъ при изслѣдованіяхъ статистическихъ, гдѣ самыя цифры указываютъ тотъ или другой выводъ изъ нихъ; и потому то хорошія сочиненія въ этомъ родѣ рѣдки даже на Западѣ, гдѣ книги въ родѣ „Демократіи въ Америкѣ“ Токвиля считаются единицами. Относительно Россіи можно сказать, что наилучшія произведенія касающіяся ея политическаго, гражданскаго, бытоваго и умственнаго развитія, принадлежатъ иностранцамъ, изъ которыхъ Гакстгаузенъ писалъ еще въ царствованіе Николая, а Леруа-Больё и Макензи-Уоллэсъ въ наше время. Но и русская литература не лишена хорошихъ образцовъ этого рода сочиненій, начиная съ книги Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.“ Мы можемъ отнести

сюда за наше время во-первыхъ сочиненіе Головачева „Десять лѣтъ реформъ“, гдѣ авторъ сдѣлалъ попытку характеризовать ходъ этихъ реформъ въ 1861—71 годахъ и нѣкоторые изъ достигнутыхъ ими результатовъ. Съ правдивостью и безпристрастіемъ онъ критикуетъ самые законы о преобразованіяхъ, но еще больше способы ихъ осуществленія, далеко не всегда соотвѣтственные основнымъ идеямъ реформъ. Ему же принадлежатъ хорошія изслѣдованія по разнымъ вопросамъ государственнаго хозяйства, о желѣзныхъ дорогахъ, о нашихъ финансовыхъ дѣлахъ и пр., при чемъ, говоря о желѣзнодорожныхъ „порядкахъ“, онъ имѣетъ мужество указывать прямо или прозрачными намеками на злоупотребленія въ самыхъ высшихъ сферахъ государственнаго управленія. Весьма близко къ его труду по направленію и цѣлямъ подходитъ книга Скалдина „Въ захолустьѣ и въ столицѣ“, гдѣ авторъ, очень даровитый наблюдатель, вѣрно оцѣниваетъ множество разнородныхъ фактовъ русской общественной жизни нашего времени. Но къ сожалѣнію онъ остановился на половинѣ труда, именно на изображеніи захолустья, т. е. провинціи; о столицѣ же отказался трактовать на томъ основаніи, что о ней „что можно сказать — того не хочется, а что хотѣлось бы — того нельзя“. „Голосъ изъ земства“ и „Наше положеніе“

Кошелева принадлежатъ къ тому же роду сочиненій, имѣющихъ цѣлью освѣтить разныя стороны современнаго гражданскаго развитія Россіи, и любопытно, что на второмъ изъ нихъ подтвердилось замѣчаніе Скалдина: оно напечатано за границею... Впрочемъ, этой участи подвергся цѣлый рядъ прекрасныхъ трудовъ, которые всѣ написаны не только съ очевиднымъ знаніемъ Россіи, но и съ самими благородными цѣлями. Мы о нихъ упомянемъ въ послѣдствіи. Здѣсь же замѣтимъ только, что въ Россіи не оказалось даже возможнымъ до сихъ поръ напечатать что либо заслуживающее вниманія о ходѣ судебной реформы, о происхожденіи и развитіи земскихъ учрежденій и т. п., а сводъ трудовъ коммиссіи о всеобщей воинской повинности напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и раздавался только немногимъ избранникамъ. Десятилѣтіе русскаго земства въ 1874 году было привѣтствовано лишь статьями Мордовцева въ „Отечественныхъ Запискахъ“, далеко неудовлетворительными, потому что авторъ излагаетъ факты отрывочные, случайные, безъ всякой системы и съ предвзятой идеей выставить крестьянъ на счетъ дворянства. Тонъ малоудачнаго юмора, усвоенный имъ, еще болѣе вредитъ его сочиненію, и появится ли въ скоромъ времени на замѣну его иное, болѣе удачное, трудно сказать, хотя вольно-эконо-

мическое общество и думало въ 1877 году приступить къ составленію „Земскаго Сборника“, независимо отъ предположеннаго имъ „Ежегодника“.

Впрочемъ, на многія стороны вопроса о земскомъ самоуправленіи пролитъ уже обильный свѣтъ превосходнымъ сочиненіемъ князя Васильчикова, которое такъ и называется: „О самоуправленіи“. Князь, сынъ бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта, принадлежитъ къ тѣмъ крайне малочисленнымъ русскимъ аристократамъ, которые придворной мишурѣ и чиновничьей карьерѣ предпочитаютъ прочную славу людей науки; *) и русская литература справедливо можетъ гордиться какъ этою его книгою, такъ и другимъ важнымъ произведеніемъ: „О земледѣліи и землевладѣніи.“ Какъ то, такъ и другое сочиненія полны глубокаго знанія дѣла и широкихъ, гуманныхъ стремленій. Все, что можно сказать о пользѣ мѣстнаго самоуправленія и о злѣ происходящемъ отъ вмѣшательства въ это самоуправленіе централизующихъ цесаризма и бюрократіи, сказано имъ съ убѣдительностью и ясностью, стоящими выше всякой хвалы. Рав-

*) Около князя Васильчикова въ этомъ случаѣ могутъ быть поставлены: кн. Кочубей, нынѣшній предсѣдатель рус. техн. общ., кн. Урусовъ — математикъ, князь Волконскій — членъ рязанскаго земства, гр. Уваровъ — археологъ, графы А. К. и Л. Н. Толстые — поэты, и еще три-четыре лица.

нымъ образомъ аграрный вопросъ, т. е. вопросъ объ уменьшеніи пролетаріата помощью надѣла рабочихъ людей землею, разработанъ имъ съ отличнымъ искуствомъ, такъ что будь его книга переведена на западноевропейскіе языки, она произвела бы глубокое впечатлѣніе въ Европѣ. Автора ни по его происхожденію, связямъ и богатству, ни по умѣренности и спокойствію его изложенія никто не можетъ признать соціалистомъ-революціонеромъ, а между тѣмъ онъ наноситъ ударъ за ударомъ существующему на Западѣ порядку землевладѣнія, выгодному исключительно для богатыхъ людей. Русская же плантаторская, или, какъ она называетъ себя, консервативная, партія, состоящая изъ людей въ родѣ графа Орлова-Давыдова, князя Мещерскаго, Григ. Бланка, Н. Безобразова и т. п., не безъ негодованія и ужаса видитъ, что ей наносятъ пораженіе даже такіе люди, которые должны бы стоять въ ея рядахъ, по рожденію; и въ этомъ смыслѣ сочиненія князя Васильчикова имѣютъ историческое значеніе въ дѣлѣ гражданскаго развитія Россіи. По вопросу о землевладѣніи къ Васильчикову примыкаетъ профессоръ Посниковъ, изслѣдованія котораго возбудили противу него не мало желчныхъ нападокъ со стороны упрямыхъ консерваторовъ въ родѣ Чичерина.

Книги о самоуправленіи и землевладѣніи вводятъ насъ въ область государственнаго,

полицейскаго и гражданскаго права, и въ этомъ смыслѣ къ нимъ примыкаютъ съ одной стороны труды Градовскаго, Заруднаго, Лешкова, Лохвицкаго и Чичерина, а съ другой— Вицына, Кавелина, Малышева, Мейера, Пахмана и Побѣдоносцева. Изъ нихъ Лешкову принадлежитъ хорошая книга по исторіи русскаго общественнаго права до XVIII вѣка, а Градовскому, Лохвицкому и Чичерину—сочиненія по исторіи новѣйшей администраціи. Кромѣ того Градовскій извѣстенъ какъ публицистъ, направленія сомнительно-либеральнаго, Лохвицкій какъ составитель „Обзора современныхъ конституцій," какъ авторъ „Курса уголовнаго права" и какъ развязный, чтобъ не сказать нахальный и безсовѣстный, судебный ораторъ, а Чичеринъ, какъ сочинитель книгъ „О народномъ представительствѣ," объ „Исторіи политическихъ ученій" и разныхъ очерковъ, относящихся къ области права и политики. Имъ же въ русской литературѣ нашего времени былъ поднятъ вопросъ о происхожденіи русской сельской общины, въ которой этотъ писатель-консерваторъ хотѣлъ видѣть не историческую форму народнаго быта, а искусственное созданіе администраціи въ видахъ обезпеченія уплаты податей.—Зарудный написалъ любопытную книгу объ общественномъ бытѣ Англіи, заключающую въ себѣ очерки британскихъ: земства, городскаго

управленія и суда, въ связи съ тѣми преобразованіями, которыя сдѣланы были по 1865 годъ въ Россіи.—Кавелину принадлежитъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ области гражданскаго права и исторіи общественныхъ учрежденій; его статьи о крестьянской реформѣ, о роли, которую русское дворянство должно занять послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, объ общинномъ устройствѣ справедливо пользуются вниманіемъ русскаго общества. Вицынъ, Малышевъ, Мейеръ и Побѣдоносцевъ суть свѣдущіе, но впрочемъ невыдающіеся самостоятельностью мысли, цивилисты, изъ которыхъ послѣдній былъ преподавателемъ законовѣдѣнія сначала въ московскомъ университетѣ, а потомъ во дворцѣ... Пахману принадлежатъ сочиненія о русскомъ обычномъ правѣ и объ исторіи русской кодификаціи, которыя, вмѣстѣ съ трудами Якушкина, Неволина и Кавелина, необходимы каждому, кто хочетъ знать развитіе гражданскаго права въ Россіи.

Переходя отъ цивилистовъ къ криминалистамъ, мы можемъ назвать Арсеньева, Баршева, Лохвицкаго, Неклюдова, Спасовича, Таганцева, Чебышова-Дмитріева, какъ авторовъ болѣе или замѣченныхъ въ свое время сочиненій, изъ которыхъ книга Спасовича „Учебникъ уголовнаго права“ удостоилась даже запрещенія, послѣ того, какъ служила, съ одобренія цензуры, нѣсколько времени руко-

водствомъ для петербургскихъ студентовъ. Но всѣ эти писатели не внесли ничего новаго въ науку. Подобно цивилистамъ они, за рѣдкими исключеніями, вращалися въ кругу понятій, усвоенныхъ изъ римскаго права, и ни одинъ изъ нихъ не возвысился даже до Беккарія и Бентама, а тѣмъ болѣе не попытался примирить своихъ бездушныхъ теорій ни съ ученіемъ христіанства о всепрощеніи и о загробной карѣ, — хотя русскіе считаются христіанами, — ни съ тѣмъ изрѣченіемъ здраваго смысла, которое высказано извѣстной писательницей: „кто все знаетъ, тотъ все прощаетъ“ (т. е. оправдываетъ). Отъ того то и въ уголовномъ законодательствѣ Россіи за послѣдніе 23 года не произошло существенныхъ перемѣнъ, кромѣ ослабленія тѣлесныхъ наказаній, починъ котораго принадлежитъ впрочемъ не правовѣдамъ, а человѣку, носящему мечъ, князю Орлову-младшему. Проникновеніе же въ русское общество идеи, что въ такъ-называемыхъ преступленіяхъ отдѣльныхъ лицъ больше всего виноваты строй самаго общества и его уставы, совершилося изъ другой сферы, изъ сочиненій по антропологіи и статистикѣ.

Литература правъ государственнаго и международнаго естественно не могла развиться въ странѣ, составляющей неограниченную монархію. То, что называется въ образованномъ мірѣ политикою внутреннею и внѣшнею и что

громко обсуждается тамъ въ парламентахъ, на сходкахъ и на страницахъ журналовъ, составляетъ доселѣ въ Россіи запрещенный плодъ, отъ котораго вкушать опасно даже въ частныхъ собраніяхъ, потому что тайная полиція вездѣсуща. Въ университетахъ однако же преподаются блѣдныя основы государственнаго и международнаго права, а потому естественно было появленіе учебниковъ по этимъ двумъ отраслямъ знанія. Именно, по государственному праву выступили съ своими трудами Андреевскій и Градовскій, а по международному Каченовскій и Капустинъ. Есть также нѣсколько монографій, относящихся къ послѣднему праву, и между ними нельзя не замѣтить книги Мартенса о консулахъ на Востокѣ; но всѣ эти сочиненія для будущихъ поколѣній покажутся странными въ томъ смыслѣ, что въ нихъ очень мало разбирается международное положеніе Россіи, т. е. почти вовсе не оцѣниваются ея отношенія къ другимъ государствамъ и совершенно умалчивается о началахъ, руководящихъ ея политикою. Отъ того-то само русское общество незнакомо съ важнѣйшими своими международными интересами и легко можетъ быть вводимо въ заблужденіе относительно цѣлей, преслѣдуемыхъ правительствомъ въ Европѣ и на Востокѣ, какъ доказываютъ войны крымская и послѣдняя турецкая. Даже вопросы азіятской

политики, гдѣ самыя завоеванія Россіи легко оправдать теоріею водворенія цивилизаціи среди варваровъ, были очень мало разбираемы на русскомъ языкѣ, и лучшее о нихъ сочиненіе принадлежитъ американцу Скайлеру.

Періодическая печать.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы исчислили тѣ произведенія русской политической литературы, которыя имѣютъ форму книгъ и вѣроятно не потеряютъ цѣны для вступающихъ нынѣ въ жизнь поколѣній, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ заслужатъ справедливую хвалу и отъ болѣе отдаленнаго потомства. Но въ наше время для удовлетворенія текущихъ потребностей гражданской жизни людей и даже ихъ крупныхъ умственныхъ интересовъ важнѣе книгъ стали журналы, эти живыя лѣтописи событій и пониманія ихъ современниками. Съ ними конечно будутъ справляться и позднѣйшіе историки, если захотятъ узнать духъ нашей эпохи, задачи, которыя болѣе всего преслѣдовались нашимъ обществомъ, споры, которые сильнѣе всего волновали наши умы и возбуждали страсти. Поэтому журналистика, не смотря на свою кажущуюся эфемерность, имѣетъ все право на то, чтобы не пройдти ее молчаніемъ, хотя въ Россіи она и доселѣ не достигла того значенія, какъ на Западѣ и въ Америкѣ. При кончинѣ императора Николая на русскомъ языкѣ издавалось только четыре сколько нибудь читаемыя га-

зеты: Русскій Инвалидъ, Петербургскія и Московскія Вѣдомости и Сѣверная Пчела, изъ которыхъ три первыя принадлежали казнѣ, а послѣдняя была въ рукахъ Булгарина и Греча. Этими немногими словами, кажется, сказано все, что можно сказать о ежедневныхъ журналахъ 1854-55 годовъ, не возбуждая слишкомъ горькихъ воспоминаній. Большіе мѣсячные журналы — Отечественныя Записки, Современникъ, Библіотека для Чтенія, едва влачили свое существованіе и наполнялись преимущественно иностранными романами и посредственными критическими и научными статьями, безжалостно искажаемыми цензурою. Едва ли не самыми занимательными для публики были гаерскія статьи Иногороднаго-Подписчика (Дружинина) и Новаго-Поэта (Панаева) въ Современникѣ. О томъ великомъ событіи, которое тогда переживала Россія, т. е. о восточной войнѣ, большія ежемѣсячныя изданія не смѣли говорить, а въ ежедневныхъ листкахъ позволялось помѣщать лишь оффиціальныя донесенія и перепечатки изъ *Neue Preussische Zeitung*, органа прусскихъ феодаловъ, который одинъ изъ всѣхъ заграничныхъ газетъ былъ на сторонѣ Россіи, потому что видѣлъ въ ней опору европейской реакціи. Другія заграничныя газеты почти всѣ были запрещены, а тѣ, которыя, изъ приличія, дозволялись, приходили къ своимъ под-

писчикамъ со множествомъ черныхъ пятенъ на мѣстѣ статей, нельстившихъ Россіи или ея правительству. Даже противу рукописнаго сообщенія точныхъ свѣдѣній о ходѣ войны были приняты истинно-военныя мѣры. Всѣ частныя письма съ театра дѣйствій читались на почтѣ, и доходили по назначенію только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ не было ничего непріятнаго для начальства.

Со вступленіемъ на престолъ Александра II первое время этотъ цензурно-полицейскій терроръ продолжался, и общество оставалось въ невѣдѣніи о самыхъ важныхъ текущихъ событіяхъ, отъ которыхъ однако же зависѣла участь Россіи какъ члена европейской семьи. Внутренніе вопросы въ то время какъ бы не существовали, за исключеніемъ одного — севастопольскаго. Но и о немъ правдивую рѣчь русскій народъ услышалъ лишь тогда, когда по всей Россіи пронеслась знаменитая „крымская пѣсня“ Л. Н. Толстаго.... Заключивъ позорный миръ въ Парижѣ, правительство увидѣло, что въ утѣшеніе побитой по его винѣ націи нужно дать ей нѣкоторыя льготы по обсужденію домашнихъ вопросовъ; но старыя деспотическія привычки искоренить сразу было нельзя. Вотъ почему въ русскихъ журналахъ того времени не нашли себѣ мѣста не только рѣчь Погодина на обѣдѣ, даннномъ Москвою бывшему начальнику

севастопольскаго гарнизона, Сакену,—гдѣ воздавалась ему хвала не за одно боевое мужество, но и за гражданскую честность, — а и рѣчь самаго императора Александра къ предводителямъ московскаго дворянства, которая впервые возвѣстила о предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ. Только въ начавшемся съ 1856 года Русскомъ Вѣстникѣ впервые появились ежемѣсячные отчеты о политическихъ событіяхъ, сдѣлавшіеся потомъ обычными во всѣхъ нашихъ толстыхъ журналахъ. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы не только программы періодическихъ изданій стали разнообразнѣе, но и самое число ихъ увеличилось. Нашъ краткій обзоръ, конечно, не можетъ заключать сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія содержанія ихъ: это—дѣло спеціальной исторіи литературы. Здѣсь нѣтъ даже надобности перечислять всѣ журналы, появившіеся съ 1856 года, потому что существованіе многихъ изъ нихъ—въ родѣ Паруса или Собесѣдника — было слишкомъ кратковременно и не ознаменовалось внесеніемъ въ общество какихъ-либо новыхъ понятій. Но характеризовать направленіе важнѣйшихъ періодическихъ изданій нужно уже потому, что этимъ характеризуется и дѣятельность умовъ въ самомъ обществѣ, которое поддерживало одно изданіе передъ другимъ по силѣ своихъ симпатій къ его направленію. Начнемъ съ еже-

мѣсячныхъ сборниковъ, обыкновенно носящихъ у насъ названіе „толстыхъ журналовъ.“

Когда послѣ смерти Николая началось оживленіе русской журналистики, тогда во главѣ ея стоялъ Современникъ, органъ молодаго поколѣнія писателей, гуманистовъ и отчасти соціалистовъ, возведенный на свое первенствующее мѣсто Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ, Кавелинымъ, В. Милютинымъ и цѣлою фалангою романистовъ такъ называемой натуральной школы. Правда, ни Бѣлинскаго, ни Герцена, двухъ главныхъ борцовъ за новыя идеи, уже не было въ 1855 году въ числѣ сотрудниковъ „Современника“; но вліяніе его на общество, особенно на университетскую и военную молодежь, было значительно и еще болѣе усилилось съ 1856 года. Главною причиною тому была руководящая роль Чернышевскаго, соціалиста и радикала гораздо болѣе рѣзкаго оттѣнка, чѣмъ оба сейчасъ названные писателя сороковыхъ годовъ. Чернышевскій не дѣлалъ никакихъ уступокъ отжившимъ понятіямъ; ему было противно приниженіе человѣческаго достоинства въ какой бы ни было формѣ. Онъ требовалъ свободы вездѣ, въ отношеніяхъ государственныхъ и семейныхъ, въ сферѣ разума и въ сферѣ любви. Конечно, онъ не былъ художникомъ, какъ Герценъ, и его романъ „Что дѣлать“?

страдаетъ доктринерствомъ; но шагъ, благодаря ему сдѣланный русской литературой послѣ предшествовавшаго николаевскаго террора, огроменъ, и потому то нынѣшнее поколѣніе русскихъ соціалистовъ и нигилистовъ считаетъ его своимъ вождемъ, отрекаясь отъ Герцена, за которымъ оставляетъ славу великаго писателя-гуманиста, человѣка съ свѣтлымъ и острымъ умомъ, русскаго Вольтера, но все еще „аристократа.“ Сочиненія Чернышевскаго нынѣ запрещены въ Россіи, и хотя благодарные ученики издали ихъ на свои скудныя средства въ Женевѣ, однако и тамъ онѣ находятъ уже мало читателей именно потому, что лишены художественности, что въ нихъ много яркихъ идей, но нѣтъ живыхъ, яркихъ образовъ. Но Чернышевскій въ „Современникѣ“ былъ не одинъ. Рядомъ съ нимъ, до самой кончины своей въ 1862 г., стоялъ молодой либеральный критикъ Добролюбовъ, который умѣлъ по поводу появлявшихся книгъ, иногда очень скуднаго содержанія, излагать широкія гуманныя соображенія, который не затруднялся указывать современникамъ идеалы великихъ людей въ лицѣ коммуниста Оуэна и революціонера Гаваци, и безпощадно казнилъ всякое двуличіе въ людяхъ такъ называемаго умѣренно-либеральнаго направленія, были ли то министръ Кавуръ или попечитель учебнаго округа Пироговъ. Около Добролюбова и Чер-

нышевскаго, какъ двухъ признанныхъ вождей, сформировалась школа реалистовъ самаго крѣпкаго закала, школа писателей большею частію вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества, узнавшихъ жизнь при самыхъ суровыхъ условіяхъ и боровшихся съ неправдою этихъ условій, каждый по силѣ своего дарованія, при громкомъ сочувствіи, еще не охваченнаго духомъ адвокатской софистики и биржевой алчности, молодаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ. Разумѣется, неограниченная монархія, которая, давъ народу полусвободу, полусамоуправленіе, полунезависимость суда, полагала, что облагодѣтельствовала его уже сполна, не могла выносить этой самостоятельности литературы „демоса, плебса," этихъ соціалистовъ и коммунистовъ, которые были коммунистами не по идеалу крестьянскаго положенія 1861 года. „Современникъ" былъ сначала пріостановленъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а въ 1866 году, послѣ каракозовскаго выстрѣла, высочайше запрещенъ. Чернышевскій же еще въ 1864 году отправленъ въ каторжную работу.

Одновременно съ Современникомъ подверглося запрещенію и другое либеральное ежемѣсячное обозрѣніе — „Русское Слово." Журналъ этотъ былъ основанъ только въ 1861 году графомъ Кушелевымъ, который, не смотря на свое аристократическое происхожденіе, со-

чувствовалъ либеральнымъ идеямъ. Это преобразованіе знатнаго барина въ журналиста было знаменіемъ времени, когда дѣйствительно даже въ помѣщичьей средѣ господствовали благородныя стремленія къ свободѣ и преуспѣянію, а плантаторы всѣхъ видовъ такъ и назывались плантаторами. Вскорѣ изъ сотрудниковъ „Русскаго Слова“ выдѣлился Писаревъ, который былъ уменъ не менѣе Бѣлинскаго, гораздо лучше его образованъ, и создалъ себѣ такое положеніе въ обществѣ, что нѣкоторые генералы приглашали его, человѣка молодаго, къ себѣ на вечера, чтобы хвастаться его посѣщеніемъ передъ знакомыми. Писаревъ и его менѣе талантливый, но болѣе усердный товарищъ по Русскому Слову, Шелгуновъ, явились ревностными поборниками многихъ лучшихъ идей западной демократіи и научнаго реализма. Развѣнчиваніе авторитетовъ,—правда, иногда одностороннее,—насмѣшки надъ устарѣлыми привычками и затѣями отживавшаго барства, привитіе обществу вкуса къ точнымъ наукамъ—вотъ было задачей „Русскаго Слова“ въ кратковременное его существованіе. Правительство однако было снисходительнѣе къ этому журналу, чѣмъ къ „Современнику,“ и если Писаревъ не миновалъ Петропавловской крѣпости, то другому члену редакціи, Благосвѣтлову, скоро удалось получить право на возобновленіе журнала, хотя подъ новымъ

названіемъ. Возобновленное изданіе это есть „Дѣло," которое продолжаетъ выходить и донынѣ, отличаясь разработкою соціальныхъ вопросовъ. Хотя оно не имѣетъ сотрудниковъ съ громкими литературными именами и ученымъ авторитетомъ, однако удовлетворяетъ вкусамъ многихъ читателей, что видно и изъ денежнаго успѣха изданія, который сдѣлалъ Благосвѣтлова богатымъ домовладѣльцемъ.

Но значительно выше и Дѣла, и даже Русскаго Слова по услугамъ русской либеральной мысли и русскому общественному развитію стоятъ „Отечественныя Записки" новаго времени, номинально издаваемыя все тѣмъ же Краевскимъ, который ихъ основалъ, но въ сущности редактированныя до 1878 г. Некрасовымъ при содѣйствіи Салтыкова и прежнихъ сотрудниковъ Современника, особенно Елисеева (Грыцько). Журналъ этотъ съ успѣхомъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: утвержденіе въ сознаніи русскаго общества либерально-соціальныхъ идей и искорененіе, путемъ насмѣшки и прямаго порицанія, тѣхъ золъ, которыя причиняетъ Россіи бюрократія, ставшая всемогущею именно въ то время, когда само правительство сознало необходимость мѣстнаго самоуправленія и создало земскія учрежденія. Лѣтопись внутреннихъ событій въ этомъ журналѣ всегда полна занимательности, и составители ея, Демертъ и Елисеевъ, внушаютъ

самую ярую непріязнь къ себѣ русской полиціи, черной и бѣлой, или голубой и оранжевой, такъ что одинъ изъ представителей послѣдней, Треповъ, хотѣлъ было разъ выслать Демерта изъ Петербурга. Но особую силу вліянію Отечественныхъ Записокъ придаетъ участіе въ нихъ великаго сатирика Салтыкова (Щедрина), дающаго почти ежемѣсячно, подъ видомъ новеллъ или разсказовъ, поразительныя картины политической и нравственной изнанки современнаго русскаго государства и общества, которая, къ сожалѣнію, не всегда разнится отъ лица.

Къ либеральнымъ же журналамъ новаго времени принадлежали Эпоха и Время, издававшіеся Достоевскимъ, Библіотека для Чтенія, переходившая изъ рукъ въ руки, пока не скончалась подъ редакціей Боборыкина, и нѣкоторыя другія изданія, нынѣ прекратившія свое существованіе. По незначительности ихъ вліянія на развитіе русскаго общества мы можемъ пройдти ихъ молчаніемъ, прибавивъ только, что Время подверглось въ 1863 г. запрещенію за статью Страхова „Роковой, т. е. польскій вопросъ“, и что вообще это былъ очень хорошій журналъ. Но есть еще одинъ либеральный періодическій сборникъ, въ настоящее время, можетъ быть, самый распространенный и потому заслуживающій, чтобы остановиться на немъ: это „Вѣстникъ Европы.“

Основанный разбогатѣвшимъ отъ женитьбы на дочери бывшаго виннаго откупщика Утина профессоромъ Стасюлевичемъ для распространенія въ Россіи либерализма политическаго, но не соціальнаго, онъ имѣетъ и другую, менѣе явную, но также не теряемую имъ изъ виду цѣль: отстаивать самостоятельность разнородныхъ частей русскаго государства отъ руссификаціи ихъ, при чемъ, разумѣется, редакціи всего дороже Польша. Все дѣло изданія журнала ведется съ большимъ умѣніемъ и осмотрительностью, при содѣйствіи хорошаго знатока новѣйшаго русскаго просвѣщенія, Пыпина. Журналъ имѣетъ хорошихъ сотрудниковъ; его политическіе обзоры отличаются дальновиднымъ анализомъ событій; его заграничныя корреспонденціи всегда занимательны; литературный отдѣлъ часто содержитъ хорошіе повѣсти и романы, а среди научныхъ статей встрѣчаются серьезныя изслѣдованія. Мало того; онъ составилъ себѣ почетную извѣстность борьбою за свободу образованія противу напора отупляющей бюрократіи. Но кто постоянно читаетъ этотъ сборникъ, тотъ безъ труда замѣчаетъ, что въ немъ нѣтъ полной симпатіи къ народу русскому, что ему даже противны нѣкоторыя славныя эпохи исторіи Россіи, напр. вѣкъ Екатерины, участвовавшей въ раздѣлѣ Польши. И, когда въ 1877-78 г. Россія пережи-

вала трудную борьбу, которая грозила вооружить противу нея европейскую коалицію, Вѣстникъ Стасюлевича то и дѣло напоминалъ о Польшѣ, требуя въ пользу ея уступокъ неопредѣленнаго характера и размѣра, такъ что даже Костомаровъ, одинъ изъ основателей и ревностныхъ сотрудниковъ журнала, отступился было отъ него.... Впочемъ, повторяемъ: это все-таки самый распространенный въ Россіи журналъ, и этой популярности онъ вполнѣ заслуживаетъ своею выдержанностью, спокойнымъ, но настойчивымъ либерализмомъ, а также литературною и коммерческою честностью.

Мы замѣтили выше, что либерализмъ Вѣстника Европы не соціальный, а только политическій. Вслѣдствіе этого естественно, что въ журналахъ съ соціалистскимъ оттѣнкомъ онъ встрѣчаетъ иногда несочувственые отзывы, приравнивающіе его по направленію къ буржуазно-академической Revue des deux Mondes. Это сближеніе довольно вѣрно, и потому для многихъ русскихъ Вѣстникъ кажется журналомъ не столько либеральнымъ, сколько консервативнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ охотно даетъ на своихъ страницахъ мѣсто сочиненіямъ Тургенева и даже хвалитъ такія бездарныя его произведенія, какъ „Новь,“ гдѣ осмѣивается молодое поколѣніе. Но какъ невозможно требовать, что бы все, что называет-

ся либеральнымъ, было вмѣстѣ и радикальнымъ, то конечно человѣкъ безпристрастный нѣ поставитъ редакцію Вѣстника Европы въ ряды консерваторовъ. Эти послѣдніе имѣли и имѣютъ своими представителями другіе ежемѣсячные сборники, въ родѣ Русской Бесѣды и Русскаго Вѣстника, къ которымъ мы и перейдемъ теперь. Но при этомъ поспѣшимъ замѣтить, что даже названные журналы консервативны только въ извѣстномъ смыслѣ. Русская Бесѣда, напримѣръ, защищала интересы помѣщиковъ во время крестьянской реформы, но это не мѣшало ей быть свободномыслящею по многимъ другимъ вопросамъ. Она подвергалась даже правительственнымъ придиркамъ и запрещеніямъ. Русскій Вѣстникъ при основаніи былъ просто либеральнымъ журналомъ, лишь съ консервативнымъ оттѣнкомъ. Онъ громко хвалилъ парламентаризмъ, земское самоуправленіе и надѣлы крестьянъ не одними усадьбами, а и пахатною землею. Здоровый воздухъ, повѣявшій на Россію съ 1856 года, дѣлалъ почти невозможнымъ появленіе въ то время ретроградныхъ журналовъ. Но это направленіе сохранялось въ Русскомъ Вѣстникѣ не долго. Уже въ 1862 году, редакторъ его, Катковъ, полемизируя противъ Герцена,—который однакоже былъ запрещенъ въ Россіи и слѣдовательно не могъ защищать своихъ идей на правахъ равнаго

соперника,—спрятался за царя и тѣмъ оттолкнулъ отъ себя нетолько молодое поколѣніе, но и всѣхъ людей, уважающихъ достоинство и свободу мысли. Польское возстаніе окончательно увлекло его въ сферу яраго консерватизма, который и проводился въ обоихъ его журналахъ—ежемѣсячномъ, Русскомъ Вѣстникѣ, и ежедневномъ — Московскихъ Вѣдомостяхъ. Скоро послѣ того загорѣлась борьба за системы образованія, и Катковъ сталъ ревностнымъ поборникомъ классицизма, сначала, быть можетъ, просто потому, что изученіе древнихъ языковъ и литературы — его спеціальность, *) тогда какъ область естествознанія и математики мало ему знакома и не подходитъ къ его способностямъ, а потомъ изъ прямаго консерваторскаго разсчета, что только поглотивъ у учащагося юношества все время убійственною долбнею греческихъ и латинскихъ глаголовъ, можно отвлечь здоровые, молодые умы отъ занятій естественными науками, развивающими положительныя, точныя, самостоятельныя, а не подъ-авторитетныя идеи. Мы упомянемъ нѣсколько подробнѣе объ этой борьбѣ ниже, говоря о Московскихъ Вѣдомостяхъ; здѣсь же замѣтимъ, что, собствен-

*) Онъ написалъ даже сочиненіе о греческой философіи до Сократа, или, какъ шутя говорили либералы, о сущности Ѳалесовой воды.

но, Русскій Вѣстникъ, внѣ школьнаго вопроса, продолжаетъ быть органомъ идей умѣренно консервативныхъ. Многія прекрасныя сочиненія появлялись впервые на страницахъ его, особенно въ литературномъ отдѣлѣ, среди котораго нашли мѣсто лучшія произведенія Тургенева (Отцы и Дѣти), Л. Толстаго (1805-й годъ и Анна Каренина) и Мельникова (Въ Лѣсахъ). Но то исключительное положеніе, которое редакторъ Русскаго Вѣстника занялъ въ русской періодической печати, благодаря своимъ связямъ съ министерствами, сдѣлало наконецъ его человѣкомъ нетерпимымъ, неуважающимъ чужихъ идей и чужаго труда. На него неразъ слышались жалобы за коренную передѣлку статей, печатаемыхъ въ журналѣ, и въ 1877 г. онъ даже позволилъ себѣ опустить пѣлыя главы въ романѣ графа Льва Толстаго, потому что тамъ такъ-называемое патріотическое настроеніе общества въ пользу балканскихъ славянъ приписывалось журнальной агитаціи, имѣвшей корыстную цѣль,— возбудить политическія страсти и черезъ то вызвать увеличеніе числа подписчиковъ на газеты.

Мы исчислили здѣсь главныя изъ ежемѣсячныхъ обозрѣній, издаваемыхъ частными лицами; но въ русской литературѣ есть еще цѣлый разрядъ подобныхъ же періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ на казенный счетъ

разными вѣдомствами. *) Хотя ихъ содержаніе принадлежитъ къ области такъ-называемыхъ спеціальныхъ литературъ, однако нѣкоторые изъ нихъ занимаются разработкою важныхъ вопросовъ государственныхъ и общественныхъ. Назовемъ здѣсь только три изъ этихъ журналовъ: Морской Сборникъ, Военный Сборникъ и Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Первый изъ нихъ въ концѣ 1850-хъ годовъ былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ, либеральныхъ журналовъ въ Россіи. Онъ много занимался вопросами о воспитаніи, о системѣ наказаній, о международныхъ морскихъ законахъ, сообщалъ свѣдѣнія о реформахъ во флотѣ и много научныхъ новостей. Военный Сборникъ началъ издаваться въ 1857 году и въ первое время за-

*) Такихъ изданій въ 1876 году было 24, и на нихъ расходовалось казною до 200 тыс. рублей, какъ видно изъ слѣдующей росписи:

Жур. М. Нар. Пр. . .	25.000	Жур. Мин. Гос. Им . .	7.485
Русскій Инвалидъ . .	23.771	Жур. Коннозаводства .	6.775
Военный Сборникъ . .	15.000	Кіевлянинъ	6.000
Инженерн. Журналъ . .	14.000	Виленскій Вѣстникъ . .	6.000
Указ. Министр. Фин. .	14.000	Кавказъ	?
Турк. Вѣдом.	12.000	Ветеринарный Журн . .	5.000
Педагог. Сборн	9.000	Воен. Медиц. Жур . . .	?
Морской Сборникъ . .	8.500	Земледѣльческ. Газета .	4.000
Горный Журналъ. . .	8.200	Сборникъ Жел. Дорогъ.	3.190
Варшавскій Дневникъ.	8.000	Кронштадтскій Вѣсти. .	3.000
Журн. Пут. Сооб . . .	7.825	Николаевскій Вѣстникъ.	2.000
Артил. Журн	7.750	Вѣстникъ Зап. Россіи. .	1.000

явилъ себя журналомъ вполнѣ либеральнымъ. Онъ нетолько подвергъ суровой критикѣ наши военно-административныя неурядицы времени восточной войны, но и поднялъ много важныхъ вопросовъ о переустройствѣ нашихъ военныхъ силъ и передѣлкѣ военнаго законодательства. Въ короткое время гуманное вліяніе его на военную молодежь возросло на столько, что когда однажды на страницахъ его же появилась статья князя Витгенштейна, защищавшая тѣлесныя наказанія въ войскахъ, то многіе офицеры адресовали въ редакцію рѣзкій упрекъ за такое варварство, говоря, что она недостойна быть представительницею умственнаго и нравственнаго развитія арміи... Разумѣется, такой либерализмъ не могъ быть долго терпимъ правительствомъ par la grâce de Dieu, и редакція скоро перешла въ руки болѣе консервативныя, послѣ чего журналъ утратилъ вліяніе на умы военныхъ людей, хотя сохранилъ дѣльность содержанія. Министерство народнаго просвѣщенія употребило много стараній, чтобы улучшить свой оффиціальный органъ, прежде влачившій довольно жалкое существованіе; и дѣйствительно, историку русскаго образованія нельзя будетъ обойдтись безъ этого изданія, когда онъ захочетъ подробно ознакомиться съ судьбами русской школы нашего времени; но конечно ему не нужно будетъ забывать, что редакція журнала не

безпристрастна, что она принадлежитъ людямъ борьбы за классицизмъ противу реализма, за мракъ противу свѣта. Въ журналѣ нашли себѣ мѣсто и нѣкоторые ученые труды, особенно сочиненія молодыхъ профессоровъ и доцентовъ; но онъ никогда не умѣлъ стать органомъ русской науки вообще, даже и во время редактированія его энциклопедистомъ Хотинскимъ, а тѣмъ болѣе человѣкомъ такихъ узкихъ познаній, какъ Георгіевскій. 25.000 рублей казенной субсидіи, дающіе средство привлекать отличныхъ сотрудниковъ, на самомъ дѣлѣ привлекали лишь второстепенныхъ, такъ какъ люди даровитые настолько уважаютъ себя, что не продаютъ свои убѣжденія за деньги.

Неуспѣхъ Журнала мин. нар. просв. не только въ обществѣ, но и среди ученаго сословія, заставилъ графа Толстаго искать для себя другаго, болѣе популярнаго органа; и хотя Катковъ охотно открывалъ ему и его клевретамъ, въ родѣ Любимова, страницы Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей; но какъ журналы эти недовольно распространены въ либеральныхъ кружкахъ да и издаются въ Москвѣ, то графъ рѣшился обратить на услуги своего вѣдомства академическую газету, С. Петербургскія Вѣдомости. Такъ-какъ выше уже приведено достаточно для нашего очерка свѣдѣній объ ежемѣсячныхъ журналахъ, то и

перейдемъ теперь къ этой газетѣ, а за нею ко всѣмъ остальнымъ. С. Петербургскія Вѣдомости есть самое старое изъ всѣхъ періодическихъ изданій въ Россіи, потому что основалъ ихъ еще Петръ Великій; съ давняго же времени онѣ были отдаваемы академіею наукъ въ аренду, какъ оброчная статья. Послѣднимъ академическимъ арендаторомъ былъ Коршъ, либералъ сороковыхъ годовъ, но до такой степени умѣренный, почти безцвѣтный, что Салтыковъ далъ его газетѣ болѣе или менѣе вѣрное прозвище Старѣйшей Россійской Пѣнкоснимательницы. Сотрудниками же сколько-нибудь замѣтными состояли Арсеньевъ, Бестужевъ Рюминъ, Пыпинъ и Суворинъ, который долго былъ „европейцемъ, западникомъ“, и русскаго двуглаваго орла называлъ хищною птицею. Съ 1865 года, т. е. со введенія такъ-называемой свободы печати, газета Корша неразъ подвергалась разнымъ цензурнымъ прижимкамъ и наконецъ отнята у этого редактора-арендатора. Но рѣшась дать ей другое направленіе, министръ народнаго просвѣщенія не зналъ, кому передать ее на правахъ хозяина, потому что создавать казенную редакцію былоне удобно, такъкакъ у правительства было уже два оффиціальные органа, Вѣстникъ и Инвалидъ. Скоро однако же хозяинъ нашелся: къ общему удивленію публики, это былъ содержатель бан-

кирской конторы и извѣстный биржевой игрокъ Баймаковъ. Министерство, заботящееся о привитіи русскому юношеству началъ чистѣйшей нравственности, вступило въ союзъ съ грязною спекуляціею!... Но тайна скоро обнаружилась: Баймакова поддерживалъ членъ совѣта министра и одинъ изъ сотрудниковъ Русскаго Вѣстника, Мрк., которому Баймаковъ былъ обязанъ за это платить ежегодно по 5.000 рублей. Скандалъ, конечно, повелъ къ увольненію Мрк—а, при чемъ особенно строгимъ къ нему оказался Катковъ, настоявшій на безотлагательности отставки; но формальнаго слѣдствія по дѣлу произведено не было, и биржевикъ продолжалъ хозяйничать въ признанномъ органѣ министра просвѣщенія, который еще притомъ есть оберъ-прокуроръ синода, т. е. царское око въ дѣлахъ православія. Наконецъ банкротство издателя-спекулянта вырвало С. Петербургскія Вѣдомости изъ его нечистыхъ рукъ, и послѣ нѣсколькихъ перипетій газета была куплена Комаровымъ, бывшимъ офицеромъ генеральнаго штаба, вышедшимъ изъ военной службы по нерасположенію къ нему министра Милютина. Какое направленіе имѣетъ она въ настоящее время — трудно сказать. Назвать ее консервативною нельзя; но тѣмъ не менѣе она на службѣ у министерства, которое не безъ основанія называется вѣдомствомъ народ-

наго помраченія. Такъ-какъ это—газета неистребимая, т. е. такая, которую цензура закрыть не можетъ, то у нея есть довольно подписчиковъ, и редакція извлекаетъ еще немалый доходъ изъ казенныхъ объявленій, составляющихъ ея исконную привилегію, вмѣстѣ съ Моковскими Вѣдомостями.—Что касается до коршевской редакціи петербургской академической газеты, то часть ея основала свой журналъ, Сѣверный Вѣстникъ, который и составлялъ какъ бы продолженіе прежнихъ С. П. Б. Вѣдомостей, т. е. изданіе блѣдно-либеральное, съ соціальнымъ оттѣнкомъ. Участіе кн. Васильчикова привлекало къ этой газетѣ многихъ подписчиковъ; но какъ общее ея направленіе было не по сердцу правительству, то она была запрещена по высочайшему повелѣнію за то, что дерзнула обнародовать письмо г-жи Засуличъ, объяснявшей, что хотя она и оправдана судомъ по дѣлу о выстрѣлѣ въ Трепова, но считаетъ нужнымъ скрываться, потому что предвидитъ преслѣдованія администраціи.

Отъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей, газеты самой старой, и Сѣвернаго Вѣстника—одной изъ самыхъ молодыхъ, перейдемъ къ Голосу,—самой распространенной. Основалъ ее, въ 1861 году, тотъ же Краевскій, который создалъ въ 1839 году Отечественныя Записки, а въ 1850-хъ годахъ поставилъ на ноги

заброшенныя передъ тѣмъ С. Петербургскія Вѣдомости. Человѣкъ этотъ во всю свою длинную литературно-коммерческую карьеру руководился однимъ правиломъ: идти по вѣтру, не компрометтируя однако себя открытыми связями ни съ крайней реакціей, ни съ революціей, подобно своему идеалу, буржуазному Тьеру. Неуклонная вѣрность этому правилу дала ему два каменныхъ дома и связи въ такихъ сферахъ, которыя болѣе разборчивые редакторы, напр. Коршъ или Аксаковъ, оттолкнули бы отъ себя.*) Что Краевскій не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, это не подлежитъ сомнѣнію, и для доказательства довольно вспомнить отношенія его къ вопросамъ польскому и туркестанскому. Въ 1861-62 годахъ онъ стоялъ за поляковъ, а въ 1867 году, убѣдясь, что польскія и западныя губерніи не въ состояніи дать столько подписчиковъ, какъ велико- и мало-русскія, сталъ относиться къ Польшѣ враждебно. Напротивъ, относительно Туркестана онъ нѣсколько лѣтъ сряду (1871-75) издѣвал-

*) Краевскій, какъ извѣстно, въ бытность свою на службѣ по мин. нар. просв., былъ употребленъ для разбора бумагъ Пушкина по кончинѣ его, то-есть, вообще говоря, состоялъ литературнымъ сыщикомъ, подобно В. Григорьеву-оріенталисту. Издавая Голосъ, онъ много лѣтъ пользовался субсидіею отъ министерства финансовъ и всегда умѣлъ ладить съ III отдѣленіемъ.

ся надъ ташкентскими порядками, а потомъ, вслѣдствіе интимныхъ бесѣдъ съ правителемъ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора, Гомзинымъ, вдругъ явился защитникомъ ташкентской администраціи. Можно бы привести и много другихъ превращеній этого литературнаго дѣльца; но мы пройдемъ ихъ молчаніемъ, потому что здѣсь дѣло идетъ не объ немъ, а объ издаваемой имъ газетѣ. Главнымъ основаніемъ успѣха Голоса въ публикѣ служитъ богатство его содержанія; ни одна изъ прочихъ русскихъ газетъ не имѣетъ столькихъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей; ни одна не даетъ столько свѣжихъ новостей изъ правительственной среды. Кромѣ того журналъ этотъ снискалъ себѣ дѣйствительно почетную извѣстность борьбою за независимость крестьянскихъ обществъ отъ помѣщичьяго вліянія, за самостоятельность военныхъ школъ и вообще за реализмъ народнаго образованія, борьбою, которая стоила ему матеріальныхъ жертвъ, потому что неразъ наводила на предостереженія и запрещенія, полныя или частныя (т. е. одной уличной продажи). Голосъ былъ долго подъ покровительствомъ великаго князя Константина Николаевича; но въ послѣдніе годы (съ 1875), напротивъ, заслужилъ его ненависть, и причина этой перемѣны приноситъ честь редакціи, потому что она состоитъ въ настойчивомъ

преслѣдованіи вреда, причиняемаго государству нелѣпыми круглыми броненосцами или поповками, которыя стоили милліоны, оказались негодными для боевой службы и были выгодны только для строителей ихъ, адмирала Попова и заводчика Путилова, изъ которыхъ послѣдній, какъ слышно, въ долѣ съ Константиномъ Николаевичемъ по разнымъ аферамъ. —Политическія и экономическія статьи Голоса отличаются нерѣдко дѣльностью содержанія, такъ что ихъ можно читать, тогда какъ передовыя статьи прочихъ русскихъ газетъ, кромѣ Московскихъ Вѣдомостей, часто наводятъ непреодолимую скуку вслѣдствіе своей безсодержательности, шаткости высказываемыхъ убѣжденій и крайняго многословія. И хотя нельзя сказать, чтобы Голосъ былъ изъятъ отъ общаго для русской журналистики упрека, по которому ихъ передовыя статьи пишутся на мотивъ: „съ одной стороны должно признаться, а съ другой нельзя не сознаться;“ но все-таки, если сравнить эту газету съ прочими, преимущество дѣльности будетъ на ея сторонѣ. Самые фельетоны ея, когда ихъ писалъ даровитый Панютинъ (Нилъ Адмирари) или Е. Марковъ, были небезполезны для развитія русскаго общества, потому что всегда имѣли въ основѣ гуманныя мысли.

Въ одной любопытной книгѣ о Россіи, изданной за границей подъ заглавіемъ „Aus Pe-

tersburger Gesellschaft," Краевскій причисленъ къ разряду журнальныхъ промышленниковъ, наравнѣ съ Трубниковымъ и въ противоположность Коршу и Аксакову. Отзывъ этотъ, конечно, имѣетъ долю правды; но историкъ русской литературы не долженъ забывать, что такъ или иначе этотъ человѣкъ создалъ два журнала съ наиболѣе прочнымъ общественнымъ положеніемъ и что онъ умѣлъ поддерживать связи съ многими передовыми дѣятелями въ области русской литературы, начиная съ Лермонтова и Герцена, и привлекать ихъ къ участію въ своихъ изданіяхъ. Далеко нельзя сказать того же про настоящихъ промышленниковъ, въ родѣ Трубникова, Старчевскаго, Льва Камбека, Ильи Арсеньева и цѣлаго легіона другихъ афферистовъ, изъ которыхъ иные, какъ Шрейеръ, заслуженно кончали свою карьеру въ тюрьмѣ. Мы прошли бы молчаніемъ всю эту литературную *canaille*, если бы самая многочисленность ея и успѣхъ въ обществѣ не служили знаменіемъ времени. Торговая и слѣдовательно оффиціально продажная журналистика эта расплодилась у насъ одновременно съ появленіемъ въ обществѣ вкуса къ биржевой игрѣ и акціонернымъ предпріятіямъ, существующимъ собственно для того, чтобы финансовыя акулы могли свободно пожирать мелкихъ судаковъ и лещей, имѣющихъ наивность вступать

съ ними въ товарищество. Акуламъ нужно было имѣть спеціальные органы для служенія Мамонѣ, и вотъ они явились въ видѣ Биржевыхъ Вѣдомостей, Биржи, Биржевой Газеты, Финансоваго Обозрѣнія, Дѣятельности и пр. До чего же доходитъ въ этихъ газетахъ безстыдство служенія деньгамъ, однимъ деньгами,—приведемъ примѣръ, изъ самыхъ мягкихъ. Въ Главномъ обществѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ давно уже значительная часть акцій принадлежитъ американцу Уайненсу, который потому и господствуетъ въ общихъ собраніяхъ помощью подставныхъ акціонеровъ, не давая возможности провести какую-либо мѣру, несогласную съ его личными интересами. Нѣкоторые изъ журналовъ возстали противу этого незаконнаго и безсовѣстнаго порядка вещей; но вотъ выступаетъ Полетика и говоритъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, что акціонеры съ ихъ претензіями смѣшны, что во всякомъ промышленномъ дѣлѣ долженъ быть *одинъ* хозяинъ и что всѣ прочіе вкладчики въ это предпріятіе суть не болѣе какъ кредиторы главнаго воротилы, не имѣющіе надобности и права вмѣшиваться въ *его* дѣла. О томъ, что эти кредиторы давали свои деньги не воротилѣ, а компаніи, въ которой они думали считать себя полноправными членами, о томъ, что эти кредиторы отъ произвола заемщика могутъ лишиться дохода и даже

состоянія, биржевой публицистъ конечно умалчиваетъ, въ силу пословицы, что хорошая рѣчь—серебро, но молчаніе—золото. И Политика еще человѣкъ во многихъ случаяхъ приличный и очень умный; онъ здраво понимаетъ нѣкоторые интересы Россіи и напр. рѣзко порицалъ начатую въ 1877 году войну съ Турціей, которая несомнѣнно нанесла огромный экономическій и нравственный вредъ Россіи. Что же сказать про такихъ аферистовъ, какъ Трубниковъ, который даже на биржѣ, этомъ скопищѣ презрѣнныхъ мытарей, пользуется презрѣніемъ и извѣстенъ подъ насмѣшливымъ именемъ Чубукова?

Съ большимъ сожалѣніемъ мы должны еще разъ вспомнить, что статистика русской печати находится во младенчествѣ и не позволяетъ оцѣнить степени распространенности биржевыхъ, да и вообще всякихъ журналовъ. Изъ обнародованныхъ въ Русскомъ Календарѣ на 1879 г. цифръ нужно бы заключить, что самыя распространенныя газеты суть Сынъ Отечества и Правительственный Вѣстникъ, изъ которыхъ послѣдній имѣетъ 11.181 подписчикъ. Но цифры Русскаго Календаря неточны, потому что уже въ 1877 году Голосъ расходился въ 14.000 экземплярахъ; а Новое Время хвалилось, что у него было 20.000 покупателей. Редакціи Вѣстника Европы и Русской Старины сами обнародуютъ данныя

о числѣ своихъ подписчиковъ, и изъ нихъ мы видимъ, что у каждаго изъ этихъ очень распространенныхъ журналовъ ихъ есть по 6—$6^1/_2$ т. Но другія періодическія изданія этому примѣру не слѣдуютъ, и цифры Русскаго Календаря относительно ихъ представляются сомнительными уже потому, что умалчиваютъ объ экземплярахъ продаваемыхъ на улицахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Впрочемъ, должно признаться, что если бы сами торговыя газеты обнародывали свою статистику, то она не исчерпывала бы того предмета, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Выше уже было упомянуто, что даже С.-Петербургскія Вѣдомости однажды стояли въ числѣ биржевыхъ органовъ; до нѣкоторой степени къ нимъ относятся и многія другія наши газеты. Новое Время, напримѣръ, было прямо уличено въ 1877 г., что оно поддерживало знаменитый хищническій вертепъ, называемый петербургскимъ обществомъ взаимнаго кредита; а между тѣмъ его издатель, Суворинъ, долго считался рьянымъ противникомъ всякихъ биржевыхъ и акціонерныхъ продѣлокъ. Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ вопросъ о распространенности органовъ плутовства, такъ какъ онъ касается больше нравственнаго состоянія общества, а не исторіи литературы, и будемъ продолжать нашъ обзоръ періодической печати. Упомянутое сейчасъ Новое Вре-

мя представляетъ довольно любопытный примѣръ перехода журнала изъ одного лагеря въ другой, безъ всякаго уваженія къ вкусамъ подписчиковъ. Сначала оно было консервативно-польскимъ, потомъ либерально-европейскимъ, и даже республиканскимъ, наконецъ стало монархическимъ и славянофильскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшее время его совпадало съ либеральнымъ редакторствомъ Устрялова; но наибольшее число подписчиковъ оно пріобрѣло лишь при Суворинѣ. Почему? — Да потому, что этотъ бывшій западникъ сталъ ярымъ славянофиломъ и усердно раздувалъ патріотизмъ русскаго, особливо провинціальнаго, общества, направляя его противу турокъ. Другими словами, онъ предпочелъ служить не разуму, а страстямъ, что всегда обезпечиваетъ успѣхъ журнала въ обществѣ молодомъ, политически неразвитомъ. Поэтому не безъ основанія многіе считаютъ Суворина однимъ изъ виновниковъ войны 1877 года. По другимъ вопросамъ направленіе суворинскаго Новаго Времени опредѣлить трудно: оно гибко, какъ характеръ самаго издателя-фельетониста. — Гораздо болѣе его правъ на уваженіе, если не на симпатію, имѣетъ другой петербургскій славянофильскій органъ, Русскій Міръ. Но журналъ этотъ запятналъ себя многими реакціонными статьями и преслѣдованіемъ военнаго министерства въ нѣкоторыхъ лучшихъ

отрасляхъ его дѣятельности, напр. въ военно-учебной. При этомъ причины преслѣдованія были нестолько общественныя и политическія, сколько личныя, потому что въ главѣ журнала стояли Комаровъ, Черняевъ и Фадѣевъ, три офицера, вытѣсненные изъ службы военнымъ министромъ Милютинымъ. Однако и при этой *личной* борьбѣ Русскій Міръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принесъ обществу пользу, напр. раскрытіемъ зла оптовыхъ подрядовъ на продовольствіе войскъ, подрядовъ, которые сильно возвышали цѣну продовольствія и не обезпечивали войска на случай банкротства подрядчиковъ. Равнымъ образомъ Русскій Міръ оказалъ немалую услугу разоблаченіемъ многихъ слабыхъ сторонъ нашей среднеазіятской политики, внѣшней и внутренней. Кругъ его читателей никогда не былъ великъ, и хотя Черняевъ пользовался поддержкою наслѣдника престола, но это помогло Русскому Міру не больше, какъ и покровительство того же наслѣдника, въ теченіе нѣкотораго времени, Биржевымъ Вѣдомостямъ, возставшимъ противу Австріи и Германіи.

Указывая на Русскій Міръ, какъ на газету консервативную, мы должны вспомнить и о старшей по лѣтамъ его сестрѣ, Вѣсти. Эта газета, издававшаяся партіею крѣпостниковъ, въ родѣ Н. Безобразова и Гр. Бланка, подъ редакціею бывшаго золотопромышленника Ска-

рятина, скончалась, по собственному признанію, отъ „истощенія силъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики.“ Но съ точки зрѣнія даровитости изложенія своихъ ретроградныхъ началъ она была газетою недурною. Она кусала больно и зло тѣхъ изъ своихъ противниковъ, которые не обладали равною съ ней діалектическою ловкостью, и въ этомъ смыслѣ была даже полезна, возбуждая либеральную партію къ дѣятельности. Признаніе же, вырвавшееся у ней подъ конецъ, драгоцѣнно, потому что удостовѣряетъ, что въ русскомъ обществѣ стремленіе къ соціальной розни гораздо слабѣе, чѣмъ въ западоевропейскихъ націяхъ, гдѣ революціи 1789 и 1848 годовъ далеко еще не стерли слѣдовъ феодализма и гдѣ потому процвѣтаютъ такія газеты, какъ Standart, Union, Neue Preussische Zeitung и пр. Только въ западной Россіи польскіе паны сочувствовали Вѣсти до конца ея существованія, при чемъ одинъ изъ нихъ, на Волыни, выписывалъ ее въ 90 экземплярахъ, для поддержки изданія.

Вѣсть есть послѣднее изъ частныхъ, ежедневныхъ петербургскихъ изданій, о которомъ стоило упомянуть; потому что ни Духовная Бесѣда юродиваго Аскоченскаго, претендующаго быть русскимъ Луи Вейльо, ни Сынъ Отечества Старчевскаго и его преемниковъ съ ножницами въ рукахъ вмѣсто пера, ни Но-

вости съ ихъ сплетнями, ни Петербургскій Листокъ и Газета съ ихъ извѣстіями о грязи на заднихъ дворяхъ, въ баняхъ и на театральныхъ лѣстницахъ, не могутъ же быть причисленными къ литературѣ. Они составляютъ то, что называется *la petite presse* и назначаются, au bout du compte, на обертки. Впрочемъ, нужно оговориться: отзывъ этотъ не вполнѣ вѣренъ. Сынъ Отечества, благодаря своей дешевизнѣ, первый привилъ вкусъ къ чтенію газетъ въ такихъ классахъ общества, которые прежде не имѣли понятія о періодическомъ ознакомленіи съ текущими политическими событіями, и если заглядывали въ журналы, то чтобы прочесть извѣстіе о появленіи морскаго змѣя или о рожденіи урода съ двумя головами. Волостные писаря, сельскіе учителя, этапные командиры, станціонные смотрители, попы въ глухихъ приходахъ, весь этотъ загнанный, убогій людъ впервые сталъ знакомиться съ исторіею современности черезъ газету Старчевскаго, петербургскіе же дворники, мелкіе лавочники, ремесленники, гостинодворскіе сидѣльцы, канцелярскіе писцы — черезъ мѣстные Листокъ и Газету. Листокъ даже отличился такимъ крайнимъ либерализмомъ, что, опасаясь, вѣроятно, бунта апраксинцовъ, правительство не разъ карало его; и въ самомъ дѣлѣ онъ, да и Газета, не щадятъ насмѣшекъ, обыкновенно грубыхъ, аля-

поватыхъ, но иногда и острыхъ, чтобы сбить спѣсь съ разныхъ „авторитетовъ,“ отъ будочниковъ и почтальоновъ до департаментскихъ столоначальниковъ и мировыхъ судей включительно. Они представляютъ въ мірѣ литературномъ то же, что театръ-буффъ и café chantant въ драмматическомъ и музыкальномъ. И если благодаря театру-буффъ русская публика узнала на опытѣ, что можно вслухъ говорить такія страшныя вещи, какъ „цари приносятъ жертвы, а народы даютъ для того барановъ,“ то Листокъ и Газета много помогли ей въ ослабленіи трепета передъ полиціей, которая внушала такой всеобщій ужасъ при Николаѣ, у которой, правда, со введеніемъ судебной и земской реформъ руки сдѣлались нѣсколько покороче, но которая стала тѣмъ болѣе зла, чувствуя, какъ мухи въ августѣ, что дѣло ея приходитъ къ концу.

Но въ Петербургѣ, кромѣ всѣхъ названныхъ частныхъ газетъ, издаются еще двѣ правительственныя, Вѣстникъ и Инвалидъ. О первомъ, сначала называвшемся Сѣверной Почтой, сказать много нечего. Кто изъ нашихъ потомковъ поинтересуется высочайшими и сенатскими приказами о назначеніяхъ и производствахъ чиновниковъ и о раздачѣ имъ орденовъ, кто полюбопытствуетъ прочесть какой-нибудь чувствительный рескриптъ политически умирающему старцу-сановнику, цере-

моніалъ какого-нибудь придворнаго выхода или годовой рапортъ оберъ-прокурора синода „по вѣдомству православнаго исповѣданія,“ тотъ конечно заглянетъ въ Правительственный Вѣстникъ, если только это печальное изданіе сохранится для потомства гдѣ нибудь внѣ публичной библіотеки. Изучать же по немъ исторію Россіи невозможно, потому что онъ не даетъ даже оффиціальныхъ отчетовъ министерствъ и нетолько не знакомитъ со смысломъ правительственныхъ постановленій, имъ публикуемыхъ, но систематически умалчиваетъ о всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, которыя составляютъ русскую жизнь, или же намѣренно искажаетъ факты, какъ было напр. во время процесса нечаевцевъ, когда адвокатъ Урусовъ передъ лицомъ суда показалъ лживость судебнаго отчета, напечатаннаго въ оффиціальной газетѣ. Въ одномъ только Правительственный Вѣстникъ незамѣнимъ, именно, по отношенію къ циркулярамъ разныхъ министерствъ, стѣснявшимъ смыслъ тѣхъ законовъ, которые имѣли либеральный характеръ; но и эти ретроградные циркуляры помѣщены въ немъ не всѣ.—Русскій Инвалидъ имѣетъ болѣе правъ на вниманіе, особенно за время до 1867 года, когда онъ составлялъ большую газету съ передовыми статьями, часто значительнаго интереса. Лучшее же время его было въ 1864-66 годахъ, когда при посред-

ствѣ его Н. Милютинъ пріучалъ русское общество къ своевременному ознакомленію съ цѣлями разныхъ совершавшихся или даже только готовившихся законодательныхъ мѣръ. Но, будучи органомъ либеральной партіи петербургскихъ чиновниковъ, онъ подвергся опалѣ, когда эта партія была побѣждена реакціонною; по выраженію Суворина, „Инвалиду 1 января 1867 года перебило обѣ ноги.“ Съ тѣхъ поръ онъ и не пытается встать, благо либеральный военный министръ Д. Милютинъ все болѣе и болѣе становится нестерпимымъ деспотомъ-бюрократомъ. Его нынѣ и не читаетъ никто, кромѣ офицеровъ, такъ что въ Петербургѣ есть только одинъ газетный разносчикъ, который отваживается брать въ редакціи, для уличной продажи, пять экземпляровъ, да и то лишь на коммиссію, а не за чистыя деньги.

Отъ петербургскихъ журналовъ перейдемъ къ московскимъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ Московскія Вѣдомости, самая умная, хотя и не самая лучшая изъ русскихъ газетъ, направленія консервативнаго. Ея издатель, Катковъ, пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность, и въ нѣкоторыхъ русскихъ кружкахъ долго считался какимъ-то оракуломъ мудрости. А въ Москвѣ значеніе его было такъ велико, что, когда однажды цензура удалила его отъ

редакторства,*) то нетолько преемникомъ ему былъ назначенъ кліентъ его, Любимовъ, но москвичи просили императора, минуя министровъ, о возвращеніи имъ отнятаго Каткова, который съ тѣхъ поръ, по словамъ остряковъ, и составляетъ, вмѣстѣ съ царь-колоколомъ и царь-пушкой, тріумвиратъ московскихъ достопримѣчательностей. Въ 1863 году, за статьи, направленныя противу поляковъ и той части русской прессы, которая еще не прямо нападала на нихъ, Каткову поднесена была московскимъ англійскимъ клубомъ, т. е. дворянствомъ, драгоцѣнная чернильница съ золотымъ перомъ, данъ парадный обѣдъ съ похвальными рѣчами и пр. Поощренный этимъ и пользуясь поддержкой изъ Петербурга, Вильны и Кіева, ловкій и, можно сказать, наглый діалектикъ сталъ преслѣдовать всякое либераль-

*) За нападки на вел. кн. Константина Николаевича въ лицѣ покровительствованнаго имъ публициста Фиркса (Шедо-Ферроти) и за обнародованіе свѣдѣній объ наложенныхъ за то на Моск. Вѣд. штрафахъ, Каткову, подъ какимъ-то предлогомъ, объявлено было предостереженіе; но онъ не напечаталъ его въ своей газетѣ и объявилъ, что вслѣдствіе того его должно считать несостоявшимся. Такой смѣлый поступокъ показался цензурѣ революціоннымъ; она не знала, что дѣлать, и объявила только, что исполнитъ свой долгъ. Исполненіе не замедлило въ видѣ двухъ новыхъ предостереженій, послѣ которыхъ Моск. Вѣд. должны бы были прекратиться, если бы не были газетой казенною, оброчною статьею московскаго университета.

ное движеніе въ разноплеменномъ и разнохарактерномъ русскомъ обществѣ. Сначала доставалось населенію западнаго края, обвинявшемуся въ сепаратизмѣ, т. е. въ стремленіи (должно признаться, очень естественномъ) отдѣлиться отъ петербургской монархіи, при чемъ нареканія падали даже на такія высокопоставленныя лица, какъ Константинъ Николаевичъ, братъ императора. Потомъ начались: преслѣдованіе радикальной молодежи, получившей названіе нигилистовъ, нападки на новые суды за ихъ безпристрастіе къ лицамъ разныхъ сословій, и жестокая борьба за классицизмъ, при чемъ обвинялись чуть не въ государственной измѣнѣ министры Головнинъ и Милютинъ, какъ поборники реальнаго образованія, которое будто бы составляетъ ядъ, потому что прививаетъ юношамъ „самомнѣніе“, т. е. независимость сужденій, непокорность авторитетамъ. Эту борьбу Катковъ, къ несчастью русскаго юношества, выигралъ, и съ тѣхъ поръ надменности его не стало предѣловъ. Графъ Д. Толстой не дѣлалъ безъ него ни одного шага въ своемъ министерствѣ. Катковъ являлся въ Петербургъ всякій разъ, когда дѣло шло о какомъ-нибудь щекотливомъ вопросѣ, и напр. еще осенью 1873 года министръ народнаго просвѣщенія совѣтовался съ нимъ, какъ бы студентовъ университета разстрѣливать на военной службѣ на одинаковыхъ

условіяхъ съ обыкновеннымъ „пушечнымъ мясомъ“, т. е. не давая имъ льготъ по образованію, предложенныхъ военнымъ министерствомъ. Вслѣдствіе связей съ Толстымъ Каткову была сбавлена арендная плата и, кромѣ того, прощены недоимки на сумму около 100.000 рублей. Разбогатѣвъ черезъ это настолько, что можетъ проживать по 25.000 р. въ годъ, редакторъ Московскихъ Вѣдомостей сдѣлался литературнымъ генераломъ, относящимся свысока ко всему литературному міру негенеральскаго ранга и состоянія. Но кончина его сотрудника, Леонтьева, которому принадлежала значительная часть умно и зло написанныхъ статей въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, положила начало паденію ихъ, и въ 1876 г. одинъ изъ продавцевъ газетъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, Клейнъ, объявилъ, что онъ потому не покупаетъ катковскаго изданія, что „оно не спрашивается публикою“. Конечно, это было ехидное преувеличеніе, месть Каткову за назойливость, съ которой онъ требовалъ отъ Клейна покупки газеты; но и въ дѣйствительности Московскія Вѣдомости съ 1875 г. уже стали не тѣ, что были въ 1865 г. Осталась только дурная привычка дѣйствовать противу соперниковъ доносами, обвиненіями въ политической неблагонадежности, въ нигилизмѣ, въ сепаратизмѣ и т. п. Но и тутъ обвиненія становились все пошлѣе и пошлѣе, и

наконецъ дошли до того, что однажды Катковъ посвятилъ передовую статью нападкамъ на книгопродавца Надѣина за то, что онъ, печатая каталоги съ краткими отзывами журналовъ о достоинствахъ книгъ, позволилъ себѣ умалчивать о мнѣніяхъ Московскихъ Вѣдомостей, что доказывало будто бы его неблагонамѣренность, связь съ радикалами и т. п.

Узнаю коней ретивыхъ
По наложеннымъ таврамъ,
Узнаю парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ,

и „узнаю г. Каткова по виртуозности доноса“, писалъ по этому поводу лѣтописецъ одного петербургскаго журнала. И какъ урокъ этотъ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ подобныхъ, не подѣйствовалъ на московскаго литературнаго генерала, то публика мало-по-малу стала не читать его газеты. Только война 1877 г. и возникшая вслѣдствіе ея полемика съ англійскими и французскими журналами, подняла нѣсколько его значеніе, главнымъ образомъ потому, что прочіе русскіе журналы имѣютъ по политическимъ вопросамъ сотрудниковъ слишкомъ блѣдныхъ, чтобъ не сказать неспособныхъ.

Между другими московскими газетами видное мѣсто принадлежитъ изданіямъ К. и И. Аксаковыхъ, именно Парусу, запрещенному на

третьемъ номерѣ, Дню, Москвѣ и Москвичу. Всѣ эти газеты были славянофильскими, но въ то же время либеральными и притомъ честно-либеральными, т. е. не продажными, въ родѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданій. Всѣ ихъ постигла одна участь—запрещеніе, а издатель трехъ послѣднихъ, Иванъ, раззорился на столько, что нынѣ живетъ жалованьемъ, правда, очень хорошимъ, по званію директора банка. Что придавало газетамъ Аксаковыхъ особенное значеніе, это смѣлость, съ какою онѣ судили о дѣлахъ, въ которыхъ замѣшаны сильные міра сего. Такъ въ 1866 году главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ значительная часть акцій принадлежитъ членамъ царской фамиліи и графамъ Строганову и Баранову, получило въ даръ николаевскую желѣзную дорогу, предпочтительно передъ богатою компаніею московскихъ купцовъ, которые предлагали за нее деньги. Аксаковъ возсталъ, хорошо зная притомъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Не жалѣлъ онъ и русскаго общества пароходства и торговли, гдѣ также акціонерами состоятъ люди очень важные; не стѣснялся говорить, что русскій царь не только покровитель, а и сынъ православной церкви. Это-то гражданское мужество, возмутительное для петербургской бюрократіи, и было причиной его неудачъ. Теперь отъ времени до времени онъ высказываетъ его въ

рѣчахъ передъ московскимъ славянскимъ комитетомъ, гдѣ предсѣдательствуетъ; но эти рѣчи не пользуются уже такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ газетныя статьи. Одна изъ нихъ была запрещена въ 1877 году, т. е. ея не позволяли воспроизводить въ газетахъ; а за другую, произнесенную въ 1878 г., во время берлинскаго конгресса, Аксаковъ былъ сосланъ въ деревню.

Изъ другихъ московскихъ ежедневныхъ журналовъ можно упомянуть Русскія Вѣдомости и Современныя Извѣстія, оба принадлежащіе къ дешевой прессѣ, но редактируемые недурно, особенно первый. Что же касается до провинціальной печати, то она, какъ подцензурная, не отличается ни интересомъ содержанія, ни даровитостью изложенія, а потому имѣетъ самый ограниченный кругъ читателей. Наибольшимъ распространеніемъ пользуются, повидимому, Одесскій и Тифлисскій Вѣстники, изъ которыхъ послѣдній есть органъ закавказскихъ Армянъ и отличается нѣкоторою, весьма конечно слабою, независимостью, такъ что позволяетъ себѣ указывать на кое-какіе непорядки изъ массы совершающихся на Кавказѣ. Была основана въ Казани очень недурная Камско Волжская Газета, но она подверглась запрещенію, и притомъ такимъ недостойнымъ образомъ, что ея не закрыли прямо, а приказали посылать на цен-

зуру за 800 верстъ, въ Москву! То же случилось съ одною газетою въ Ростовѣ-на-Дону. —Въ Сибири при Муравьевѣ былъ основанъ Амуръ, редакцію котораго либеральный генералъ-губернаторъ ввѣрилъ одному изъ петрашевцевъ, Спѣшневу; но такъ-какъ либерализмъ есть понятіе относительное, то за пустотою содержанія газета нашла очень мало читателей и вскорѣ прекратилась. Позднѣйшая же иркутская газета Сибирь хотя продолжаетъ существовать, но также не отличается большимъ интересомъ. Туркестанъ былъ счастливѣе: тамошнія Вѣдомости очень богаты дѣльнымъ содержаніемъ, но не публицистическаго, а научнаго характера, такъ что ихъ лучше бы издавать ежемѣсячнымм брошюрами. О политическомъ, экономическомъ и соціальномъ положеніи края онѣ либо молчатъ, либо даютъ извѣстія, что все обстоитъ благополучно, хотя бы при этомъ происходили возмущенія, въ родѣ ходжентскаго, или войскамъ отпускались червивые сухари, какъ было передъ хивинскимъ походомъ. Чаще всего, конечно, статьи, начинающіяся словами: "его высокопревосходительство, господинъ туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ К. П. фонъ Кауфманъ I, изволилъ„... и пр., какъ то и естественно, ибо газета издается на казенныя деньги, а генералъ Кауфманъ на столько тщеславенъ, что насмѣшни-

ки давно уже совѣтовали завести для него слона и музыку, чтобы онъ могъ, на подобіе вицекороля Индіи, выѣзжать изъ своего дома съ надлежащею торжественностью. Теперь же ему приходится ограничиваться коляскою и конвоемъ изъ сотни казаковъ, да въ дни своихъ пріѣздовъ изъ Петербурга быть встрѣчаемымъ пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ, что не представляетъ достаточно выдающагося явленія, чтобы мѣстная газета могла краснорѣчиво восторгаться... Этотъ элементъ раболѣпства, хорошо подмѣченный еще Гоголемъ въ провинціяльныхъ газетахъ, необходимо подразумѣвать и не въ однѣхъ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ: онъ широкою струею проходитъ по водянистому содержанію всѣхъ оффиціальныхъ изданій варшавскихъ, виленскихъ, кіевскихъ, одесскихъ, тифлисскихъ и пр., такъ что историки и статистики должны пользоваться этими изданіями съ большимъ разборомъ. О собственно же губернскихъ вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при каждомъ губернскомъ правленіи, нечего и говорить: это—литература оберточная.

Было время, когда по затруднительности почтовыхъ сообщеній, отсутствіи телеграфовъ и меньшей оживленности самаго народнаго быта во всей Европѣ имѣли значительное распространеніе журналы еженедѣльные, нѣчто среднее между газетою и ежемѣсячнымъ обо-

зрѣніемъ. Въ большей части Россіи названныя условія существуютъ и доселѣ, а потому естественно, что нетолько чисто провинціальныя изданія, какъ Сибирь и Туркестанскія Вѣдомости, но и нѣкоторыя изъ столичныхъ приняли тотъ же срокъ для выхода въ свѣтъ. Изъ такихъ еженедѣльныхъ газетъ-журналовъ мы назовемъ здѣсь Экономическій Указатель—Вернадскаго, Вѣкъ—Вейнберга, Современную Лѣтопись—Каткова,—всѣ три прекратившіяся, и Недѣлю и Гражданина—существующія доселѣ (1878). Эти послѣдніе суть представители двухъ враждебныхъ лагерей, либеральнаго и консервативнаго, при чемъ Гражданинъ, издаваемый княземъ Мещерскимъ, прославился тѣмъ, что первый гласно посовѣтовалъ „поставить къ реформамъ точку.“ Но слава его на этомъ и остановилась, потому что затѣмъ уже не было ему пощады отъ либеральной прессы, да и отъ публики, такъ что вѣроятно онъ существуетъ въ убытокъ издателю. Недѣля, органъ умѣренныхъ либераловъ-доктринеровъ, также не пользуется большою извѣстностью, а въ той средѣ, гдѣ еженедѣльныя изданія могли бы быть особенно полезны, именно въ чисто-научной, русская публика привыкла ограничиваться ежемѣсячными изданіями, въ родѣ „Знанія“ — журнала съ одной стороны радикальнаго, а съ другой наклоннаго къ метафизикѣ и вообще къ от-

влеченностямъ. Къ еженедѣльнымъ изданіямъ принадлежатъ еще нѣкоторыя Иллюстраціи, въ которыхъ, разумѣется, главное дѣло не текстъ, а картинки.

Во всей современной европейской журналистикѣ видное мѣсто занимаютъ газеты сатирическія и каррикатурныя. Онѣ осмѣиваютъ открыто, наглядно, въ немногихъ словахъ, немногими штрихами и часто съ большимъ талантомъ тѣ явленія политической и общественной жизни, которыя заслуживаютъ того, а потому нерѣдко пользуются сильнымъ вліяніемъ на умы. Таковы напр. Kladderadatch, Punch, Floh, Charivari и пр. Въ Россіи сатирическіе журналы также появились, когда то стало возможнымъ, т. е. послѣ 1855 года; но только одна Искра составила себѣ извѣстность, и то не надолго. Она довольно смѣло преслѣдовала пороки и смѣшныя стороны разныхъ знаменитостей, въ родѣ графа Панина, Муравьева-вѣшателя, Сухозанета-Сезостриса и разныхъ финансовыхъ тузовъ, въ родѣ Бенардаки, Воронина и пр. Однажды въ ней было напечатано даже такое объявленіе, что „требуется врачъ для излеченія мужа отъ пьянства, жены отъ ханженства, а матери отъ мотовства; на Адмиралтейской площади, въ углу на лѣво,“ что прямо указывало на Зимній дворецъ и его хозяевъ. Министра Муравьева, прославившагося словами: „я не изъ тѣхъ

Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ (намекъ на декабристовъ), а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ,“ Искра такъ и изобразила, переодѣвъ только изъ военнаго платья въ штатское и замѣнивъ глаголъ вѣшать глаголомъ бить. Надменный Панинъ былъ выставленъ на посмѣяніе, какъ ярмарочный великанъ, котораго развозятъ по Европѣ на показъ въ балаганахъ, что имѣло основаніемъ дѣйствительный случай съ графомъ въ Германіи, гдѣ одинъ русскій путешественникъ отомстилъ ему, за невѣжливость, распущеніемъ въ желѣзно-дорожномъ поѣздѣ слуха, что въ вагонѣ перваго класса везутъ на ярмарку въ Лейпцигъ великана необыкновенной длины. Сухозанетъ былъ осмѣянъ за безграмотность; разные другіе генералы, губернаторы, полиціймейстеры, исправники поджаривались на вертелѣ насмѣшки цѣлыми сотнями. Но этой литературной и художественной свободѣ былъ положенъ предѣлъ, когда реакція стала поднимать голову и наконецъ сдѣлалась всемогущею. Искра объявила, что помѣщеніе каррикатуръ становится невозможнымъ, и скоро за тѣмъ перестала выходить въ свѣтъ. Ни Будильникъ, ни Маляръ, ни другіе случайно возникавшіе каррикатурные журналы уже не пользовалися и тѣнью ея успѣха.

Остановимся теперь на нѣсколько времени, чтобы сдѣлать общій взглядъ на русскую жур-

налистику и на ея отношенія къ государству и обществу. Первое, что бросается въ глаза при такомъ обзорѣ, это, конечно, увеличеніе числа журналовъ, а слѣдовательно и читателей, потому что журналы существуютъ только благодаря подписчикамъ, чѣмъ и отличаются отъ книгъ, которыя могутъ появляться независимо отъ вкусовъ публики. Если мы сравнимъ въ этомъ смыслѣ годы 1855 и хотя 1875, когда выходило въ Россіи 427 періодическихъ изданій, то увидимъ разницу очень утѣшительную для нашего времени, такъ какъ число журналовъ увеличилось за двадцать лѣтъ по крайней мѣрѣ вчетверо. И эта пропорція имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что самое число отдѣльныхъ экземпляровъ каждаго изданія также возросло. Никогда напр. Сѣверная Пчела николаевскаго времени не выходила въ 15—20.000 экземплярахъ, какъ выходятъ теперь Голосъ, Новое Время и др. Конечно, и нынѣ Россія по отношенію къ журналистикѣ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ спискѣ европейскихъ націй, оставляя ниже себя лишь Турцію и Румынію; но все же прогрессъ въ двадцать лѣтъ сдѣланъ значительный. При этомъ самое содержаніе русскихъ періодическихъ изданій очень улучшилось по сравненію съ прежними, особенно конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Поэтому справедливо воздать хвалу обществу,

которое вызвало и поддержало массу произведеній ума, а также и публицистамъ, умѣвшимъ угадывать его потребности и вкусы. Къ сожалѣнію перенятая у наполеоновской Франціи, система цензурныхъ предостереженій и другихъ полицейскихъ каръ много препятствовала развитію журналистики, особенно въ управленіе дѣлами печати ех-либерала Лонгинова. *) Впрочемъ въ послѣднее время, съ 1875 г., цензура стала снисходительнѣе по крайней мѣрѣ къ ежемѣсячнымъ изданіямъ; она также не сожигаетъ на кострѣ отдѣльныхъ книгъ, какъ было при Лонгиновѣ и Шидловскомъ; даже болѣе: главный начальникъ ея, оріенталистъ и бывшій литературный сыщикъ, Григорьевъ, увѣряетъ знакомыхъ, что „въ книгахъ и толстыхъ журналахъ можно говорить все, лишь бы въ предѣлахъ приличія, что полицейскій терроръ сохраняется лишь для ежедневныхъ изданій, съ которыми иначе нельзя было бы справляться.“ Въ теченіе войны 1877—78 г., когда правительство нуждалось въ поддержкѣ журналистики, даже этимъ опальнымъ изданіямъ была оказываема снисходительность, а въ концѣ

*) Этотъ Лонгиновъ былъ долго въ числѣ «недовольныхъ»; Моск. Вѣд. за его статьи уплатили нѣсколько штрафовъ. Валуевъ понялъ его, назначилъ губернаторомъ въ Орелъ, послѣ чего, сдѣлавшись, при Тимашевѣ, нач—мъ гл. упр. ценз., онъ сталъ отъявленнымъ и желчнымъ ретроградомъ.

1878 онѣ всемилостивѣйше пожалованы отпущеніемъ имъ всѣхъ министерскихъ предостереженій. Но всѣ эти льготы и милости представляются личными, временными, случайными, произвольными, и потому должно сказать, что самыя привиллегированныя русскія періодическія изданія находятся въ условіяхъ скорѣе крѣпостнаго права, чѣмъ гражданской свободы. Разрѣшенія издавать новые журналы получаются трудно, а какія и даются, то большею частію подъ условіемъ предварительной цензуры, что ясно показываетъ, что правительство непрочь бы прямо вернуться къ николаевскимъ порядкамъ. И до чего эта цензурная реакція доходитъ, видно изъ того, что даже Модныя Выкройки должны проходить чрезъ цензуру, точно будто мы живемъ въ тѣ „незабвенныя“ времена, когда презрѣнный Елагинъ подписывалъ на транспарантахъ: „печатать позволяется.“

Эти немногія слова показываютъ, какъ къ журналистикѣ относятся общество и правительство; обернемъ же теперь медаль и посмотримъ, что дала обоимъ журналистика. Государству прямо и непосредственно срочная печать служила по великому дѣлу освобожденія крестьянъ и по вопросамъ объ уничтоженіи откуповъ, о народномъ образованіи, о налогахъ, объ устройствѣ военныхъ силъ и т. д. Можно даже сказать, что ни одинъ важный

законодательный актъ не остался безъ отзывовъ періодической печати, и если нерѣдко они являлись слишкомъ поздно, то лишь потому, что ревнивая къ своимъ привиллегіямъ бюрократія тщательно хранила тайну многихъ изготовлявшихся законовъ, такъ что журналистикѣ приходилось ограничиваться однимъ разборомъ изданнаго постановленія, а не своевременнымъ указаніемъ на то, какой законъ былъ бы въ данномъ случаѣ наилучшимъ. Не вина, стало быть, печати, если многіе изъ вышедшихъ въ 23 года законовъ не удовлетворяютъ ни здраваго смысла, ни практической потребности времени.—Но если органамъ общественнаго мнѣнія не удалось доселѣ внушить къ себѣ столько довѣрія, чтобы правительство при отсутствіи представительныхъ учрежденій, призывало хоть ихъ къ предварительному обсужденію предпринимаемыхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ; то предъ лицомъ русскаго образованнаго общества, даже всего русскаго народа, заслуги срочной печати очень велики. И хотя постыдное служеніе реакціи со стороны такихъ умныхъ органовъ, какъ Московскія Вѣдомости, или продажная услужливость сильнымъ міра со стороны Голоса, Биржевыхъ Вѣдомостей и т. п., марающъ отдѣльныя редакціи; но въ общемъ мы все-таки должны сказать, что журналистика оказала Россіи важныя услуги. Это ей современное

поколѣніе обязано упроченіемъ въ умахъ тѣхъ симпатій къ свободѣ и равенству политическому и соціальному, которыя высказались напр. въ единодушныхъ желаніяхъ земства ввести общіе для всѣхъ сословій налоги и не возстановлять въ томъ или другомъ видѣ власти помѣщиковъ надъ крестьянами; это она положила основаніе пониманію національныхъ политическихъ интересовъ Россіи, хотя бы на первое время, по нѣкоторымъ вопросамъ, односторонне; это она заставила самихъ бюрократовъ оглядываться по сторонамъ прежде, чѣмъ проводить въ жизнь придумываемые въ канцеляріяхъ законы; это она стояла на стражѣ экономическихъ интересовъ націи, когда ихъ нарушали разные привиллегированные злодѣи въ мундирахъ и фракахъ, съ пейсами или съ проборомъ à la Jésus, нѣмцы и земцы; это она подняла горячіе упреки противу безсовѣстности адвокатовъ, свирѣпостей полиціи и бездушія классиковъ-педагоговъ. Невездѣ она успѣла въ своихъ благородныхъ начинаніяхъ; но новымъ поколѣніямъ, благодаря подготовленной ею почвѣ, будетъ уже легче бороться съ общественными недугами, чѣмъ было людямъ нынѣ дѣйствующимъ или сходящимъ со сцены. Помянемъ же ее добромъ, и если голосъ правды заставлялъ насъ быть строгими въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ изданій, то скажемъ, что и эти порицаемыя изданія, въ об-

щемъ выводѣ, заслуживаютъ памяти, потому что, такъ или иначе, послужили если не истинѣ, то пробужденію общественнаго сознанія, столь слабаго въ Россіи четверть вѣка тому назадъ. Повторимъ же, поэтому, стихи великаго поэта:

Дай богъ поболѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.

И пусть черезъ новые четверть вѣка въ Россіи одно срочное изданіе будетъ приходиться не на 196.000 человѣкъ какъ нынѣ, а хоть на 19.600, какъ въ романской и германской Европѣ нашего времени.

Словесность художественная.

Волшебной силой вдохновенья,
Какъ будто силою боговъ,
Поэтъ ведетъ то въ царство тлѣнья,
То въ міръ эфирный облаковъ,
И возвышаетъ наши чувства
Святыми звуками искусства.

Шиллеръ.

Теперь передъ нами новый отдѣлъ литературы, художественный. Ни одного писателя-художника съ такимъ геніемъ, какъ Пушкинъ или Лермонтовъ, Россія не имѣла со времени кончины послѣдняго; но много литературно-изящныхъ произведеній высокаго достоинства появилось съ 1855 года, чтобы доставить обществу наслажденіе и послужить его нравственному и эстетическому развитію. Имена графа Л. Толстаго, Тургенева, Салтыкова, Мельникова, Достоевскаго, С. Аксакова, графа А. Толстаго, А. Майкова, Некрасова, Гончарова, Писемскаго, Островскаго, А. Потѣхина, найдутъ себѣ всегда видное мѣсто на страницахъ исторіи русской словесности. И если ни одинъ изъ этихъ писателей не имѣлъ

такого могущественнаго вліянія на направленіе умовъ современниковъ, какъ Лермонтовъ и Герценъ, то причина кроется не только въ силѣ дарованій самихъ писателей, но и въ требованіи новаго общества, чтобы въ основѣ художественнаго произведенія была философская мысль, что дается только художникамъ съ перворазряднымъ умственнымъ развитіемъ, людямъ, воплощающимъ всѣ знанія и стремленія своей эпохи, какъ Гёте, Вольтеръ и т. п. Въ наше же время раздѣленія труда, даже въ сферѣ чисто духовной, такая многосторонность, а слѣд. и всеобъемлемость вліянія на современниковъ, почти невозможна, что удостовѣряютъ и литературы Запада.

Около названныхъ сейчасъ перворазрядныхъ писателей нашего времени стоитъ еще многочисленная группа талантовъ второстепенныхъ, но честно служившихъ цѣлямъ, которыя должна преслѣдовать всякая гуманно направленная словесность. Рядъ ихъ великъ, и мы можемъ назвать лишь наиболѣе нравившихся своему поколѣнію, при чемъ естественно на первомъ планѣ будетъ стоять группа реалистовъ, ознакомившихъ русское общество съ бытомъ народныхъ массъ: Н. и Г. Успенскихъ, Левитова, Лейкина, Рѣшетникова, Помяловскаго, Потанина, Никитиныхъ, Кущевскаго и др. Но съ строго художественной точки зрѣнія не имъ принадлежатъ первыя мѣста въ массѣ

второстепенныхъ русскихъ писателей нашего времени, а скорѣе группѣ художниковъ, продолжавшихъ прежнюю „дворянскую“ литературу, изъ числа которыхъ мы назовемъ, въ алфавитномъ порядкѣ, Авдѣева, Ахшарумова, Бобарыкина, Голохвастову, Григоровича, Данилевскаго, Жадовскую, Каразина, Маркова, Михайлова, Минаева, Мея, Кохановскую, Курочкина, Клюшникова, Марко-Вовчка, Полонскаго, Н. Потѣхина, Плещеева, Сальяса, Соллогуба, Тютчева, Фета, Хвощинскую, Шевченко, Щербину. Уваженіе къ даровитости произведеній не позволитъ намъ пройдти мимо даже такихъ печальныхъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ личностей, какъ сыщики Лѣсковъ и Крестовскій и взяточникъ Маркевичъ. Хорошо понимая, какъ на поэтовъ дѣйствуетъ среда, въ которой они родились, воспитались и дѣйствовали, мы приведемъ и нѣкоторыя біографическія подробности о нихъ, чтобы видно было, кто же были эти люди, и при какихъ условіяхъ создавали они свои произведенія, долженствующія характеризовать современное намъ русское общество передъ иностранцами и потомствомъ.

Графъ Л. Н. Толстой, по справедливости, долженъ стать на первомъ мѣстѣ въ этомъ обзорѣ современныхъ русскихъ писателей, какъ великій художникъ и глубоко симпатическая натура. Онъ дѣтство свое провелъ въ туль-

ской деревнѣ и въ Москвѣ, юность въ рядахъ боевыхъ товарищей на Кавказѣ и въ Севастополѣ, а зрѣлый возрастъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, отъ высшихъ аристократическихъ круговъ Петербурга и Москвы до общества крестьянскихъ ребятишекъ въ Ясной Полянѣ, которыхъ онъ пріучалъ любить знаніе и Россію. Это сдѣлало изъ него одного изъ лучшихъ представителей современнаго чисто русскаго поколѣнія, что и отражается въ его сочиненіяхъ, которыя всѣ изображаютъ вполнѣ русскую жизнь. Мало того; въ большей части случаевъ это жизнь дворянская, отчасти намъ современная, отчасти принадлежащая началу нашего вѣка. Наконецъ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ графъ выводитъ на сцену или себя, или близкихъ родныхъ и знакомыхъ, которыхъ онъ изучилъ въ совершенствѣ. Это даетъ ему возможность достигать такой правдивости изображеній, которая невозможна при созданіи лицъ отвлеченныхъ. Какъ художникъ и вмѣстѣ психологъ, онъ съ необыкновенною ясностью представляетъ всѣ внутреннія побужденія, которыми опредѣляется дѣятельность людей, и въ этомъ смыслѣ не имѣетъ себѣ соперниковъ во всей русской литературѣ, современной и прошлой. Кого бы ни изображалъ онъ: казачку или свѣтскую даму, отставнаго екатерининскаго вельможу или современнаго юношу, старушку барыню

или ея любимицу горничную, онъ такъ сживается съ ними, что чувствуетъ, мыслитъ и говоритъ совершенно такъ, какъ они могли бы дѣйствительно говорить, мыслить и чувствовать. Самыя затаенныя движенія сердца и ума не ускользаютъ отъ его наблюдательности, анализируются имъ съ эпическимъ спокойствіемъ и высказываются съ такою искренностью и ясностью, что читатель какъ бы переживаетъ событія своей личной внутренней жизни, и притомъ часто такія событія, которыхъ память онъ хранилъ для одного себя. Въ этомъ источникъ очарованія твореній Л. Н. Толстаго, твореній, которыя не потеряютъ своей прелести до отдаленнѣйшаго потомства, потому что не имѣютъ ничего тенденціознаго, подтасованнаго, натянутаго, невѣрнаго человѣческой природѣ во всякую эпоху ея развитія. Такіе разсказы, какъ Дѣтство и Отрочество, Севастополь, Казаки, Семейное Счастье, всегда сохранятъ способность оживлять самую усталую, мрачную душу, подобно поэтическимъ созданіямъ Шиллера; такіе романы, какъ Война и Миръ и Анна Каренина, будутъ надолго лучшими изображеніями жизни высшаго русскаго общества въ двѣ эпохи, отдаленныя одна отъ другой слишкомъ полустолѣтіемъ.

Но кромѣ этой чисто художественной дѣятельности гр. Л. Толстой посвящалъ себя еще

иной, практической, и отличающейся опять-таки самыми симпатическими чертами. Выйдя въ отставку изъ военной службы, во время которой написалъ, между прочимъ, и знаменитую „крымскую пѣсню“, онъ отдался на нѣсколько лѣтъ воспитанію крестьянскихъ дѣтей въ своей деревнѣ, Ясной-Полянѣ. Опытъ его, совершенно своеобразный въ мірѣ педагогіи, найденъ былъ слишкомъ расходящимся съ общепринятыми педагогическими теоріями и потому прекращенъ; но во всѣхъ, кто въ гуманномъ обращеніи съ дѣтьми видитъ единственный залогъ развитія въ нихъ добраго, честнаго сердца и свободнаго ума, этотъ опытъ не могъ не возбудить глубокаго сочувствія. Отъ того возникла цѣлая полемическая литература журнальныхъ статей *pro* и *contra* системы графа Толстаго, литература кое-что выяснившая въ туманной области педагогики и, главное, доказавшая еще разъ бездушіе большинства существующихъ теорій образованія умственнаго и нравственнаго. Это уже гражданская заслуга писателя.

Графу Толстому ставятъ въ упрекъ—и не безъосновательно—смутность той философіи, которой онъ отвелъ значительное мѣсто въ концѣ романа Война и Миръ; его укоряютъ также за длинноты въ Аннѣ Карениной; но за всѣмъ тѣмъ это самый любимый писатель въ русскомъ образованномъ обществѣ, и ни въ

комъ онъ не возбуждаетъ негодованія или злобы. Нѣсколько иныя чувства вызываетъ другой большой талантъ нашего времени, Тургеневъ, тоже художникъ и отчасти психологъ, но писатель тенденціозный и притомъ необладающій такимъ талантомъ, чтобы создаваемые имъ образы не носили на себѣ явныхъ признаковъ выдуманности. Его наиболѣе нравившіяся сочиненія, Записки Охотника, относятся еще къ николаевскому времени, и тутъ онъ является во всей привлекательности человѣка гуманнаго, наблюдательнаго и умѣющаго понимать передовыя стремленія вѣка. Но уже въ романѣ Отцы и Дѣти, самомъ знаменитомъ его произведеніи, онъ проявилъ такія несочувственныя черты, которыя сразу оттолкнули отъ него молодое поколѣніе, а въ позднѣйшемъ сочиненіи, Нови, онъ унизился до простаго доноса на молодежь, которой горячую, гуманистическую, хотя невѣрно направленную дѣятельность онъ не съумѣлъ понять, и потому представилъ ее съ точки зрѣнія „умныхъ, честныхъ и благонамѣренныхъ“ жандармовъ, судебныхъ слѣдователей и прокуроровъ. Романъ Отцы и Дѣти, гдѣ Тургеневъ хотѣлъ дать урокъ молодежи за излишнее увлеченіе реализмомъ, намѣренно окрещеннымъ въ *нигилизмъ*, и, для контраста, похвалить при этомъ „благородныя“ личности предыдущаго поколѣнія, справедливо вызвалъ замѣчаніе Герцена,

что „Тургеневъ хотѣлъ тутъ посѣчь дѣтей, но, незамѣтно для себя, выпоролъ отцовъ". Базаровъ, какъ и другой созданный Тургеневымъ образъ, Рудинъ, конечно представляетъ многія слабости русскихъ молодыхъ людей 1850-хъ и 1860-хъ годовъ; но они далеко не исчерпываютъ всего содержанія этихъ натуръ, вѣроятно потому, что авторъ въ это время уже не принадлежалъ къ молодежи и не понималъ всѣхъ ея стремленій. Конечно, за недостаткомъ въ литературѣ болѣе выработанныхъ и близкихъ къ природѣ типовъ, мы должны признать Базарова и Рудина личностями столь же характеристическими для своего времени, какъ Онѣгинъ и Чацкій для молодежи двадцатыхъ годовъ, Печоринъ—тридцатыхъ и Бельтовъ—сороковыхъ; но яркости красокъ и, главное, точности рисунка, которыя отличаютъ созданія Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Герцена, героямъ Тургенева не достаетъ. Романы же въ родѣ Дыма и Нови представляютъ почти однѣ „дѣланныя" фигуры, въ которыхъ есть лишь отдаленное сходство съ живыми людьми и которыя скорѣе всего можно назвать неудавшимися, безжизненными каррикатурами.

Много говорили въ послѣдніе годы объ упадкѣ таланта Тургенева и, въ большей части случаевъ, этотъ упадокъ приписывали его лѣтамъ. Но независимо отъ этого, вполнѣ спра-

ведливаго объясненія, нужно замѣтить, что самая жизнь даровитаго писателя сложилась такъ, что онъ мало-по-малу долженъ былъ стать чуждымъ не только русскимъ молодымъ поколѣніямъ, но и вообще Россіи. Рожденный и воспитанный въ дворянскомъ кругу, онъ лишь короткое время былъ на государственной службѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ большую часть жизни провелъ въ средѣ помѣщиковъ, а послѣ коренныхъ преобразованій деревенскаго быта въ 1861 году почти постоянно проводилъ время за границею, въ Парижѣ. Поэтому онъ мало знаетъ кругъ чиновничій, еще меньше купеческій и мѣщанскій, а обитателей деревень, помѣщиковъ, ихъ дворовыхъ, крестьянъ и отчасти сельское духовенство, помнитъ больше въ ихъ дореформенномъ видѣ. Новые русскіе люди, столичные и провинціальные, мало извѣстны ему, и даже когда онъ приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, то не можетъ уловить ихъ истинныхъ свойствъ, потому что съ нимъ, какъ съ „авторитетомъ“, немало о себѣ думающимъ, никто не хочетъ быть искреннимъ. Будущему историку русскаго общества изученіе произведеній Тургенева будетъ, конечно, необходимо; но онъ долженъ не забывать, что общественный слой, въ которомъ производились его наблюденія, не великъ, а отчужденность отъ Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ и именно тѣхъ, въ

которые она перерождалась, отнимаетъ у позднѣйшихъ его наблюденій характеръ достовѣрности.

Третій передовой талантъ нашего времени, быть можетъ самый вліятельный и для многихъ самый любимый, есть Салтыковъ, русскій Рабле и Свифтъ, продолжатель Гоголя и притомъ болѣе его твердый въ убѣжденіяхъ и болѣе богатый опытомъ жизни. Сосланный въ молодости за либеральныя склонности въ Вятку, городъ не дворянскій, а исключительно чиновничій и купеческій, онъ уже въ то время отлично изучилъ провинціальный бюрократическій и торговый міръ, и ударилъ по немъ всѣмъ могуществомъ своего сатирическаго бича въ „Губернскихъ Очеркахъ“, напечатанныхъ имъ въ 1856 году, вскорѣ по возвращеніи изъ ссылки. Затѣмъ на нѣкоторое время его отвлекла отъ литературы служба въ лучшее время либеральнаго движенія въ нашей администраціи; но, побывъ вице-губернаторомъ въ Твери и Рязани, онъ увидѣлъ, что не съ его воспріимчивымъ, отчасти желчнымъ, характеромъ приносить пользу тамъ, гдѣ издавна господствуетъ подъяческая рутина, и потому перебрался въ Петербургъ и сдѣлался тамъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“. Въ столицѣ, разумѣется, для наблюденій его открылся болѣе широкій кругъ, и его язвительныя насмѣшки стали мало-по-

малу касаться самыхъ высшихъ сферъ русскаго общества, не исключая людей, въ своемъ родѣ „Единственныхъ“. Въ бичеваніи русской бюрократіи онъ безпощаденъ; онъ ненавидитъ ее всѣми силами души и преслѣдуетъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, отъ министерствъ до земскихъ судовъ, отъ становыхъ приставовъ до III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, осмѣяннаго имъ подъ именемъ „департамента воздаяній“. Не менѣе ненавистны ему и всѣ люди, эксплуатирующіе народный трудъ, всѣ паразиты, отъ аристократической барыни, проживающей доходы съ русскихъ крестьянъ въ Парижѣ, до деревенской помѣщицы, скупающей земли, чтобы онѣ не доставались въ собственность пахарямъ, отъ уѣзднаго кулака-мѣщанина до крупнаго петербургскаго мошенника-концессіонера, отъ хлыща-студента изъ лицея или училища правовѣдѣнія, кутящаго на родительскія деньги, до адвоката, удивляющаго роскошью на деньги, безсовѣстно выжатыя изъ кліентовъ. Всѣ сочиненія Салтыкова представляютъ отдѣльные очерки, не связанные какою-нибудь общею романтическою завязкою; но въ сущности ихъ слѣдуетъ назвать главами одной большой книги, которую бы можно озаглавить: “Изнанка русскаго общества“, если бы въ ней не шла часто рѣчь о самой лицевой его сторонѣ. Сатиры въ прозѣ, Признаки Времени,

Невинные Разсказы, Благонамѣренныя Рѣчи, Господа Ташкентцы, Господа Молчалины,— все это одна галлерея портретовъ русскихъ людей нашего времени. Огромною популярностью пользуется также Исторія Одного Города, гдѣ сдѣланъ опытъ сатиры историчекой, т. е. прогнаны сквозь строй главные дѣятели русской исторіи съ половины XVIII вѣка до нашихъ дней и даже осмѣяно первоначальное образованіе русскаго государства черезъ избраніе князя „самаго что-ни-на-есть глупаго, но умѣвшаго обложить подданныхъ многими данями". Этотъ анти-монархическій характеръ сказывается и въ другихъ сочиненіяхъ Салтыкова и, въ связи съ его соціалистическими симпатіями, сдѣлалъ изъ него любимаго писателя молодежи. Отечественныя Записки всегда разрѣзываются прежде всего на тѣхъ страницахъ, гдѣ напечатаны очерки Щедрина—псевдонима, усвоеннаго Салтыковымъ съ самаго начала его литературнаго поприща. — Единственный упрекъ, который можно сдѣлать знаменитому сатирику, это торопливость его работъ, отзывающаяся часто на самомъ ихъ достоинствѣ. Она-то служитъ причиною несоразмѣрности частей въ нѣкоторыхъ очеркахъ и неизбѣжнаго многословія всякій разъ, когда въ головѣ самаго автора идеи и художественные образы, имъ предположенные къ развитію, не успѣвали

вполнѣ выясниться. Впрочемъ доля многословія является и вслѣдствіе того, что нужно бываетъ маскировать слишкомъ рѣзкія нападки на кого-либо изъ сильныхъ міра сего и для того прибѣгать къ околичностямъ.

Салтыкова, по справедливости, можно поставить во главѣ писателей *обличительной* школы, которая одно время, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, была господствующею въ Россіи. Этой литературѣ русское общество обязано важными услугами, потому что она заставила многихъ представителей старыхъ порядковъ оглянуться по сторонамъ, убѣдиться въ своей неумѣстности среди возникавшаго новаго строя и уйдти со сцены; тѣхъ же, которые думали сопротивляться, она предавала жестокому осужденію и насмѣшкамъ, не слишкомъ стѣсняясь лицами. Мы уже упоминали, какъ на этомъ поприщѣ отличалась „Искра.“ Конечно, это былъ журналъ существенно сатирическій и даже каррикатурный; но и всѣ другіе — Отеч. Записки, Современникъ, даже Русскій Вѣстникъ — не жалѣли ѣдкихъ стрѣлъ на пораженіе отживавшихъ типовъ николаевскихъ чиновниковъ-взяточниковъ, помѣщиковъ-крѣпостниковъ, генераловъ-фрунтовиковъ, полиціймейстеровъ-держиморднъ и пр. Въ числѣ обличителей одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ и Мельниковъ. Онъ не затруднялся осмѣивать самые законы, напр.

уголовные, когда они карали крестьянина, за вину, лишеніемъ такихъ „правъ,“ какъ быть старостою, опекуномъ и т. п., которыя давно считаются у народа тяжкими обязанностями. Вѣроятно опасаясь мести со стороны властей, онъ выступилъ на литературное поприще подъ псевдонимомъ Печерскаго, который сохранилъ и доселѣ. Псевдонимъ этотъ ему присвоилъ Даль, отличный знатокъ русскаго быта и языка, извѣстный въ литературѣ николаевскаго періода подъ именемъ казака Луганскаго и жившій съ Мельниковымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Быть можетъ, Далю же обязанъ Печерскій тѣмъ, что скоро промѣнялъ поприще обличителя на другое, болѣе спокойное и притомъ совершенно соотвѣтствующее его таланту. Въ нижегородской губерніи, особенно въ Заволжьѣ, живетъ, какъ извѣстно, множество старовѣровъ. Мельниковъ отлично изучилъ бытъ, понятія и наклонности этихъ людей, остатковъ допетровской Руси, и изобразилъ ихъ съ неподражаемымъ искусствомъ въ своемъ романѣ „Въ Лѣсахъ“ и въ превосходной повѣсти „Гриша.“ Нижегородская же ярмарка познакомила его съ приволжскимъ и московскимъ купечествомъ, котораго бытъ обрисовывается въ романѣ „На Горахъ,“ а помѣщичьи села въ Приволжьѣ дали ему случай близко узнать барскую жизнь XVIII вѣка, которая служитъ предметомъ „Бабушкиныхъ

Розсказней", „Старыхъ Годовъ" и пр.,—все разсказовъ крайне увлекательныхъ. Что придаетъ особенную прелесть сочиненіямъ Мельникова, это его языкъ, совершенно русскій по составу и складу рѣчи: въ этомъ отношеніи онъ стоитъ впереди всѣхъ русскихъ писателей нашего времени. Даромъ же живаго спокойно-художественнаго изображенія описываемыхъ имъ лицъ, предметовъ и событій онъ нѣсколько приближается къ гр. Л. Толстому, отличаясь отъ него только примѣсью легкой ироніи, которая совершенно чужда автору „Дѣтства и Отрочества". Къ сожалѣнію, въ біографіи Мельникова есть черты, отталкивающія отъ него всякаго, кто знакомъ съ ними. Его поведеніе съ старовѣрами и съ Чернышевскимъ, относительно которыхъ онъ поступалъ, какъ дюжинный полицейскій чиновникъ, сильно уронило его, если не какъ писателя, то какъ человѣка.

Изображеніемъ крестьянскаго быта, и притомъ нетолько внѣшнихъ обычаевъ, но и самаго внутренняго содержанія крестьянской жизни, снискалъ себѣ громкую и заслуженную извѣстность А. Потѣхинъ, котораго повѣсти: „Хай—Дѣвка", „Хворая", „На Міру", и романъ „Около Денегъ" принадлежатъ къ лучшимъ литературнымъ явленіямъ семидесятыхъ годовъ. Особенно важно въ нихъ то, что авторъ не задается какими-нибудь пред-

взятыми идеями, напримѣръ ложно-гуманистическими или презрительно-покровительственными. Это сообщаетъ его сочиненіямъ характеръ эпическій, не лишая драматизма тѣхъ сценъ, гдѣ крестьяне являются людьми съ такими же чувствами и страстями, какъ образованный классъ, быть можетъ даже съ еще болѣе искренними и глубокими.

Изученіе жизни крестьянъ писателями натуральной школы началось впрочемъ значительно раньше Потѣхина, и тутъ нельзя не предоставить виднаго мѣста Григоровичу, котораго повѣсти Антонъ-Горемыка и Рыбаки были отрадными явленіями въ мрачную эпоху послѣднихъ годовъ царствованія Николая, а романъ Переселенцы вышелъ въ самомъ началѣ новаго времени. Но даровитый писатель этотъ, одно время возбуждавшій къ себѣ непріязнь III Отдѣленія, мало-по-малу увлекся въ другую сферу, „исправился“ въ своихъ симпатіяхъ, и потому современнымъ либеральнымъ поколѣніемъ почти совершенно забытъ. Между тѣмъ для изученія многихъ сторонъ русской жизни за время, въ которое сложились лучшіе дѣятели нашей эпохи, знакомство съ нимъ очень небезполезно и притомъ не лишено удовольствія. Какъ художникъ, Григоровичъ, конечно, стоитъ выше большинства писателей чисто реалистической школы—Помяловскаго, Рѣшетникова, Левитова и пр. У этихъ

послѣднихъ слишкомъ часто слышится горькая, субъективная нота, слѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ испытаній, и потому они производятъ впечатлѣніе нетолько безотрадное, но угнетающее, то-есть вредящее воспріимчивости читателя. Нельзя, конечно, этого ставить въ вину имъ, какъ людямъ, много страдавшимъ; но какъ писателямъ, имъ слѣдовало бы помнить то свойство человѣческой природы, по которому человѣкъ посторонній горю можетъ раздѣлять его лишь по добровольному побужденію, а не тогда, когда его наталкиваютъ на это непрерывнымъ напоминаніемъ разныхъ ужасовъ, вниманіе къ которымъ наконецъ притупляется. Для убѣжденія въ этомъ имъ стоило бы вспомнить судьбу уличныхъ нищихъ, которыхъ назойливо выставляемая на общій позоръ бѣдность перестаетъ трогать проходящихъ. Обстоятельныя изображенія горемычной жизни бѣдняковъ могутъ возбуждать глубокое сочувствіе въ читателѣ, но лишь тогда, когда авторы не налегаютъ на возбужденіе этого сочувствія. Въ этомъ же отношеніи произведенія Потѣхина и Григоровича выше созданій собственно-реалистовъ. И потому не будетъ съ нашей стороны отрицаніемъ заслугъ послѣднихъ, если мы скажемъ, что значеніе ихъ въ исторіи развитія русской изящной словесности было, по необходимости, преходящимъ, и безсмертіе имъ вовсе не суждено.

Будущіе историки русскаго просвѣщенія и русскаго пролетаріата найдутъ въ ихъ трудахъ немалый запасъ данныхъ для своихъ изысканій; но какъ художественными произведеніями, этими трудами заинтересуются очень немногіе.

Но признавая, что писатели собственно-реалистической школы не принадлежатъ къ первостепеннымъ талантамъ въ сферѣ чисто литературной, мы должны признать за ними значительныя общественныя заслуги въ смыслѣ раскрытія многихъ отвратительныхъ сторонъ русской жизни и поддержанія черезъ то въ обществѣ стремленій къ гуманнымъ реформамъ. Когда напр. Помяловскій изобразилъ бурсу съ ея кровожадными, жестокими и ожесточающими порядками, доходившими до того, что иному ученику приходилось за все время курса быть высѣчену до *четырехъ-сотъ разъ*, —то не могло не явиться въ обществѣ желанія положить конецъ этой палочной педагогіи. — Еще болѣе имѣютъ реалисты права на мѣсто въ русской исторіи потому, что открываютъ собою рядъ писателей, которые могутъ быть названы демократическими не только по симпатіямъ, но и по своему происхожденію и общественному положенію. До нихъ русская литература была почти сполна дворянскою и чиновничьею; писатели же плебеи, въ родѣ Ломоносова и Бѣлинскаго, составляли

въ ней исключеніе. Напротивъ, когда Чернышевскій, Добролюбовъ, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Потанинъ, Никитинъ, Успенскіе и др. выступили на литературное поприще, тогда къ нимъ перешла въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководящая роль въ области русской словесности, и самое положеніе писателей не-дворянъ, какъ общественнаго слоя, измѣнилось, улучшилось. Въ сороковыхъ годахъ поэту-мѣщанину Кольцову удалось только пріобрѣсти нѣкоторое покровительственное къ себѣ участіе въ высшихъ слояхъ общества; въ концѣ же шестидесятыхъ писатели подобнаго происхожденія нетолько покровительства не искали, но и такъ высоко стояли въ общественномъ мнѣніи, что за поповичемъ Чернышевскимъ ухаживали люди очень замѣтные въ обществѣ, и даже оффиціальный органъ одного изъ министерствъ, военнаго, гордился тѣмъ, что въ редактированіи его принималъ участіе этотъ *homo novus* на русскомъ Парнасѣ. Страницы большихъ журналовъ охотно стали открываться для произведеній сына ремесленника Рѣшетникова, дьяконскихъ сыновей Левитова и Помяловскаго, казачьяго Потанина, солдатскаго Никитина*) и т. п. Это

*) Этого Никитина, автора превосходнаго очерка «Многострадальные», т. е. кантонисты, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцемъ изъ воронежскихъ мѣщанъ, о которомъ, какъ о поэтѣ, мы упомянемъ ниже.

ясно свидѣтельствуетъ о переворотѣ, совершившемся въ складѣ понятій русскаго общества; а этотъ переворотъ произошелъ, главнымъ образомъ, отъ литературной дѣятельности самихъ реалистовъ.

Наконецъ есть и еще одно обстоятельство въ судьбѣ реалистовъ, которое даетъ имъ замѣтное мѣсто въ исторіи умственнаго развитія Россіи. Многіе изъ нихъ, окрещенные за радикализмъ убѣжденій *нигилистами*, поплатились за эти убѣжденія тягостными столкновеніями съ юстиціею или точнѣе съ полиціею, потому что въ Россіи по вопросамъ политическимъ эти двѣ вещи еще различаются мало. Они же составляютъ звѣно въ той цѣпи, которая связываетъ русскую гласную, т. е. подцензурную, литературу съ негласной или запрещенной, сосредоточенной въ Лондонѣ и Женевѣ. Конечно, лица, участвовавшіе въ заграничныхъ изданіяхъ, были невсегда тѣ самыя, которыя трудились въ Россіи, на страницахъ Современника и Русскаго Слова; но родственность направленій обѣихъ литературъ была такъ велика, что Герценъ готовъ былъ издавать Современникъ въ Лондонѣ, въ случаѣ запрещенія его въ Россіи. О судьбѣ нигилистовъ, перешедшихъ изъ литературной партіи въ политическую, мы упомянемъ въ другомъ мѣстѣ.

Впрочемъ, не всѣ реалисты преслѣдовали

политическія и соціалистическія цѣли. Многіе изъ нихъ ограничивались одною бытовою стороною народной жизни, семейными, свѣтскими и дѣловыми отношеніями. Къ такимъ реалистамъ, и притомъ съ значительнымъ литературнымъ дарованіемъ, принадлежатъ напримѣръ три отличные знатока купеческаго быта: Островскій, Н. Потѣхинъ и Лейкинъ. Первый составилъ себѣ извѣстность въ самомъ концѣ царствованія Николая комедіею „Свои люди —сочтемся“, гдѣ представилъ въ лицахъ, какъ постепенно развращается купецъ, благодаря самой своей профессіи, какъ онъ начинаетъ съ покражи гривенниковъ съ прилавка и кончаетъ тѣмъ, что пускаетъ по міру своего хозяина-благодѣтеля. Послѣ этого въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ онъ усердно продолжалъ трудиться въ томъ же направленіи и всесторонне исчерпалъ купеческій бытъ. Но кромѣ этихъ жанровыхъ комедій, очень любимыхъ на русской сценѣ, онъ писалъ еще „драматическія хроники“ изъ русской исторіи, отчасти даже стихами. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Василиса Мелентьева, гдѣ выведенъ на сцену капризный развратникъ Іоаннъ IV, имѣли успѣхъ; но большинство слабо.—Н. Потѣхинъ остался вѣрнѣе своему призванію осмѣивать купеческіе обычаи и предразсудки, призванію, которое онъ впервые доказалъ полною смѣшныхъ и вѣрныхъ природѣ сценъ книгою „На-

ши Безобразники". Его разсказъ „Нѣмецкій Хвостъ", написанный черезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ Безобразниковъ, доказываетъ, что прогрессъ въ нравахъ провинціальнаго купечества былъ не великъ. Лейкинъ также доставилъ много бойкихъ очерковъ изъ быта купцовъ, мѣщанъ и ямщиковъ Петербурга. Эти разсказы иногда впрочемъ переходятъ въ слишкомъ легкую фельетонную болтовню.

Почти тѣмъ же, что Лейкинъ и Н. Потѣхинъ для купечества, является Краснопольскій для другаго общественнаго слоя, имѣющаго характеръ касты—для духовенства. Его небольшіе разсказы о жизни этого разряда людей и романъ „Велѣно пріискивать", помѣщенные въ Вѣстникѣ Европы, близко ознакомили публику съ тою мелочною и жалкою средою, въ которой у насъ суждено вращаться человѣку, родившемуся въ духовномъ званіи и, такъ или иначе, оставшемуся въ немъ. Эти бойкіе очерки какъ бы служатъ иллюстраціями къ серьезнымъ, научнымъ трудамъ о русскомъ духовенствѣ бывшаго профессора духовной академіи, Ростиславова, изданнымъ какъ за границею, такъ и въ Россіи.

Гораздо шире, чѣмъ у пяти послѣдне-названныхъ писателей, кругъ наблюденій у даровитаго разскащика и романиста Писемскаго. Его разсказы въ родѣ Питерщика и большіе романы въ родѣ Тысячи душъ и Взбаламу-

ченнаго моря читались въ шестидесятыхъ годахъ съ большою охотою, какъ потому что авторъ умѣлъ касаться многихъ интересныхъ явленій современной общественной жизни, такъ и потому, что литературная отдѣлка была довольно художественною. Но мало-по-малу писатель этотъ утратилъ свою популярность вслѣдствіе шаткости своихъ убѣжденій и служенія нѣкоторымъ началамъ, не имѣющимъ особаго права на симпатію. Впрочемъ, за нимъ все таки сохранилось много правъ на уваженіе, которое и было высказываемо ему публично; тогда какъ въ станѣ реалистовъ бывали писатели, которые при несомнѣнной даровитости способны возбуждать одно отвращеніе. Таковъ напр. Крестовскій. Его романъ „Петербургскія Трущобы“ полонъ любопытныхъ подробностей о жизни нисшихъ слоевъ петербургскаго общества: бродягъ, воровъ, развратныхъ женщинъ и т. п. Ему же, Крестовскому, принадлежатъ нѣсколько талантливыхъ разсказовъ, между прочимъ о знаменитомъ воровскомъ дѣлѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ раскрадена была генералъ-адьютантомъ Огаревымъ, тайнымъ совѣтникомъ Вердеревскимъ, полиціймейстеромъ Лаппою-Стринецкимъ и др. казенная соль на большую сумму. Этотъ разсказъ, съ очень прозрачными псевдонимами, можетъ быть признанъ образцомъ русской обличительной литературы 1860-хъ годовъ.

Онъ доставилъ автору процессъ въ сенатѣ отъ одного изъ задѣтыхъ имъ негодяевъ и большую извѣстность въ обществѣ. Но рядомъ съ этою выгодною извѣстностью была Крестовскимъ скоро пріобрѣтена и другая, очень печальная. Оказалось, что онъ умѣлъ соединять съ званіемъ литератора ремесло сыщика и былъ употребляемъ тайною полиціею для розысковъ въ Польшѣ и разныхъ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ новый процессъ, уже не въ сенатѣ, а въ простомъ судѣ, раскрылъ передъ лицомъ свѣта, какъ низко палъ этотъ талантливый человѣкъ. Служа въ армейской кавалеріи, онъ женился на малообразованной, бѣдной женщинѣ, которая стала ему не-подъ-пару, когда его, какъ автора исторіи Ямбургскаго полка, перевели въ гвардію. Рѣшась добиться развода съ женою, онъ устроилъ рядъ гадостей, чтобы имѣть случай обвинить ее въ невѣрности, и былъ уличенъ. Мало того, сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ добивался развода не для чего другаго, какъ чтобы жениться на любовницѣ великаго князя Николая Николаевича, Числовой, которую послѣднему приходилось отъ себя удалить. Негодованіе общества было крайнимъ; но Крестовскій остался на службѣ, сохранилъ къ себѣ особое благоволеніе высокаго покровителя и былъ имъ сдѣланъ редакторомъ газеты, издававшейся при главной квартирѣ дунайской арміи.

Приводимъ эти факты, чтобъ показать, какія уродливыя явленія были въ наше время возможны въ средѣ, которая, по общепринятому мнѣнію, призвана служить только истинѣ, красотѣ и добру, и съ какой стороны при этомъ являлися „поддержкой талантовъ“ правительство и лица такъ-называемаго высокаго происхожденія.—Другой подобный же примѣръ литератора сыщика, притомъ битаго за свое ремесло въ одномъ кабакѣ въ Эстляндіи, представляетъ Лѣсковъ-Стебницкій, авторъ многихъ романовъ (Обойденные, На-ножахъ и пр.), котораго безстыдство дошло до того, что онъ къ полному собранію своихъ сочиненій приложилъ свой портретъ, конечно не для того, чтобы читатели, узнавъ его наружность, старались его избѣгать. — Наконецъ о писателѣ -взяточникѣ, авторѣ романа „Марина изъ Алаго Рога“ и членѣ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, Маркевичѣ, мы уже упомянули выше: этого, кажется, достаточно, чтобы познакомить читателя съ *basse-cour* современной русской литературы, съ которымъ мы теперь и разстанемся.

Довольно близко къ Крестовскому по бойкости таланта и умѣнію живо изображать людей низкаго нравственнаго развитія, безчестныхъ, нахальныхъ и грубыхъ, стоитъ Каразинъ, авторъ занимательнаго романа „На далекихъ окрайнахъ“, гдѣ изображены Таш-

кентъ и вообще Туркестанъ съ его завоевателями-авантюристами, которые окрещены въ русскомъ обществѣ именемъ ташкентцевъ и составляютъ „піонеровъ цивилизаціи“... казачье-подъяческой. Всѣ дѣйствующія лица этого романа суть живыя существа, которымъ авторъ едва перемѣнилъ имена; да и самыя событія не выдуманы, а только подобраны въ нѣкоторой связи, обусловленной интригой романа. Кромѣ этого главнаго своего произведенія Каразинъ написалъ еще и нѣсколько другихъ, также нелишенныхъ таланта и относящихся преимущественно къ Туркестану. Въ нихъ нерѣдко встрѣчаются превосходныя описанія среднеазіятской природы и населенія. —Родственными этимъ степнымъ среднеазіятскимъ картинамъ являются произведенія другаго писателя, Данилевскаго, который въ своемъ романѣ „Бѣглые въ Новороссіи“ далъ живое изображеніе южно-русскихъ равнинъ съ ихъ обширнымъ хуторнымъ хозяйствомъ и случайнымъ, наплывшимъ населеніемъ.— Книга Максимова „Годъ на Сѣверѣ“ могла бы быть, до нѣкоторой степени, причислена къ этой этнографически-художественной литературѣ; но она есть просто записки наблюдателя нашихъ лѣсныхъ сѣверныхъ пустынь, а не произведеніе, въ которомъ участвовалъ вымыселъ. Ея мѣсто въ литературѣ научной.

Отъ писателей, посвящавшихъ свои талан-

ты главнымъ образомъ на изображеніе внѣшнихъ сторонъ и условій народнаго быта, къ авторамъ, которые искали прежде всего раскрытія и изображенія внутренняго человѣка, съ его убѣжденіями, наклонностями и вкусами, превосходный переходъ составляетъ С. Т. Аксаковъ. Не смотря на свой преклонный возрастъ, при началѣ нашего времени, онъ былъ мало извѣстенъ въ русской литературѣ; но когда явились его „Семейная Хроника и Воспоминанія“, тогда онъ нетолько сразу пріобрѣлъ почетное мѣсто въ числѣ лучшихъ писателей, но и возбудилъ справедливое удивленіе къ свѣжести своего старческаго таланта. Тутъ рукою истиннаго художника были изображены съ одной стороны дѣвственная природа приволжья въ концѣ XVIII вѣка и ходъ заселенія новаго края, а съ другой умственное и нравственное развитіе человѣка, который, родившись въ этомъ вѣкѣ, большую часть жизни провелъ въ девятнадцатомъ. Нигдѣ, можетъ быть, кромѣ произведеній Пушкина, нельзя выслѣдить съ такою вѣрностью истинѣ постепеннаго перерожденія русскаго дворянскаго общества изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ временъ Екатерины до двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Съ простодушіемъ и спокойствіемъ Гомера авторъ рисуетъ передъ читателемъ суровые типы помѣщиковъ стараго закала, безвыѣздно жившихъ по дерев-

нямъ, чуждыхъ наукѣ и мало тревожившихся міровыми событіями. А съ другой стороны является женщина съ горячимъ желаніемъ дать внуку этихъ стариковъ, а своему сыну, по возможности многостороннее европейское образованіе, развить въ немъ умъ, честное сердце и гуманность, которая была непонятна какому нибудь свирѣпому Куролесову, ея дядюшкѣ. Затѣмъ этотъ юноша, сынъ двухъ вѣковъ, является намъ въ средѣ, которая послѣ наполеоновскихъ войнъ стала у насъ представительницею консервативныхъ началъ, и тутъ мы встрѣчаемся съ нѣсколькими дѣятелями того переходнаго времени, въ которое Россія созрѣла отъ моды на Вольтера до 14 декабря 1825 года. Авторъ—консерваторъ; онъ даже былъ цензоромъ; но его честная натура уцѣлѣла среди гнусныхъ вліяній аракчеевской и николаевской эпохъ, и онъ на закатѣ жизни, слегка улыбаясь, передалъ внукамъ правдивую картину быта ихъ предковъ, какъ бы въ доказательство, что прогрессъ русскаго общества огроменъ, но что въ немъ были необходимыя фазы.

Прадѣдовъ и правнуковъ пытался изобразить, притомъ иногда довольно удачно, графъ Сальясъ, сынъ даровитой писательницы, снискавшей себѣ въ началѣ 1850-хъ годовъ извѣстность подъ именемъ Евгеніи Туръ. Его сочиненіе: „Пугачевцы“ и „Мадонна“ перено-

сятъ насъ въ восемнадцатый вѣкъ, а „Нѣмцы и Земцы“—въ наше время. Характеръ обѣихъ эпохъ переданъ довольно вѣрно; но растянутость повѣствованія и слабость психологическаго анализа дѣйствующихъ лицъ дѣлаютъ впечатлѣніе романовъ довольно слабымъ, такъ что въ этомъ смыслѣ разстояніе между графомъ Сальясомъ и, напримѣръ, графомъ Л. Толстымъ или Мельниковымъ очень значительно. Но все таки въ Сальясѣ мы должны признать художника, нелишеннаго дарованій. — Около него можно поставить автора „Барчуковъ,“ Маркова, который также далъ довольно яркія картины помѣщичьей жизни изъ времени, которое теперь для большинства принадлежитъ къ области исторіи, т. е. изъ первой половины XIX столѣтія. Но, впрочемъ, Марковъ (писавшій еще длинные романы „Черноземныя Поля“ и др.) не столько романистъ, сколько публицистъ, изъ тѣхъ не многихъ въ Россіи, которые имѣютъ хотя сколько нибудь самостоятельности. Его статьи въ „Голосѣ“ о народномъ образованіи, поземельномъ и общинномъ устройствѣ, новыхъ судахъ, о Некрасовѣ и пр. справедливо обращали на себя вниманіе общества 1870-хъ годовъ, потому что содержаніе ихъ взято прямо изъ жизни и согрѣто любовью къ добру и истинѣ. Особенно извѣстенъ очеркъ „Софисты XIX вѣка,“ гдѣ честный авторъ справедливо заклеймилъ нашихъ недавнорожденныхъ адво-

катовъ именемъ продажныхъ „прелюбодѣевъ мысли.“ Будущіе историки Россіи не пройдутъ мимо этихъ статей, хотя бы потому, что въ нихъ много здраваго смысла и притомъ чисто русскаго смысла. Авторъ ихъ какъ бы олицетворяетъ собою средняго русскаго человѣка нашей эпохи изъ лагеря не бюрократическаго, а земскаго. И если потомки узнаютъ, что за его честныя статьи газета „Голосъ“ подвергалась цензурно-полицейскимъ взысканіямъ, то они не безъ удивленія спросятъ себя: что же это было за время въ Россіи, будто бы преобразованной на либеральныхъ началахъ?

Аксаковъ, Сальясъ и Марковъ, люди разныхъ эпохъ и склада понятій, имѣли то общее, что ихъ симпатіи наклонены въ сторону людей земскихъ, обывателей, хотя изъ разныхъ слоевъ общества, но къ табели о рангахъ относящихся безъ особаго благоговѣнія. Въ этомъ смыслѣ они до нѣкоторой степени родственны Салтыкову. По закону противоположностей должны были найдтися писатели съ совершенно иными вкусами, т. е. такіе, которые влюблены въ табель о рангахъ и не любятъ земскихъ людей. Даровитѣйшимъ изъ такихъ писателей можно считать Гончарова, автора „Обломова“ и „Обыкновенной Исторіи“. Въ послѣднемъ романѣ, бывшемъ первымъ его произведеніемъ по времени (1846), этотъ писатель умѣлъ ловко съиграть роль защитника

бездушія петербургскихъ чиновниковъ и осмѣять живыя симпатіи людей свѣжихъ, не все принесшихъ въ жертву свѣтскому лоску и умѣнью жить (и наживаться). Но когда онъ тотъ же пріемъ вздумалъ повторить въ романѣ „Обломовъ“, гдѣ осмѣялъ вообще русскаго человѣка съ его безпечностью, а для образца ему выставилъ акуратнаго и пронырливаго биржевика-нѣмца, тогда онъ достигъ цѣли прямо противоположной. Надъ Обломовымъ, конечно, посмѣялись, какъ надъ неповоротливымъ медвѣдемъ; но всѣ, у кого еще сохранилось нравственное чутье, т. е. чувство чести, отвернулись отъ противопоставленнаго ему Гончаровымъ идеала, Штольца, и вспомнили при этомъ, что самъ авторъ—ревностный поклонникъ теоріи жизненнаго успѣха *quand-même*, теоріи, которая учитъ не быть слишкомъ разборчивымъ въ средствахъ, лишь бы добиться „положенія въ свѣтѣ“. Большаго „положенія“, впрочемъ, Гончаровъ не достигъ. Онъ явился услужливымъ секретаремъ графа Путятина во время его посольства въ Японію, а потомъ—когда графъ изъ адмираловъ и посланниковъ обратился въ министры народнаго просвѣщенія, то его, Гончарова, сдѣлали цензоромъ. Отсюда уже былъ не далекъ шагъ до вице-директорства въ какомъ нибудь департаментѣ или до мѣста помощника статсъ-секретаря въ государственной канцеляріи, если

бы имѣлися покровители; но намъ неизвѣстно, повысился ли на столько почитатель Адуева и Штольца. Изъ его сочиненій долговѣчнѣе другихъ оказалось описаніе его кругосвѣтнаго плаванія, гдѣ живо очерчены нѣкоторыя типическія личности изъ моряковъ и набросаны бойкіе, хотя поверхностные, очерки нѣкоторыхъ изъ видѣнныхъ имъ мѣстностей. Подъ названіемъ „Фрегата Паллады“, оно выдержало не одно изданіе.

Поборникомъ свѣтскаго лоска и бюрократической (т. е. очень ограниченной) честности явился еще графъ Соллогубъ, остроумный авторъ „Тарантаса“, вышедшаго въ сороковыхъ годахъ, и комедіи „Чиновникъ“, появившейся въ 1856-мъ. Эта комедія, впрочемъ, доставила славу не Соллогубу, который ее написалъ, а критику его, Павлову, который далъ блестящій анализъ нравственной ничтожности того самаго человѣка-чиновника, котораго авторъ хотѣлъ выставить идеаломъ гражданскихъ доблестей. Можно сказать, что съ этой критики начинается у насъ развѣнчиваніе даже такъ-называемыхъ „приличныхъ“ или „изящныхъ и благородныхъ“ представителей табели о рангахъ, подобно тому, какъ съ Ревизора беретъ начало гласное осмѣяніе грязноватаго чиновничества низшихъ разрядовъ. Графъ, по видимому, и понялъ, что лучше ему не браться за большія, философскія темы, а ограничиться, напри-

мѣръ, произнесеніемъ рѣчей на обѣдахъ: къ чести его, онъ такъ и сдѣлалъ.

Впрочемъ, осмѣяніе добродѣтелей всѣхъ четырнадцати классовъ достигло своего апогея въ трудахъ не Павлова,—отдѣлавшаго еще и все русское общество въ статьѣ: „Вотяки и г-нъ Дюма“,—а во-первыхъ Салтыкова, о которомъ мы уже говорили, и во-вторыхъ остроумнаго импровизатора Горбунова, который въ салонахъ самихъ генераловъ комически представлялъ гражданскія доблести ихъ превосходительствъ. „Вы какого мнѣнія по этому дѣлу? спрашиваетъ у Горбунова одинъ сенаторъ другаго, совершенно почти оглохшаго и слѣпаго.—„А я раздѣляю мнѣніе Петра Ивановича“, отвѣчаетъ, по исконной привычкѣ, превосходительный судья. — „Да помилуйте, ваше превосходительство! Петръ Ивановичъ умеръ уже три года назадъ.“ — „Ну, такъ я согласенъ съ Иванъ Семенычемъ“, поправляется, не конфузясь, живая мумія третьяго, а можетъ быть и втораго класса... — „Когда моего дядю разбилъ параличъ“,—говоритъ, опять кажется у Горбунова, одинъ молодой баловень фортуны, — „его сдѣлали сенаторомъ; когда онъ ослѣпъ—его посадили въ государственный совѣтъ; случись еще какой-нибудь изъянъ—онъ непремѣнно умретъ министромъ“... —Такой степени ѣдкости не допускалось во

времена Аракчеева и Николая, и тутъ очевиденъ немалый прогрессъ. *)

Наша задача въ настоящемъ очеркѣ состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы набросать болѣе или менѣе полную картину русской литературы, какъ совокупности словесныхъ произведеній, а лишь въ томъ, чтобы упомянуть о выдающихся произведеніяхъ и особенно о такихъ, въ которыхъ вѣрно изображена современная русская жизнь или затронуты вопросы, которые волновали русское общество. Вотъ почему писателямъ-психологамъ у насъ, естественно, найдется менѣе мѣста, чѣмъ авторамъ сочиненій, изображающихъ общественный бытъ. И это тѣмъ болѣе, что самое число первыхъ невелико. Послѣ графа Л. Толстаго, котораго мы поставили во главѣ всѣхъ вообще русскихъ литературныхъ талантовъ нашего времени и который такъ глубоко проникаетъ въ душу каждаго изъ выводимыхъ имъ лицъ, первое мѣсто между психологами, конечно, принадлежитъ Ѳ. Достоевскому. Сосланный въ 1849 году въ каторжную работу за участіе въ обществѣ петрашевцевъ, онъ вернулся изъ Сибири потрясеннымъ нравственно, и потому всѣ его произведенія, гдѣ анализъ душевныхъ движеній доведенъ

*) Впрочемъ далеко не всѣ разсказы-импровизаціи Горбунова напечатаны.

иногда до изумительной глубины, отличаются нѣсколько болѣзненнымъ тономъ. Онъ даже явился въ литературѣ защитникомъ наказанія, которое, по его мнѣнію, очищаетъ душу, а не ожесточаетъ ее, что ясно свидѣтельствуетъ о его сантиментальности или, точнѣе, о потрясеніи несчастіемъ всей нервной его системы. Мистицизмъ также составляетъ одну изъ замѣтныхъ его слабостей. Но гуманность, но чувствительность сердца, которыя были свойственны его произведеніямъ, написаннымъ до ссылки, не оставили его и по возвращеніи оттуда и высказались во многихъ романахъ, имѣющихъ значительный кругъ читателей. Особенною и справедливою извѣстностію пользуются его „Униженные и Оскорбленные“ и „Записки изъ Мертваго Дома“, гдѣ съ потрясающими подробностями изображены судьбы каторжныхъ, ихъ физическія и нравственныя страданія и надорванность. — Къ писателямъ съ наклонностью къ изображенію душевныхъ движеній принадлежитъ еще Бобарыкинъ; но эта серьезная сторона его произведеній сильно заслоняется скучными описаніями быта и наружности дѣйствующихъ лицъ и ихъ обстановки, при чемъ еще роману свойственно уснащать рѣчь множествомъ французскихъ фразъ, для приданія романамъ великосвѣтскаго колорита, что показываетъ въ немъ самомъ литературнаго bourgeois-gentilhomme. Обыкно-

венный мотивъ его произведеній — сердечныя отношенія лицъ разнаго пола; но à propos онъ касается и бытовыхъ условій своихъ героевъ, растягивая при этомъ свои разсказы до утомительности (можетъ быть потому, что работаетъ за полистную плату).—Психологическій интересъ имѣютъ также произведенія Авдѣева, котораго романъ „Подводный Камень“ затронулъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни—о свободѣ любви и, доселѣ связанныхъ съ нею, брачныхъ отношеній. Это—своего рода Wahlverwandschaft русской литературы, рядомъ съ которымъ можно поставить и романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“, касающійся впрочемъ многихъ другихъ вопросовъ и слишкомъ отзывающійся непереваренными теоріями соціализма. Но извѣстность послѣдняго романа основана едва ли не больше всего на томъ, что авторъ писалъ его въ крѣпости, передъ ссылкою въ каторжную работу. По крайней мѣрѣ сами эмигранты-соціалисты не читаютъ его болѣе, хотя и признаютъ Чернышевскаго своимъ учителемъ.

Психологическій романъ, естественно, болѣе чѣмъ соціальный, политическій или историческій, можетъ быть удѣломъ талантовъ женскихъ. Женщина больше живетъ во внутреннемъ мірѣ ощущеній, чувствъ и страстей, чѣмъ мужчина, у котораго большая часть времени занята работой ума, если не рукъ. Заботы

политики, промышленности интересы, науки ей менѣе знакомы, чѣмъ интересы сердца, о которыхъ поэтому она и говоритъ охотнѣе и съ большимъ знаніемъ дѣла. Явленіе это замѣтно во всей Европѣ, особенно въ Англіи, гдѣ число сочинительницъ нравственныхъ или вообще психологическихъ романовъ очень значительно. Оно повторилось и у насъ, гдѣ хотя и появились въ послѣднее время женщины-врачи, женщины-соціалистки, но больше всего выступило на поприще умственной дѣятельности женщинъ-сочинительницъ нравственныхъ романовъ и другихъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ психологическую основу. Госпожи Сальясъ (Евг. Туръ), Хвощинская (В. Крестовскій), Жадовская, Саханская (Кохановская), Ожигова, Смирнова, Марко-Вовчокъ, Голохвастова стоятъ въ первомъ ряду этой женской литературной фаланги, и изъ нихъ многія оставили по себѣ серьезные памятники своей дѣятельности, которые очень полезно прочесть всякому, кто захочетъ въ послѣдствіи познакомиться съ ходомъ нравственнаго развитія, состояніемъ семейныхъ отношеній, вопросомъ о воспитаніи и пр. въ Россіи нашего времени. Самая плодовитая и, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самая даровитая изъ названныхъ писательницъ есть Хвощинская, дочь небогатаго чиновника въ Рязани, гдѣ она и провела почти всю жизнь. Она всегда

вѣрна началамъ гуманности и чести, и соотвѣтственно этому очень чутка въ дѣлѣ различенія нравственной дряни, хотя бы хорошо маскированной, отъ душевной чистоты, которая нерѣдко бываетъ удѣломъ людей, по наружности несимпатичныхъ, угловатыхъ. Ея лирическія стихотворенія всегда полны теплаго, нѣжнаго чувства, и съ этой стороны къ ней примыкаетъ Жадовская, которой поэзія отличается притомъ унылымъ характеромъ. Ожигова и Смирнова суть писательницы реалистки; Марко-Вовчокъ дала много прекрасныхъ разсказовъ изъ народнаго быта, а Голохвастова написала большую историческую драму въ стихахъ, показывающую въ авторѣ серьезный талантъ.

Эта историческая драма (Двѣ Невѣсты), написанная женщиною и притомъ въ стихотворной формѣ, приводитъ насъ къ цѣлому ряду подобныхъ, созданныхъ поэтомъ-мужчиной, графомъ А. К. Толстымъ, съ котораго мы и начнемъ нашъ краткій взглядъ на современныхъ русскихъ стихотворцевъ вообще. Графъ А. Толстой принадлежалъ къ лучшимъ русскимъ людямъ нашего времени. Не смотря на высокое положеніе при дворѣ, гдѣ пользовался личною дружбою императора Александра, онъ сохранилъ независимость убѣжденій и даже дѣйствій, подобно другому утѣшительному аристократу-писателю, князю А. Васильчикову. От-

лично знакомый съ русской исторіей, онъ выбралъ для своихъ драмъ и романовъ эпоху Грознаго и, изобразивъ ее мрачными красками въ „Князѣ Серебряномъ“, посвятилъ этотъ романъ императрицѣ Маріѣ Александровнѣ „въ утѣшительномъ сознаніи, что непроходимая бездна отдѣляетъ времена деспотизма отъ современной эпохи“, что было вѣжливымъ напоминаніемъ, что произволу въ наше время не должно быть мѣста. Въ трилогіи, состоящей изъ трагедій „Смерть Іоанна Грознаго“, „Царь Ѳедоръ“ и „Царь Борисъ“, онъ продолжалъ давать великолѣпныя изображенія характеровъ русскихъ дѣятелей второй половины XVI вѣка, такъ что долго стоявшая одинокою въ русской литературѣ трагедія Пушкина „Борисъ Годуновъ“ нашла наконецъ достойныхъ себя соперницъ. Лирическія стихотворенія графа А. Толстаго отличаются большою оригинальностью формы, напоминающей складъ народныхъ былинъ и пѣсней, а по содержанію относятся къ сферѣ нравственной философіи, всегда гуманной и честной. Его стихотворныя былины также имѣютъ много достоинствъ, и вообще онъ, какъ поэтъ-психологъ и художникъ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ русской стихотворной литературѣ нашего времени.

Очень вѣроятно, что на это послѣднее замѣчаніе послышатся сильныя возраженія со

стороны тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые привыкли считать первымъ поэтомъ нашей эпохи Некрасова, гуманиста par excellence, пѣвца всѣхъ обдѣленныхъ судьбою, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, а также гражданскихъ доблестей людей съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ и, наконецъ, самоотверженности княгинь-декабристокъ. Мы не станемъ оспаривать этихъ возраженій; но замѣтимъ, что практическая жизнь поэта-гуманиста не согласовалась съ проповѣдуемыми имъ теоріями. Такъ, насмѣявшись надъ редакторами журналовъ, строившими пятиэтажные дома отъ доходовъ съ литературы, т. е. съ бѣдныхъ сотрудниковъ, онъ самъ составилъ себѣ капиталъ изъ того же источника, а отчасти и изъ другихъ, еще менѣе чистыхъ; проповѣдуя сочувствіе къ простонародью, онъ больше всего дорожилъ своими связями съ англійскимъ клубомъ; проклиная теоретически тиранію, онъ на практикѣ умѣлъ писать хвалебные гимны Муравьеву-вѣшателю при назначеніи его слѣдователемъ по каракозовскому дѣлу; вообще же при столкновеніяхъ съ людьми оказывался непріятнымъ эгоистомъ. Нравственное чувство читателей, даже незнакомыхъ съ этими подробностями, давно подсказало имъ про „дѣланность“ симпатій Некрасова, а форма его сочиненій едва ли обезпечиваетъ имъ безсмертіе въ мірѣ чистаго искуства. Впрочемъ, изъ шести

томовъ сочиненій этого поэта можно выбрать пьесъ десять — двѣнадцать безукоризненныхъ по идеѣ и по стиху; про большинство же произведеній его „хныкающей“ музы можно сказать, что она часто бралася за дѣло выше своихъ способностей и притомъ бралася неискренно, не по влеченію чистаго сердца, а.... мы не хотимъ сказать: по расчету..... Отдадимъ впрочемъ справедливость Некрасову: управляя редакціями двухъ журналовъ, Современника и Отечественныхъ Записокъ, онъ былъ вѣренъ либеральному знамени. И если его гуманистическія стихотворенія на гражданскіе мотивы не выдерживаютъ сравненія съ одою Лермонтова „На смерть Пушкина“, съ поэмою „Андрей Шенье“ этого послѣдняго, съ превосходною „Исповѣдью Наливайки“ Рылѣева и т. п., то все-таки они даютъ ему право на сочувствіе и благодарность русскаго общества. Вѣдь онъ былъ изъ первыхъ, кто въ самомъ началѣ новаго времени обратился къ русскому писателю-вообще со словами:

Будь гражданинъ! Служа искуству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

И если на закатѣ дней ему пришлося сказать:

Всегда по возможности будемъ
Вѣрны истинѣ.... *задним числомъ*....

то-есть признаться въ безсиліи бороться со зломъ *своевременно*, то не *общую* ли участь современниковъ высказалъ онъ?

Около А. Толстаго и Некрасова должно поставить еще одного хорошаго поэта, завѣщаннаго нашему времени николаевскимъ, Ап. Майкова, которому свойственно не только изящество стихотворной формы, превосходящее красоту стиховъ обоихъ названныхъ писателей, но и содержаніе, достойное крупнаго художественнаго таланта. Майковъ нетолько хорошій лирическій поэтъ, но въ то же время философъ, знакомый съ достоинствами и недостатками человѣческой природы, и художникъ, умѣвшій прочувствовать и живо изобразить стремленія передовыхъ людей разныхъ историческихъ эпохъ. Его „Три рода смерти“, его „Клермонтскій Соборъ“, „Римскіе Очерки“ сдѣлали бы честь каждой европейской литературѣ. Но отчужденность его поэзіи отъ собственно-русской жизни помѣшала его извѣстности въ массѣ русскихъ читателей. Это поэтъ —для немногихъ, избранныхъ, и потому намъ здѣсь о немъ говорить болѣе нѣтъ нужды. —Почти то же приходится сказать о Щербинѣ. Его „Греческія стихотворенія“ справедливо были привѣтствованы, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, образованною частью публики, какъ граціозныя изображенія такой жизни, которая полна художественности. Отдѣлка

ихъ часто не оставляетъ ничего желать. Но мало-по-малу поэтъ умѣлъ заставить общество забыть о себѣ, и мы сдѣлаемъ то же.

Не будемъ входить въ какое-либо разсмотрѣніе стихотворныхъ произведеній и остальныхъ русскихъ поэтовъ: Алмазова, Буренина, Голенищева-Кутузова, Жемчужникова, Мея, Минаева, Минскаго, Плещеева, Полонскаго, Розенгейма, Тютчева, Фета и Шумахера. Каждый изъ нихъ имѣетъ право на мѣсто въ исторіи русской литературы, какъ искуства; но историческая жизнь Россіи шла если не мимо ихъ, то безъ особенно сильнаго участія съ ихъ стороны, безъ какихъ-либо вліятельныхъ откликовъ ихъ поэзіи на совершавшіяся событія и на тревожившіе общество вопросы. У современниковъ они пользовались сочувствіемъ; о томъ же, существуетъ ли для нихъ потомство, мы не беремся судить. Вѣроятно, что дольше, чѣмъ о многихъ изъ нихъ, сохранится память о даровитомъ Курочкинѣ, переводчикѣ Беранже и бывшемъ редакторѣ „Искры“, о поэтѣ-мѣщанинѣ Никитинѣ и о малороссійскомъ кобзарѣ Шевченкѣ, котораго литературная дѣятельность, впрочемъ, относится болѣе къ николаевскому времени и который поплатился за нее тягостными страданіями. Но, повторимъ: такъ какъ поэзія имѣла мало вліянія на ходъ развитія русскаго общества нашего времени,—въ противополож-

ность тому, что можно сказать про первые 45 лѣтъ текущаго столѣтія;—то для насъ достаточно только упомянуть о важнѣйшихъ ея представителяхъ. Для характеристики же сочувствія современнаго русскаго общества къ національной поэтической литературѣ едва ли не важнѣе напомнить, что послѣ 1855 года: 1) впервые и по нѣсколько разъ изданы полныя, т. е. безъ цензурныхъ пропусковъ, собранія сочиненій Пушкина и Лермонтова; 2) появились въ печати послѣ 45-ти-лѣтняго запрещенія сочиненія Рылѣева; 3) издано нѣсколько хорошихъ сочиненій по исторіи русской поэзіи: Полеваго, Галахова, Гербеля и др. —Нѣкоторые изъ великихъ иностранныхъ поэтовъ—Шиллеръ, Байронъ, Шекспиръ—получили болѣе или менѣе полные стихотворные переводы, иногда очень удовлетворительные.

Коснувшись успѣховъ, сдѣланныхъ съ 1855 года въ Россіи наукою, публицистикою и художественною литературою мы не можемъ пройдти совершеннымъ молчаніемъ и философіи, которая впрочемъ у насъ, какъ во всей Европѣ, не пользовалась сочувствіемъ образованныхъ массъ. Сколько нибудь замѣтными дѣятелями по этой отрасли человѣческихъ знаній (?) можно назвать Лаврова, Троицкаго, Быкова, Панаева, Лесевича и Гогоцкаго; но общество было холодно къ ихъ трудамъ, осо-

бенно двухъ послѣднихъ, людей впрочемъ ученыхъ и добросовѣстныхъ. Лавровъ же извѣстенъ своими Историческими Письмами, гдѣ онъ старался указать на законы человѣческаго развитія вообще,—Механическою теоріею міра, Лекціями о философіи, а всего болѣе своею попыткою издать Исторію физико-математическихъ и естественныхъ наукъ, которая остановилась на александрійской эпохѣ и которая собственно къ философской литературѣ не принадлежитъ. Троицкій написалъ хорошее изслѣдованіе о нѣмецкой психологіи XIX вѣка, при чемъ скептически отнесся къ будущности этой науки, что и снискало ему сочувствіе въ небольшомъ кругѣ русскихъ людей, интересующихся судьбами „любомудрія“. О двухъ философахъ-идеалистахъ *pur-sang*, Владиславлевѣ и Соловьевѣ, намъ нечего больше сказать, какъ то, что русскій образованный міръ относится къ нимъ съ улыбкой, какъ къ людямъ, у которыхъ „умъ зашелъ за разумъ“.— Изъ иностранныхъ философскихъ писателей были переведены: Платонъ, Аристотель (частію), Баконъ, Кантъ, Гегель, Куно-Фишеръ, Гартманъ, Гербертъ-Спенсеръ, Льюисъ; но только послѣдній, съ своимъ ироническимъ отношеніемъ къ пресловутому вопросу „объ отношеніи мышленія къ бытію“, а слѣд. и ко всей философіи, пользовался довольно широкимъ кругомъ читателей.—Переводъ Гоббезова „Ле-

віаѳана“ былъ по опредѣленію цензуры (или даже чуть ли не комитета министровъ!) сожженъ, вѣроятно *ad majorem gloriam* просвѣщенныхъ церберовъ русскаго храма науки.....

Цензура.

> Il s'est maintenant établi, chez nous, un système de liberté de la presse, et pourvu que je ne parle, en mes écrits, ni de l'autorité, ni du culte, ni de la politique, ni de la morale, ni des gens en place, ni des corps en crédit, ni de personne qui tienne à quelque chose, je puis tout imprimer librement sous l'inspection des deux ou trois censeurs.
>
> **Beaumarchais, 1784.**

Эпизодъ съ „Левіаѳаномъ“ напомнилъ намъ, что пора перейдти къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, въ которыхъ находилась русская печать съ 1855 года. Условія эти, собственно говоря, можно выразить однимъ словомъ: во все время такъ называемыхъ либеральныхъ преобразованій въ Россіи дѣйствовала *цензура*, т. е. свобода слова, которая даже по ученію церкви есть „даръ божій, отличающій человѣка отъ скотовъ“, была скована полицейскими колодками. Но тутъ надобно сдѣлать небольшую оговорку. До 6-го апрѣля 1865 года цензурно-полицейскій произволъ *de jure* былъ безграниченъ, какъ и во времена Николая; продолжалось царство Ахматовыхъ и Елагиныхъ (впрочемъ, не лично ихъ), въ которомъ только

другой, высшій, произволъ и отчасти давленіе общественнаго мнѣнія дѣлали нѣкоторыя смягченія. Это было крѣпостное право въ наукѣ и литературѣ, съ тою разницею, что безграмотному крестьянину приходилось повиноваться помѣщику, т. е. все же человѣку сравнительно съ нимъ образованному, тогда какъ ученый или поэтъ часто должны были повиноваться людямъ, которые самымъ родомъ своей службы, въ духовной инквизиціи, доказывали, что ихъ мѣсто — въ лакейской, если не на конюшнѣ,—среди жандармовъ, если не въ сумашедшемъ домѣ. Правда, при сравнительно либеральныхъ министрахъ народнаго просвѣщенія, Ковалевскомъ и Головнинѣ, цензурныя возжи были нѣсколько распущенны, такъ что даже статьи, недопущенныя цензурою, печатались для немногихъ; но это былъ все-таки произволъ, который завтра же могъ быть направленъ въ другую сторону.—6 апрѣля 1865 года положило этимъ незабвеннымъ порядкамъ нѣкоторый предѣлъ. Явилась, хотя въ очень скромныхъ размѣрахъ, печать безцензурная, или, — чтобы быть точнѣе въ выраженіяхъ,—печать, которая подлежала цензурѣ нѣсколько ускоренной и производившейся не прежде набора книги или газеты, а послѣ ея корректированья. Въ сущности, конечно, это облегчало лишь цензоровъ, сочинителей же и издателей стѣсняло опасеніемъ напрасныхъ

убытковъ; но людямъ наивнымъ, въ родѣ редактора С.-Петерб. Вѣдомостей Корша, дало возможность воскликнуть, что „крѣпостное состояніе русской литературы окончилось". Это soi-disant либеральное преобразованіе было совершено по нормамъ, даннымъ французскою имперіею 2 декабря, и этого, кажется, довольно, чтобы понять достоинство реформы; но необходимо замѣтить, что русскій уставъ 1865 года былъ гораздо реакціоннѣе даже наполеоновскихъ цензурныхъ постановленій, которыя вовсе не касались книгъ, а только брошюръ и журналовъ. Замѣтимъ еще, что съ 1865 года даже и въ этомъ уставѣ сдѣлано правительствомъ множество ретроградныхъ поправокъ, несомнѣнно доказывающихъ, что въ сущности оно желало бы вернуться къ старымъ порядкамъ.

Чтобы порицанія эти не показались бездоказательными и рѣзкими, приведемъ прямо слова свода законовъ о печати, изданнаго въ 1876 году и заключающаго въ себѣ всѣ постановленія, обнародованныя въ одинадцать лѣтъ, послѣдовавшихъ за 1865 годомъ. Вотъ что мы находимъ въ этомъ любопытномъ печатномъ памятникѣ современнаго варварства:

Произведенія печати предаются тиснѣнію или съ предварительною цензурою, или безъ оной. Безъ предварительнаго представленія въ цензуру печатать дозволяется: 1) всѣ оригинальныя сочиненія объ-

емомъ не менѣе *десяти* печатныхъ листовъ; 2) всѣ переводы объемомъ не менѣе *двадцати* печатныхъ листовъ; 3) всѣ изданія правительственныя, всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій; 4) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ сихъ языковъ; 5) чертежи, планы и карты; 6) музыкальныя ноты безъ текста и заглавнаго рисунка; 7) объявленія присутственныхъ мѣстъ.

И такъ, если бы авторы „Анабазиса“—Ксенофонтъ, „Германіи“—Тацитъ, „Рѣчи о методѣ“ — Декартъ, „Чайльдъ-Гарольда“ — Байронъ, имѣли несчастіе быть русскими писателями второй половины XIX вѣка, то они должны бы были для распространенія этихъ безсмертныхъ твореній,—изъ которыхъ каждое по объему менѣе 10 листовъ,— испрашивать сначала разрѣшенія какого нибудь инквизитора въ чинѣ коллежскаго совѣтника съ Анной на шеѣ! Не получивъ же такого разрѣшенія, имъ ничего не оставалось бы дѣлать, какъ выѣхать изъ отечества и, подъ страхомъ правительственной кары, издать свои труды въ Лейпцигѣ, Женевѣ, Карлсруэ, Прагѣ или Лондонѣ, гдѣ есть свободныя русскія печатни!... Съ другой стороны: соблазнительные романы Апулея имѣютъ право быть издаваемы не только на греческомъ, но и на русскомъ языкѣ безъ предварительной цензуры; а Пушкину съ его „Полтавою“, если-бъ онъ былъ живъ, пришлось бы въ 1878 году находиться ровно въ

тѣхъ же цензурныхъ условіяхъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ... Наконецъ, если литографъ вздумаетъ издать ноты съ текстомъ гимна „Боже царя храни!“ или напечатать музыку и слова „Символа вѣры“, то ему также нужно получить на эти подвиги благословеніе цензора, а на послѣдній даже двухъ, потому что „всѣ произведенія церковной литературы, безъ всякихъ изъятій, подлежатъ вѣдомству еще особой цензуры—духовной“...

Но пойдемъ далѣе и не будемъ даже, по возможности, дѣлать поясненій на текстъ „либеральныхъ“ законовъ, которыми обусловливается умственное, нравственное и политическое развитіе русскаго народа. Вотъ слова свода законовъ:

Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати цензура не допускаетъ нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіянскихъ*) исповѣданій, охраняетъ неприкосновенность верховной власти и ея аттрибутовъ (?), уваженіе къ особамъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ (г. е. самодержавія или абсолютизма), народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго.—Цензура не допускаетъ къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію су-

*) Что помѣшало осмѣянію обрядовъ русскихъ раскольниковъ или старовѣровъ, людей по неизвѣстной причинѣ непріятныхъ правительству, хотя и ревностныхъ христіянъ.

ществующаго порядка (?) и къ водворенію анархіи.— Она не допускаетъ къ печати статей, въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому или заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлымъ сословіемъ или должностями общественной и государственной службы. Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и мѣстъ судебныхъ цензура не допускаетъ печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій. Допуская въ спеціальныхъ и строго научныхъ повремененныхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ историческія и практическія (?) изслѣдованія и статьи (содержаніе которыхъ хотя и невполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствующимъ постановленіямъ о печати) исключительно для достиженія опредѣленныхъ научныхъ цѣлей, а не для распространенія безразлично въ публикѣ какихъ либо вредныхъ теорій, — она не допускаетъ подобныя изслѣдованія и статьи въ повременныхъ изданіяхъ, распространенныхъ въ значительнѣйшемъ числѣ экземпляровъ, по болѣе доступной цѣнѣ и въ средѣ менѣе спеціальной публики. — Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрствованій, равно противныхъ истинной (?) вѣрѣ и истинному любомудрію“ (доселѣ не найденному). „Она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученыя отъ книгъ издаваемыхъ для общенароднаго употребленія“. (т. е. налегать на послѣднія сильнѣе). „Цензура наблюдаетъ, чтобы на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описывается событіе, относящееся до его императорскаго величества и особъ августѣйшей фамиліи, и при сообщеніи въ газетахъ и журналахъ извѣстій объ особѣ императорскаго величества и членахъ императорской фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ

испрошено было высочайшее разрѣшеніе чрезъ министра императорскаго двора (!). Пропускъ внутреннею или иностранною цензурою какой либо статьи въ книгѣ или иностранной газетѣ недаетъ права перепечатывать ту же статью безъ особаго разрѣшенія въ подцензурныхъ брошюрахъ или періодическихъ изданіяхъ. Равнымъ образомъ при печатаніи отдѣльныхъ оттисковъ изъ повременныхъ изданій, выходящихъ какъ съ предварительною цензурою, такъ и безъ оной, слѣдуетъ вносить ихъ въ цензуру для одобренія къ печатанію“ (напечатанныхъ то!) „на основаніи общихъ правилъ.—Данное цензоромъ дозволеніе на напечатаніе остается дѣйствительнымъ въ теченіе слѣдующихъ сроковъ: для сочиненій одно-томныхъ — одного года, для сочиненій состоящихъ отъ 2 до 3 томовъ — двухъ лѣтъ и наконецъ для сочиненій болѣе обширныхъ — трехъ лѣтъ. Примѣнительно къ сему срокъ для дѣйствительности цензурнаго дозволенія на картинкахъ и на нотахъ со словами полагается годовой“ (что удостовѣряетъ, что правительство не довѣряло даже цензорамъ и хотѣло сохранить за собою право почаще цензуровать одно и то же произведеніе).

Авторы и издатели книгъ, желающіе печатать безъ предварительной цензуры, должны представлять въ послѣднюю пробные экземпляры лишь тогда, когда изданіе отпечатано въ полномъ числѣ экземпляровъ, дабы въ случаѣ, если книга не понравится духовной полиціи, истребленіе ея наносило возможно большій ущербъ издателю.

Духовная цензура, которой подлежатъ многія изданія чисто свѣтскія (какъ было напр.

съ сочиненіемъ Вундта о душѣ человѣка и животныхъ), разумѣется, имѣетъ правила еще болѣе строгія, чѣмъ свѣтская. Она, напримѣръ, можетъ не одобрить сочиненія по „темнотѣ слога, нечистотѣ языка и безразсуднымъ опущеніямъ, нарушающимъ связь сочиненія.“ Ея полицейская придирчивость идетъ далѣе свѣтской, такъ какъ

для предупрежденія злоупотребленій со стороны сочинителей, коихъ рукописи разсмотрѣны въ одномъ комитетѣ, но неодобрены, каждый изъ комитетовъ сообщаетъ другому о неодобренномъ имъ сочиненіи“, очевидно съ цѣлію не дать ему хода гдѣ бы то ни было.

Цензура иностранная „еще болѣе, чѣмъ внутренняя, обращаетъ вниманіе на цѣль сочиненій, ею разсматриваемыхъ, на духъ и намѣренія авторовъ, не принимая всѣхъ выраженій въ одномъ мѣстномъ ихъ смыслѣ“ (т. е. дозволяя себѣ всякаго рода толкованія). „Романы, повѣсти и другія подобныя произведенія иностранной словесности разсматриваются съ большею противъ другихъ книгъ строгостію въ отношеніи ихъ нравственнаго содержанія. Разрѣшеніе иностранною цензурою обращенія въ Россіи книги на иностранномъ языкѣ вовсе не заключаетъ въ себѣ изъятія отъ отвѣтственности за содержаніе оной въ случаѣ перевода на русскій языкъ, такъ какъ всякое подобное разрѣшеніе касается, по закону, буквально лишь иностраннаго изданія и подъ условіемъ изложенія его не на русскомъ языкѣ.

Но кромѣ цензуры цензорской „либеральное“ русское законодательство второй половины XIX вѣка сохранило еще множество другихъ,

гдѣ уже интересы науки, литературы и практической жизни прямо поставлены подъ надзоръ полиціи и разныхъ административныхъ властей, иногда прямо заинтересованныхъ въ томъ, чтобы данное изданіе не могло состояться. Такъ

Никакая перепечатка статей, касающихся особъ императорской фамиліи, не допускается въ подцензурныхъ изданіяхъ безъ новаго разрѣшенія министра двора, за исключеніемъ лишь статей сего рода, появившихся въ Правительственномъ Вѣстникѣ и Русскомъ Инвалидѣ. — Состоявшіеся въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ журналы, постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и пр., а равно предшествовавшія имъ сужденія, пренія и рѣчи, при опубликованіи во всеобщее свѣдѣніе печатаются: въ Москвѣ съ разрѣшенія генералъ губернатора, а въ прочихъ городахъ — съ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства. Другія изданія тѣхъ же земскихъ, городскихъ и сословныхъ учрежденій (напр. памятныя книжки, сборники и т. п.) сверхъ того должны еще выдержать и общую цензуру.

А относительно докладовъ, сметъ, раскладокъ и годовыхъ отчетовъ земскихъ собраній установлено даже, что самое число ихъ экземпляровъ предварительно опредѣляется губернаторами.

Всѣ частныя объявленія, помѣщаемыя въ книгахъ, журналахъ и газетахъ, даже изъятыхъ отъ предварительной цензуры, печатаются не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія подлежащихъ полицей-

скихъ начальствъ. — Врачи, желающіе публиковать въ газетахъ о своей врачебной практикѣ, должны обозначать въ объявленіяхъ не только свои фамиліи, но и настоящія врачебно-ученыя свои званія и притомъ объявленія свои представлять предварительно на разсмотрѣніе медицинскаго департамента или въ ближайшіе медицинскіе факультеты. — Печатаніе книгъ священнаго писанія помимо духовныхъ типографій, въ свѣтскихъ и частными лицами заводимыхъ, положительно воспрещено. Изданіе старопечатныхъ книгъ не въ московской синодальной или единовѣрческой типографіи, а равно продажа и распространеніе какимъ-либо образомъ книгъ сего рода или же пріобрѣтеніе книгъ раскольническихъ для употребленія ихъ въ божественной службѣ воспрещаются. Литографированіе лекцій и конспектовъ въ университетахъ и медицинской академіи дозволяется только самимъ преподавателямъ и притомъ съ тѣмъ, чтобы эти литографированныя записки поступали въ продажу наравнѣ съ печатными книгами и слѣд. проходили черезъ цензуру.—Въ издаваемыхъ частными лицами календаряхъ имена святыхъ и указаніе праздниковъ, крестныхъ ходовъ и т. п. должны быть составляемы сообразно съ издаваемымъ отъ синода мѣсяцесловомъ и съ точнымъ обозначеніемъ источника, откуда свѣдѣнія эти заимствованы.

Само собою разумѣется, что если такое множество стѣсненій придумано для книгъ, то еще болѣе ихъ есть для газетъ и журналовъ, этой силы, движущей общественнымъ мнѣніемъ по всѣмъ вопросамъ современности. Вотъ что говоритъ о нихъ „либеральное“ законодательство 1865 года.

Желающій выдавать въ свѣтъ новое повременное изданіе въ видѣ газеты, журнала или сборника, выходящаго болѣе двухъ разъ въ годъ, обязанъ испросить на то разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ дозволить выпускъ въ свѣтъ такого изданія или безъ цензуры, или подъ условіемъ предварительной цензуры. Издатели повременныхъ изданій, изъятыхъ отъ дѣйствія предварительной цензуры, обязываются внести въ главное управленіе по дѣламъ печати залогъ, который отвѣтствуетъ за денежныя взысканія, налагаемыя на повременное изданіе. Часть залога, поступившая на удовлетвореніе положеннаго взысканія, должна быть пополнена до опредѣленной нормы (5.000 р. для ежедневной газеты и 2.500 р. для прочихъ изданій), подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ прекращенія изданія. Редакторы и издатели повременныхъ изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры, обязаны, до выпуска въ свѣтъ журнала, газеты или сборника представлять узаконенное число экземпляровъ въ цензурный комитетъ въ слѣдующіе сроки: газеты — одновременно съ приступомъ къ окончательному печатанію нумера, изданія выходящаго въ свѣтъ рѣже одного раза въ недѣлю — за *четыре* дня до разсылки его подписчикамъ". (Это-то и называется у насъ изданіемъ журналовъ *безъ цензуры*). „Не получивъ квитанціи отъ цензуры типографія, гдѣ печатается періодическое изданіе, не въ правѣ выпускать его въ свѣтъ и только издателю или редактору дозволяется выдавать по одному экземпляру.— Въ тѣхъ случаяхъ, когда по значительности вреда" (кому?) „предусматриваемаго отъ распространенія повременнаго изданія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать вы-

пускъ въ свѣтъ сего изданія, не иначе впрочемъ, какъ начавъ въ то же время судебное преслѣдованіе“.

Но какъ гласный судъ неизбѣжно совѣстливѣе, приличнѣе, чѣмъ полиція, и слѣд. можетъ оправдать издателя притѣсненнаго цензурой журнала, то

министръ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи нумера журнала, можетъ просто представить въ комитетъ министровъ о воспрещеніи изданія. *) А если въ задержанномъ нумерѣ усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія экземпляровъ можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ,

разсуждать же, правильно ли было сдѣлано цензурою притѣсненіе издателю или редактору, т. е. есть ли что нибудь противозаконное въ данной статьѣ журнала, суды не смѣютъ... Впрочемъ, зачѣмъ полиціи утруждать себя какимъ либо обращеніемъ къ судебной власти, хотя бы даже для того, чтобы придать легальность уже исполненной ею самой расправѣ съ непріятнымъ лицомъ или изданіемъ?

*) Это правило не существовало въ законѣ 1865 года, который судьбы печати ввѣрялъ суду; оно введено въ 1872 году, какъ усовершенствованіе либеральнаго законодательства.

Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право запрещать розничную продажу періодическихъ изданій. Ему предоставлено также, по личному усмотрѣнію, прекращать въ періодическихъ изданіяхъ, получившихъ право печатанія частныхъ объявленій, помѣщеніе таковыхъ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ. *)

Наконецъ министръ вооруженъ еще правомъ предостереженій.

Повременное изданіе, подвергшееся предостереженію, обязано напечатать его въ главѣ перваго нумера, имѣющаго послѣ того выйдти въ свѣтъ, безъ всякихъ измѣненій или возраженій. Третье предостереженіе пріостанавливаетъ продолженіе изданія на срокъ, который будетъ назначенъ въ оном предостереженіи.

Относительно содержанія „безцензурныхъ“ періодическихъ изданій, хотя бы совершенно согласнаго съ утвержденною самимъ правительствомъ программою журнала, „либеральное“ законодательство нашло нужнымъ оговорить, что

если по соображеніямъ правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго (разумѣется, самаго интереснаго) времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій по-

*) Нужно замѣтить, что русскія газеты, при маломъ числѣ подписчиковъ, только и существуютъ объявленіями и розничной продажей.

ставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, и за неисполненіе редакторомъ такого распоряженія впредь до отмѣны онаго въ томъ же порядкѣ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется пріостановить выпускъ въ свѣтъ изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.....

Но довольно! Кажется, этихъ дословныхъ выписокъ изъ законовъ о печати достаточно, чтобы показать, въ какихъ условіяхъ стояло развитіе русской литературы послѣ „либеральнаго“ закона 1865 года. И можно ли удивляться, что русская печать, особенно политическая, такъ отстала отъ европейской какъ по числу изданій, такъ и по самому ихъ содержанію, обязывающему образованныхъ русскихъ читать иностранные журналы, чтобы знать истину о самой Россіи?... Уже въ 1790 году, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Радищевъ сказалъ: „Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которыя ходятъ на помочахъ, отъ чего у нихъ бываютъ кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтніе, незрѣлые разумомъ, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершеннолѣтнимъ. Недоросль будетъ всегда Митрофанушкою.“

Но,— говорятъ иногда защитники „существующихъ порядковъ“,— все же настоящее законодательство о печати лучше, чѣмъ прежнее; все же противу 1840-50-хъ годовъ прогрессъ значителенъ....— Да, значителенъ, скажемъ мы, въ такомъ же смыслѣ, какъ былъ значителенъ при замѣнѣ кнута плетьми въ системѣ тѣлесныхъ наказаній. — Но вѣдь, — замѣчаютъ люди уклончивые,— всякій законъ, самый нелѣпый, страшенъ лишь по-стольку, по скольку онъ примѣняется къ дѣлу. Въ Англіи есть много неотмѣненныхъ еще, дикихъ средневѣковыхъ постановленій, и однако же нигдѣ правосудіе не отличается такою гуманностью, какъ тамъ, потому что эти постановленія не примѣняются къ жизни. Вѣдь и въ Россіи, не далѣе 1857 года, полиція отбирала отъ лицъ, получавшихъ сильно запрещенный Колоколъ, одинъ № 4, оставляя прочіе за владѣльцами, безъ всякаго вреда для послѣднихъ. Вѣдь не далѣе 1875 года начальникъ цензуры, Григорьевъ, говорилъ: „въ книгахъ и въ ученыхъ журналахъ печатайте что угодно, съ соблюденіемъ только приличій; толстымъ ежемѣсячнымъ обозрѣніямъ цензура дѣлаетъ лишь очень рѣдкія предостереженія, больше для поддержки своего авторитета, чѣмъ для нанесенія имъ вреда, и только относительно газетъ терроръ считается ею необходимымъ.“ — Но отвѣтомъ на эти „смягчающія“

возраженія лучше всего могутъ служить факты изъ хроники предостереженій, запрещеній и другихъ преслѣдованій, направленныхъ противу авторовъ и издателей книгъ и журналовъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, на выдержку, прямо изъ памяти, такъ-какъ доселѣ не нашлось еще лица, принявшаго на себя трудъ сдѣлать общій ихъ сводъ.

Цензура, по закону, можетъ только привлекать къ суду ненравящееся ей изданіе, и отъ суда должна зависѣть его кара. Между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ изданія закона 1865 года, Современникъ и Русское Слово были, въ отместку за выстрѣлъ Каракозова, запрещены навсегда мимо всякихъ судовъ, по высочайшему повелѣнію, основанному на представленіяхъ III отдѣленія, Муравьева-вѣшателя и „просвѣщеннаго“ министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева.

Русскій Инвалидъ, органъ *оффиціальный*, имѣлъ либеральныхъ сотрудниковъ, писавшихъ въ немъ, нерѣдко по внушенію Н. Милютина, хорошія передовыя статьи, конечно подлежавшія строгой цензурѣ самой редакціи, но не всегда пріятныя министерству внутреннихъ дѣлъ и вообще реакціонерамъ. Послѣ удаленія со сцены Ник. Милютина и выстрѣловъ Каракозова и Березовскаго, Валуевъ и К°, основавъ Правительственный Вѣстникъ, выхлопотали помимо военнаго министра сокращеніе

программы военнаго журнала, какъ бы въ доказательство своей побѣды надъ либералами, и, по выраженію Суворина, „Русскому Инвалиду перебило обѣ ноги,“ такъ что съ тѣхъ поръ, т. е. съ начала 1867 года, онъ уже не поднимался болѣе. Тутъ о судѣ, разумѣется, не было и рѣчи, а просто состоялось административное распоряженіе въ ущербъ свободѣ русскаго слова.

Патріотическій и религіозный, но самостоятельный журналъ Бесѣда, основанный Юрьевымъ въ Москвѣ, подвергался такимъ ожесточеннымъ преслѣдованіямъ цензуры, что двѣ книжки его были сожжены, а третья не подверглась подобной же участи лишь потому, что журналъ закрывался!

Газеты Современное Слово и Сѣверный Вѣстникъ были запрещены безъ суда.

Ненравившіеся бюрократіи Камско-Волжская Газета, издававшаяся въ Казани, и Азовскій Вѣстникъ—въ Таганрогѣ, для исправленія отъ либерализма назначены къ цензурованію за 800 и за 1.200 верстъ, въ Москвѣ, послѣ чего, конечно, прекратились.

Сочиненіе директора Азіятскаго департамента и сенатора Ковалевскаго о дунайской компаніи 1854 года было заарестовано въ теченіе десяти лѣтъ военною цензурою, притомъ такъ, что самъ авторъ не зналъ, куда оно дѣлось.

Книга профессора Сѣченова „Рефлексы головнаго мозга“ была задержана, хотя она составляла простую перепечатку изъ оффиціальнаго медицинскаго журнала.

Лекція профессора Павлова о тысячелѣтіи Россіи, прочитанная имъ въ Петербургѣ, нетолько не была дозволена къ печати, но повлекла за собою высылку автора въ провинцію, подъ надзоръ полиціи.

Сборникъ подъ названіемъ Невскаго Вѣстника, предполагавшійся къ изданію Курочкинымъ, былъ за нѣсколько дней до выхода въ свѣтъ конфискованъ и уничтоженъ.

Извѣстный переводчикъ многихъ экономическихъ сочиненій, Бибиковъ, подвергся суду за книгу „Критическіе этюды“, которую сама судебная палата нашла неопасною. Преслѣдованіе началось даже раньше суда и состояло въ увольненіи автора изъ генеральнаго штаба, послѣ чего онъ влачилъ трудолюбивую, но бѣдственную жизнь, которая привела его въ домъ сумашедшихъ.

Второй томъ сочиненія физіолога Вундта „Душа человѣка и животныхъ“ продержанъ былъ полтора года подъ арестомъ, и издатель его Гайдебуровъ подвергался суду за то, что самъ не представилъ его въ духовную цензуру, хотя по закону это—дѣло цензуры гражданской, при чемъ только либеральному кассаціонному сенату удалось выручить изъ бѣды

и книгу, и издателя, которыхъ конечно духовная цензура признала бы безбожными и покарала бы.

Переводъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій о современной Россіи—Макензи-Уоллеса, Леруа-Болье, Мазада, Шницлера, Скайлера—не дозволенъ.

Переводъ Гоббезова „Левіаѳана“, какъ сказано выше, былъ сожженъ.

Та же участь постигла „Историческіе и критическіе очерки“ и „Человѣческую трагикомедію“ Шерра.

Изъ сочиненій Лассаля одинъ томъ былъ выпущенъ въ свѣтъ, но потомъ изъятъ изъ продажи, а втораго не позволили выпустить вовсе.

То же случилось съ „Исторіею десяти лѣтъ“ Луи-Блана. Вторыя изданія „Капитала“ Маркса и „Изслѣдованій о крестьянскихъ надѣлахъ“ Янсона не дозволены.

Многія сочиненія, уже бывшія по долгу въ продажѣ, запрещены, какъ напр. „Историческія письма“ Миртова, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ Флеровскаго, „Частныя богатства въ Россіи“ Карновича, „Крестьяне на Руси“ Бѣляева и т. д.

Чтобы вызвать правительство на разрѣшеніе издать по-русски даже Вѣтхій Завѣтъ, т. е. книги признаваемыя священными, нужно было, чтобы Герценъ далъ тому примѣръ въ

Лондонѣ. Да и въ разрѣшенномъ наконецъ переводѣ, изданномъ отъ имени синода, намѣренно сдѣланы неточности.

Цѣлая почти малороссійская литература запрещена слѣдующимъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 18 мая 1876 года:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы имперіи безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати какихъ бы то нибыло книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности — не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобъ разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.

Разрѣшеніе на новыя періодическія изданія, особенно безцензурныя, давались все рѣже и рѣже, какъ видно напр. изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ 1873	году	разрѣшено 21	изданіе
1874	—	19	—
1875	—	17	—
1876	—	6	—

при чемъ даже Модныя Выкройки не избѣгли предварительной цензуры.

Почти всѣ редакторы журналовъ поплатились денежными штрафами, не исключая даже вѣрнопреданнаго Каткова, который притомъ потерпѣлъ именно отъ своего бывшаго сотрудника, а потомъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Лонгинова, не смотря на то, что въ свое время платилъ штрафы и за его статьи.

Нѣтъ ни *одного* неоффиціальнаго изданія, ежемѣсячнаго или ежедневнаго, которое бы не подвергались предостереженіямъ,*) а многія и временнымъ прекращеніямъ. Газеты День, Москва и Москвичъ, издававшіяся Аксаковымъ, были задавлены цензурою и должны были прекратиться, разоривъ честнаго издателя.

О числѣ предостереженій и запрещеній можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, относящимся къ 1876 году:

Дано	1-хъ предостереженій	— 5	итого 12
	2-хъ	— 5	
	3-хъ	— 2	

*) Первое дано было 10 ноября 1865 года Современнику за статью «Новыя Времена».

Розничная продажа запрещалась 6-ти изданіямъ 11 разъ.

Эти цифры показываютъ, что съ теченіемъ времени не сдѣлано никакого прогресса въ дѣлѣ полицейскихъ расправъ съ журналами, потому что за первые шесть лѣтъ существованія цензурнаго устава 1865 года, т. е. по 1871 годъ, всѣхъ предостереженій было 62, по 10,3 на годъ, тогда какъ въ 1876 ихъ было 12. При этомъ любопытно, какъ цензура распредѣляла свои кары соотвѣтственно направленію журналовъ. Изъ 62 предостереженій 1865-1871 г. получили:

Москва, изданіе независимо-патріотическое .	9
Недѣля,—либерально-соціальное.	6
С. П. Б. Вѣдомости,—либерально-соціальное .	5
Голосъ,—либерально-буржуазное	5
Вѣсть,—консервативное	2
Биржевыя Вѣдомости,—продажное. . . .	1
St. Petersburger-Zeitung, изданіе принадл. русской академіи наукъ, но не любящее Россіи	1

Такъ-какъ 62 предостереженія 1865-71 г. упали вообще на 13 изданій, то это даетъ въ шестилѣтній періодъ по 3,2 предостереженія на каждое изданіе, тогда какъ въ самой наполеоновской Франціи приходилось на изданіе лишь по 2,8 предостереженія въ теченіе 15 лѣтъ. Такъ велико было усердіе русской цензуры, которое нѣсколько упало лишь въ 1877 году, когда правительству нужно было нетоль-

ко не раздражать общественнаго мнѣнія, но и заискивать въ немъ, по случаю внѣшней войны.

Замѣтимъ при этомъ, что сначала, подражая французамъ, наши гасители истины въ актахъ, содержавшихъ предостереженіе, излагали хоть какіе нибудь мотивы, указывали на статьи, показавшіяся имъ вредными; но потомъ съ безцеремонностью русскихъ квартальныхъ стали пускать въ дѣло свои кулаки безъ всякихъ объясненій, такъ что не было никакой возможности знать, чего же они хотятъ, за что караютъ... Но именно это-то вѣчное сомнѣніе и возникавшій изъ него вѣчный страхъ редакторовъ и издателей и нужны были цензурѣ. Доказательствомъ, служитъ напр. отказъ Валуева перечислить снова Современникъ въ разрядъ изданій подцензурныхъ. Разумѣется, Некрасову при этомъ было бы *спокойнѣе;* но этого то и не хотѣлъ министръ. Узаконенный административный произволъ — сила, а стало быть, по Протагору,—и право; а затѣмъ пускаться министру или даже его чиновникамъ въ разсужденія съ какимъ нибудь редакторомъ, объяснять какимъ нибудь 10—15 тысячамъ подписчиковъ, за что ихъ лишаютъ собственности, значитъ по ихъ мнѣнію унижать самодержавное правительство и снисходить до интересовъ какой нибудь *canaille*, которая для того и существуетъ, чтобы платить сама не

зная за что... Аксаковъ превосходно разобралъ сущность системы предостереженій въ статьѣ, относящейся къ 1867 году и горячо одобренной всей читающей публикой. Приведемъ изъ нея здѣсь слѣдующую выдержку:

Мы получили предостереженіе. Мы, быть можетъ, получимъ другое, потомъ и третье; можетъ быть и оба разомъ за двѣ статьи въ одномъ *№*. Могутъ и совсѣмъ запретить нашу газету. Оно всегда возможно и всегда неожиданно. Можетъ ничего этого и не случиться, и мы просуществуемъ благополучно. Мы тутъ ничего не знаемъ, ничего не можемъ. Наша газета (Москва) не оффиціальная и не оффиціозная. Мы не уполномочены выражать только правительственныя мнѣнія. Намъ не вмѣнялось въ обязанность разсматривать предметы единственно съ правительственной точки зрѣнія и говорить чужимъ голосомъ. Мы даже откровенно и прямодушно заявили въ *№* 1 нашей газеты, что будемъ высказывать только *наши* мнѣнія и *нашимъ* голосомъ, не смотря на то, совпадаютъ ли онѣ съ мнѣніями правительственными. Мы не получили за такое заявленіе никакого предостереженія; мы въ правѣ даже считать нашу программу одобренною... Навлекать на себя предостереженія мы не желаемъ, но мы не властны и предотвратить ихъ. Намъ нечѣмъ руководствоваться, намъ ничего не указано, чтобы мы могли принимать въ соображеніе. Намъ указаны основныя положенія въ Сводѣ Законовъ; но за нарушеніе ихъ мы подвергаемся суду, а не предостереженію. Мы суду не преданы, потому что дѣйствительно не выступали изъ предѣловъ должнаго уваженія къ осно нымъ началамъ нашего законодательства. Мы подверглись только административной карѣ. Но предоставляя право адми-

нистративной кары личному „усмотрѣнію“ министра внутреннихъ дѣлъ, законъ не опредѣлилъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно бы было избѣгать этой кары. Законъ логиченъ. Иначе и быть не можетъ: личное усмотрѣніе не предусматривается“. И далѣе: „Мы преклоняемся передъ закономъ; мы не хвалимъ и не осуждаемъ нашего положенія. Но мы не можемъ не спросить себя: благопріятно ли такое положеніе для *искренности* печатнаго слова? Если оно благопріятно, то нѣтъ и рѣчи. Если же неблагопріятно, то кто же тутъ болѣе теряетъ, на кого неискренность публичнаго слова ложится всею своею невыгодою“?

Само собою разумѣется, что такое „продерзостное“ разсужденіе подало поводъ къ новой мести со стороны духовной полиціи. Безгласное же русское общество ничѣмъ не могло заявлять своего негодованія противу такого произвола, кромѣ усиленія подписки на покаранный журналъ, что имъ и дѣлалось постоянно, такъ что вообще для новаго изданія лучшею рекламою было первое предостереженіе отъ цензуры.

Но, ненавидя печать, бюрократія все-таки понимала, что въ ней есть немалая сила, а потому при случаѣ непрочь была воспользоваться ея услугами, которыя, по старой подъяческой привычкѣ, пріобрѣтала то подкупами, то угрозами и насиліемъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ прямо имѣло на содержаніи три французскіе журнала: Journal de St-Péters-

bourg, Le Nord и Agence Générale Russe, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ игралъ видную роль политическій соглядатай Поггенполь. Европа смѣялась надъ брюссельскимъ „Сѣверомъ“; всякое дѣло, защищать которое онъ брался, можно было заранѣе считать потерянымъ въ общественномъ мнѣніи европейскихъ народовъ; тѣмъ не менѣе русскій народъ долженъ былъ ежегодно платить значительныя деньги этой содержанкѣ мужскаго пола, которую Константинъ Николаевичъ, особымъ циркулярнымъ письмомъ изъ Тюильери, рекомандовалъ въ 1857 г. всѣмъ министрамъ, генералъ-губернаторамъ и пр. Правительство понимало это и потому въ 1863 году купило было въ Парижѣ еще французскую газету La Nation; но она нашла мало читателей и въ 1865 г. обанкрутилась, слѣдствіемъ чего была позорная тяжба редакціи съ совѣтникомъ русскаго посольства Чичеринымъ, конечно проигранная послѣднимъ. — Военное министерство, кромѣ своихъ Инвалида и Сборника, пользовалось услугами Голоса. Той же газетѣ покровительствовало и морское вѣдомство, пока глава его, генералъ-адмиралъ не былъ задѣтъ за живое нападками Голоса на поповки. *) Съ

*) Въ 1877 году Константинъ Николаевичъ лично изъявилъ свой гнѣвъ на эти статьи Краевскому, обѣщаясь «стереть его съ лица земли.» Онъ требовалъ выдачи имени автора непріятныхъ статей, «несомнѣнно флотскаго офицера, который

нею же было въ ладахъ министерство финансовъ, которое до 1872 или 1873 года давало Краевскому субсидію за право помѣщать статьи, льстившія Рейтерну и К°.—Московскимъ Вѣдомостямъ было предложено министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ получать за такую же услугу по 20.000 рублей; но потому ли, что Катковъ не сходился въ мнѣніяхъ съ Головнинымъ, или потому, что дачка казалась ему мала, только онъ отклонилъ это вспомоществованіе и даже распубликовалъ о немъ. Тѣ же Московскія Вѣдомости нѣкоторое время работали для Кауфмана, когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ и даже позднѣе, когда Кауфманъ былъ уже правителемъ Туркестана, но все еще долженъ былъ оправдывать свое поведеніе въ Литвѣ.

марает флотъ и котораго нужно выгнать изъ службы.» Краевскій сообщилъ объ этомъ автору, моряку Баранову, который съ одной стороны рѣшился выпустить новую статью съ полною подписью своего имени, а съ другой прибѣгнулъ къ покровительству наслѣдника. Послѣдній обратился къ императрицѣ, а та сообщила государю, говоря, что Кон. Н—чъ собирается уничтожить Баранова. По счастію между двумя старшими сыновьями Николая I издавна существуетъ непріязнь. «Мнѣ надоѣли эти дрязги, сказалъ Алек. Н—чъ, и я кончу тѣмъ, что потребую по телеграфу Алексѣя (сына), и черезъ три недѣли у меня будетъ новый генералъ-адмиралъ.»—Этотъ отзывъ заставилъ К—на Н—ча сдержать свою злобу противу Краевскаго и Баранова, а послѣднему доставилъ даже въ скоромъ времени командованіе однимъ крейсеромъ въ Черномъ морѣ и званіе флигель-адъютанта.

О поддержкѣ же этой газеты министромъ Д. Толстымъ, выхлопотавшимъ сложеніе недоимки во сто слишкомъ тысячъ рублей, нечего и говорить: Катковъ былъ поддерживаемъ Толстымъ и съ другой стороны, такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія назначило ему по 23.000 въ годъ на содержаніе лицея, имъ заведеннаго. — Но иногда услуги печатнаго слова покупались и силою. Такъ бывшій морской министръ Краббе, про котораго одна пѣсня говоритъ, что онъ „ничего въ волнахъ не видѣлъ“, по поводу все тѣхъ же поповокъ призвалъ однажды къ себѣ одного морскаго инженеръ-подполковника и приказалъ ему полемизировать въ журналахъ за поповки, прибавивъ: „будете работать—Анну на шею, а нѣтъ—такъ изъ службы въ шею!“ Военное министерство и выгоняло въ шею тѣхъ офицеровъ, которые не хотѣли своими литературными дарованіями служить ему, а тѣмъ болѣе осмѣливались печатать, хотя бы и анонимно, замѣчанія о вещахъ, для него непріятныхъ, какъ то было съ генералами Ѳадѣевымъ и Черняевымъ, полковникомъ Комаровымъ и др.

Выгоняніе „въ шею“ за научно-литературные труды нерѣдко сопровождалось и еще болѣе суровыми мѣрами. Отличный математикъ и философъ Лавровъ былъ сосланъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, откуда ушелъ

за границу, гдѣ и стоялъ одно время во главѣ умѣренной партіи эмиграціи. Чтобы оправдать это гоненіе человѣка извѣстнаго, его примѣшали къ процессу Каракозова, о личности котораго Лавровъ конечно не имѣлъ и понятія. Отличный химикъ Энгельгардъ, бывшій профессоръ Лѣснаго Института, а еще раньше — образцовый литейщикъ въ петербургскомъ арсеналѣ, засаженъ въ деревенскую глушь. Офицера генеральнаго штаба Соколова, одного изъ сотрудниковъ Русскаго Слова, сослали сначала въ холодную, пустынную Мезень, а потомъ въ окруженный болотами и обильный комарами Красный Яръ, откуда онъ и бѣжалъ за границу. О Бибиковѣ мы уже упомянули. Ученый статистикъ Бушенъ, заподозрѣнный въ изданіи за границею „Матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ“, (гдѣ притомъ восхваляется императоръ Александръ, а осмѣяны только бюрократія и крѣпостническая партія), былъ призываемъ къ шефу жандармовъ, князю Долгорукову, и получилъ не только выговоръ, но и увѣреніе, что онъ никогда не получитъ никакого самостоятельнаго назначенія, что и было исполнено. Провинціальные писатели, особенно корреспонденты и редакторы газетъ, были постоянными жертвами цензорскаго и чиновничьяго произвола, и нужны были исключительныя условія, чтобы, наконецъ, одинъ изъ редакто-

ровъ, Николадзе, былъ въ послѣднее время оправданъ судомъ при его столкновеніи съ цензоромъ. Но еще неизвѣстно, какова будетъ дальнѣйшая судьба этого умнаго и смѣлаго публициста. Уже графъ Шуваловъ завелъ въ III отдѣленіи книги, въ которыя заносятся имена всѣхъ, кто замѣченъ въ либерализмѣ мыслей, а тѣмъ болѣе дѣйствій, и для такихъ людей единственная вполнѣ свободная и притомъ самая вѣроятная дорога — въ Мезень, Колу или Пинегу; плодотворная же публичная дѣятельность имъ совершенно закрыта.

Русская заграничная печать.

Было бы совершенно неестественно и даже унизительно для русскаго народа, если бы такая масса стѣсненій умственной дѣятельности не вызвала съ его стороны какого-либо противодѣйствія. Оно и явилось въ видѣ русской заграничной печати. Явленіе это впрочемъ не представляло много новаго даже въ русскй литетатурѣ, среди которой почетныя мѣста занимаютъ сочиненія князя Курбскаго и Кошихина. Во Франціи же XVIII вѣкъ, до самаго разрушенія Бастиліи, полонъ примѣрами печатанія многихъ прекрасныхъ произведеній Вольтера, Руссо и др. за предѣлами этой страны. И если это явленіе не имѣло мѣста въ Россіи XIX вѣка ранѣе второй его половины, то лишь потому, что само народное сознаніе русскихъ было задавлено аракчеевскими и николаевскими порядками. Впрочемъ и за то печальное время мы можемъ указать на прекрасную книгу Тургенева «La Russie et les Russes»; только она вышла на языкѣ французскомъ,

потому что авторъ не надѣялся, чтобы она когда-либо получила доступъ въ Россію. Въ наше же время, съ пробужденіемъ народной мысли, вызванномъ крымскими неудачами и послѣдовавшими затѣмъ реформами, естественно долженъ былъ возникнуть за границею постоянный русскій печатный станокъ — и вотъ онъ явился въ Лондонѣ, гдѣ жилъ Герценъ, оторванный отъ Россіи, но горячо любившій ее и имѣвшій достаточныя средства, чтобы завести типографію и поддержать ея дѣятельность, не смотря на то, что она въ первое время приносила ему убытки. Изданія Герцена, „Колоколъ“ и „Полярная Звѣзда“, были первыми и самыми замѣчательными произведеніями заграничной русской печати нашего времени. Успѣхъ ихъ, особенно Колокола, начавшаго выходить лѣтомъ 1857 года, былъ колоссаленъ. Непривычное къ свободѣ печатнаго слова, къ критикѣ своихъ государственныхъ учрежденій, къ разбору поведенія своихъ властей, русское общество привѣтствовало ихъ съ восторгомъ. Номера Колокола, не смотря на запрещеніе его въ Россіи,*) распространя-

*) И не въ одной Россіи. По ходатайству нашего правительства его и всѣ изданія Герцена запретили Мантейфель въ Пруссіи, Бейстъ въ Саксоніи, правительство вольнаго города Франкфурта и пр. Была даже попытка добиться подобнаго же запрещенія въ Турціи; но великій визирь Аали-паша отказалъ. Въ Италіи русскіе агенты Поггенполь и Капнистъ стращали книгопродавцевъ за продажу Колокола.

лись всюду и читались на расхватъ. Самъ императоръ Александръ, тогда въ лучшей порѣ своей достопамятной дѣятельности, приказалъ класть себѣ на столъ тетрадки этого журнала немедленно по ихъ полученіи, и только № 4, въ которомъ напечатана была статья Герцена о декабристахъ по поводу книги Корфа о вступленіи на престолъ Николая, былъ отбираемъ тайною полиціею у лицъ, получавшихъ запрещенный листокъ. Особенно успѣху его содѣйствовало появленіе корреспонденцій изъ Россіи, указывавшихъ на злоупотребленія разныхъ правительственныхъ лицъ. Когда же генералъ-адъютанты Ростовцевъ и Адлербергъ рѣшились въ одномъ номерѣ перепечатать тѣ страницы, на которыхъ шла рѣчь о нихъ, и подсунуть государю не оригиналъ, а эту поддѣлку, то слава Колокола достигла зенита. Сами великіе князья, открывшіе подлогъ, первые смѣялись надъ превосходительными поддѣлывателями. Представители реакціи и вообще всѣ „вельможи“, которымъ прежде было такъ тепло на пригрѣтыхъ, подъ покровомъ тайны, мѣстахъ, приходили въ ужасъ, и напримѣръ государственный секретарь Бутковъ, желая оправдать одно изъ своихъ дѣйствій выразился такъ: „куда хотите жалуйтесь, хоть въ сенатъ, хоть государю, хоть даже въ Колоколъ!....“ давая этимъ чувствовать, что приговоръ революціоннаго журнала для него не-

пріятнѣе царской немилости. Да и нельзя было реакціонерамъ не бояться Герцена, который хлесталъ ихъ со всею ѣдкостью своего саркастическаго бича. „Правда ли, спрашивалъ Колоколъ, что на предложеніе освѣщать Москву газомъ, генералъ-губернаторъ Закревскій и оберъ-полиціймейстеръ Берингъ отвѣчали, что масло *выгоднѣе?*“ (конечно для нихъ)— и эти двѣ строчки сразу напомнили Закревскому и Берингу, что и на нихъ наконецъ есть управа.— „Посторонитесь, господа, посторонитесь! Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ изволитъ идти. Мы нарочно передвинули всѣ статьи настоящаго номера Колокола къ низу: пожалуйте, ваше сіятельство, на первое мѣсто!“ —И въ слѣдъ за тѣмъ шелъ разсказъ о томъ, какъ Панинъ, „министръ справедливости“, хотѣлъ присвоить домъ одного своего крестьянина, построившагося въ Петербургѣ. —Эти обличенія сановныхъ негодяевъ, вмѣстѣ съ гуманистическими статьями Колокола о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею, гласнаго суда, свободы печати, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и пр. сдѣлали то, что самъ Катковъ, бывъ проѣздомъ въ Лондонѣ, заявилъ Герцену, что журналъ его — *сила*. И вся русская молодежь—да и не одна молодежь,—успѣвавшая заглянуть въ Англію, неизмѣнно являлись на поклонъ къ обитателю Orsett-house'а. Такъ продолжалось до 1861 г.,

когда, къ сожалѣнію, Колоколъ началъ уклоняться въ сторону отъ чисто-національнаго направленія и вмѣшался въ дѣло поляковъ, оскорбивъ тѣмъ патріотизмъ своихъ русскихъ читателей. Въ 1863 году это ложное направленіе сказалось еще сильнѣе, и съ того времени журналъ началъ падать, такъ что лишь съ трудомъ дотянулъ до конца десятилѣтія. Теоретическая же его сторона была всегда слаба, потому что соціалистическія теоріи Герцена, а тѣмъ болѣе его сотрудника Огарева, никогда не были приведены въ ясность, не имѣли ничего *положительнаго*, а ограничивались одною критикою существующихъ ненормальныхъ порядковъ, (что впрочемъ можно сказать и про всѣ современныя соціалистическія ученія, которыя еще не съумѣли согласить свободы съ равенствомъ.) Огаревъ, напримѣръ, не безъ основанія назвалъ неполное освобожденіе крестьянъ въ 1861 году „новымъ крѣпостнымъ правомъ“; но его собственные идеалы по этому вопросу остались смутными. —Полярная Звѣзда дала своимъ читателямъ записки нѣкоторыхъ декабристовъ и нѣсколько другихъ статей о „секретныхъ“ событіяхъ русской исторіи; въ ней печатались полныя глубокаго интереса воспоминанія Герцена; но изъ другихъ статей большая часть не стояла на высотѣ репутаціи издателя. Изъ отдѣльныхъ изданій герценовской типографіи наи-

болѣе замѣтное мѣсто, конечно, принадежитъ „Письмамъ изъ Франціи и Италіи“, небольшой книжкѣ подъ названіемъ „Съ того берега“, запискамъ Герцена подъ заглавіемъ „Былое и думы“ и наконецъ сборнику запрещенныхъ въ Россіи стихотвореній разныхъ поэтовъ, подъ названіемъ „Потаенной Литературы“. Редакція этого послѣдняго принадлежитъ Огареву.

Здѣсь вообще мѣсто остановиться на оцѣнкѣ дѣятельности двухъ друзей-изгнанниковъ, которыхъ имена такъ дороги русскимъ, особенно же на трудахъ Герцена. Что онъ послѣ Пушкина и Лермонтова самый геніальный писатель въ Россіи и даже болѣе ихъ вліятельный, въ этомъ едва ли усомнятся даже его враги. Мѣсто его въ исторіи русской мысли и русскаго слова опредѣлено давно: онъ — нашъ Вольтеръ, а вмѣстѣ, пожалуй, и Руссо, потому что качества его гуманизма представляютъ нѣчто среднее между свойствами двухъ великихъ писателей XVIII вѣка, остроумно-скептическаго аристократа и пламенно-искренняго плебея. Его романъ Кто Виноватъ?, его Раздумье (изданное въ Россіи и составляющее перепечатку статей изъ От. Зап. и Совр.), Былое и Думы съ посмертнымъ продолженіемъ будутъ читаться съ наслажденіемъ самымъ далекимъ потомствомъ. Колоколъ же, нынѣ уже ставшій библіографическою рѣдкостью,

составитъ одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ русской исторіи нашего времени. Но необходимо теперь же присовокупить, что пользоваться имъ надо съ осторожностью. Искренности и правдивости издателей не вѣрить нельзя; но ихъ корреспонденты иногда грѣшили противу истины по личнымъ расчетамъ, и тутъ нужно будетъ удостовѣряться по другимъ источникамъ, на сколько разсказанное справедливо. Конечно, „дымъ безъ огня не бываетъ“, и въ основѣ каждаго, даже лживаго разсказа большею частью бывала правда; но авторы сообщеній изъ Россіи иногда злоупотребляли довѣріемъ Герцена, который не могъ же *de visu* повѣрять ихъ показанія. Особенно это слѣдуетъ замѣтить про второй, женевскій періодъ изданія Колокола, когда число серьезныхъ, знающихъ корреспондентовъ уменьшилось, а сами Герценъ и Огаревъ все болѣе и болѣе отставали отъ обновлявшейся между тѣмъ русской жизни. Замѣтивъ эти невыгодныя для журнала условія, издатели Колокола прекратили его въ 1867 году, а черезъ два года послѣ того Герценъ умеръ въ Парижѣ, оставивъ наслѣдникамъ любопытный и поучительный томъ „Посмертныхъ Сочиненій“, большею частію составляющихъ неизданныя прежде главы Былаго и Думъ. Въ 1875 г. начало появляться полное изданіе его сочиненій, которое и кончится вѣроятно въ 1879, послѣ

чего можно бы желать обстоятельнаго анализа этихъ трудовъ въ цѣломъ ихъ объемѣ и въ связи съ развитіемъ русскаго общества и съ жизнью самого писателя, о которой такъ много любопытнаго даютъ воспоминанія г-жи Пассекъ, сочиненіе Пыпина о Бѣлинскомъ и пр.

Полярная Звѣзда и особенно Колоколъ возбудили много подражаній со стороны русскихъ людей, какъ вынужденныхъ жить за границею, такъ даже и такихъ, которые не оставляли Россіи и, слѣдовательно, подвергали себя большимъ опасностямъ изъ-за служенія идеѣ. Попробуемъ здѣсь перечислить наиболѣе извѣстныя изъ этихъ изданій. Журналовъ въ подражаніе Колоколу основано было нѣсколько; но всѣ они были недолговѣчны. „Будущность“, потомъ „Правдивый“ и „Листокъ“ князя П. Долгорукова, автора Русской родословной книги, Правды о Россіи и Mémoires du prince P.D.; „Свободное Слово“ и „Европеецъ“ Блюммера, который былъ потомъ судимъ въ Петербургѣ; „Народное Дѣло“, сборникъ Бакунина и Жуковскаго и „Народное Дѣло“ — газета Утина — органы Интернаціонала въ эпоху его сильнѣйшаго развитія; „Впередъ“ — сборникъ и газета—Лаврова, „Работникъ“, „Община“ „Общее Дѣло“, Набатъ“ и т. д. Изъ нихъ Впередъ былъ долговѣчнѣе прочихъ и представляетъ любопытную лѣтопись соціалистическаго движенія нетолько въ Россіи, но и въ другихъ

странахъ за время съ 1873 по 1876 годъ. Всѣ эти изданія выходили за границею, въ Швейцаріи, Бельгіи, Германіи и Англіи; но и въ самой Россіи дѣлались попытки подражать Колоколу. Такъ въ Петербургѣ началъ было выходить „Великороссъ“, но окончился на 3-мъ номерѣ, и послѣдствіемъ его изданія былъ судъ сената надъ Боковымъ, Обручевымъ, Даненбергомъ, Лобановымъ и Свареческимъ. Литераторъ Михайловъ попытался издавать прокламаціи къ молодому поколѣнію; но былъ сосланъ въ каторжную работу, при чемъ въ Тобольскѣ былъ принятъ съ почетомъ всѣмъ мѣстнымъ обществомъ изъ офицеровъ и чиновниковъ, дорого поплатившихся за это сочувствіе. Его сочиненія, между которыми лучшія относятся къ женскому вопросу, были изданы потомъ въ Берлинѣ. Въ 1862 году появилась было въ Петербургѣ и немедленно исчезла „Молодая Россія“, а въ 1863 г. „Свобода“, органъ тайнаго общества Земля и Воля. Позднѣе не разъ выходили также разные случайные революціонные листки, преимущественно въ Петербургѣ же (въ послѣднее время „Земля и Воля“); но никогда они не имѣли широкаго распространенія и вліянія. Въ послѣднемъ смыслѣ важнѣе ихъ были непериодическія изданія соціально-революціонной партіи, печатавшіяся въ Лондонѣ и Женевѣ и проникавшія въ Россію

контробандою, не безъ пособія таможенныхъ чиновниковъ, офицеровъ и даже сановниковъ. Изъ нихъ наибольшую извѣстность, благодаря судебнымъ процессамъ, пріобрѣли брошюры: „Хитрая Механика“, „Чтой-то братцы“, „Исторія французскаго крестьянина“, книги: „Сытые и Голодные“, „Государственность и Анархія“, „Исторія международнаго общества рабочихъ“ и малороссійскій сборникъ „Громада“, издаваемый бывшимъ кіевскимъ профессоромъ Драгомановымъ. О практическомъ значеніи всѣхъ этихъ, а равно и прежде названныхъ заграничныхъ изданій для развитія русскаго общества мы скажемъ въ послѣдствіи; здѣсь же замѣтимъ, что по политическимъ тенденціямъ онѣ распадались на нѣсколько разрядовъ. Нѣкоторыя добивались только введенія въ Россіи конституціи; другія шли гораздо далѣе и проповѣдывали необходимость переустройства самаго общества, при чемъ въ числѣ издателей послѣднихъ мы встрѣчаемъ соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ спокойнаго философа-прогрессиста Лаврова до горячихъ анархистовъ, послѣдователей Бакунина. Впечатлѣніе, которое вслѣдствіе того образуется отъ всей этой литературы въ умѣ независимаго читателя, таково, что соціальныя теоріи также мало приведены къ опредѣленнымъ формуламъ на русскомъ языкѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, и что сначала нужно до-

думаться до полнаго соглашенія идей личной свободы и всеобщаго равенства, а потомъ уже примѣнять найденные выводы къ жизни.....

Но независимо отъ изгнанниковъ, разумѣется, открыто враждебныхъ правительству, за границею съ 1855 года печатали свои труды и такіе люди, которые вовсе не думали оставлять Россіи, которые по-долгу состояли на государственной службѣ и даже принадлежали по убѣжденіямъ скорѣе къ консервативному, чѣмъ къ либеральному лагерю. Это, быть можетъ, важнѣйшее знаменіе нашего времени, потому что когда *такіе* люди отшатываются отъ правительства, то значитъ оно утратило всякое право на уваженіе и сочувствіе націи. Слѣдуя хронологическому порядку появленія трудовъ, назовемъ здѣсь во-первыхъ: „Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ въ царствованіе Александра II“, изданныя въ 1860-62 г. въ Берлинѣ и приписываемые съ одной стороны бывшему предсѣдателю московской палаты государственныхъ имуществъ и члену редакціонныхъ коммиссій Павлову, а съ другой даровитому статистику Бушену. Сочиненіе это составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ исторіи нашего времени. Оно служитъ какъ бы введеніемъ къ огромному труду Скребицкаго о работахъ, предшествовавшихъ изданію закона 19 февраля 1861 года. Это послѣднее сочиненіе состоитъ изъ

четырехъ большихъ томовъ, исчерпываетъ все содержаніе трудовъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій и составлено почти исключительно по печатнымъ документамъ послѣднихъ; но тѣмъ не менѣе автору пришлось обнародовать его въ Боннѣ, и только спустя нѣсколько времени открытъ былъ ему доступъ въ Россію, гдѣ оно и увѣнчано премію отъ академіи наукъ. Крестьянская реформа своимъ ходомъ и послѣдствіями вызвала также заграничныя брошюры: К. Аксакова о новомъ административномъ устройствѣ крестьянъ; Кавелина о новомъ положеніи дворянства; Кошелева о дѣятельности депутатовъ отъ дворянства въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и объ общинномъ землевладѣніи; Самарина и Дмитріева о революціонномъ консерватизмѣ помѣщичьей партіи, которая хотѣла снова забрать въ свои руки власть надъ крестьянами; неизвѣстнаго автора—о судьбѣ крестьянъ за время съ 1836 по 1856 г., по документамъ министерства вн. дѣлъ. Кошелевъ, сверхъ того, издалъ очень любопытную книжку „Наше Положеніе“, гдѣ подвергъ строгой критикѣ современную бюрократію и прямо высказалъ, что „при нынѣшней правительственной обстановкѣ никакія (либеральныя) мѣры и законы не могутъ приносить пользы, потому что они обезсиливаются исполнителями, къ нимъ вовсе нерасположенными,“ что

предлагать частныя мѣры для излеченія нашихъ недуговъ нельзя, что нужны общія, то-есть передѣлка государственнаго устройства. Объ этомъ послѣднемъ онъ даже написалъ особую брошюру, гдѣ изложилъ свой идеалъ русской конституціи; но идеалъ этотъ далекъ отъ совершенства какъ теоретическаго, такъ и практическаго. — Самаринъ составилъ себѣ большую извѣстность цѣлымъ рядомъ памфлетовъ о положеніи нѣмцевъ въ прибалтійскомъ краѣ, положеніи совершенно исключительномъ и вредно отзывающемся на развитіи Россіи вообще, такъ какъ огромное число остъ-зейскихъ дворянъ занимаетъ высшія государственныя должности во всѣхъ вѣдомствахъ и тормозитъ національно-русское умственное и общественное развитіе. Эти самаринскія „Окраины Россіи“ по плану издателя должны бы были коснуться и другихъ отдаленныхъ провинцій, находящихся въ исключительныхъ условіяхъ; но на дѣлѣ вызвали только одно, притомъ слабое, подражаніе въ видѣ брошюры о Кавказѣ неизвѣстнаго автора (кажется, казака), скрывшагося подъ псевдонимомъ Сельдерѣцкаго. Между тѣмъ, именно окраины-то Россіи, особенно Закавказье, Туркестанъ и Сибирь, заслуживали бы подробнѣйшаго изслѣдованія въ видахъ ознакомленія общества съ совершающимися тамъ административными безобразіями, о которыхъ лишь

слабое понятіе даютъ немногія статьи Колокола, корреспонденціи собственно-русскихъ газетъ, отчетъ о знаменитой ревизіи дореформенной Пермской губ. сенаторомъ Клушинымъ, помѣщенный въ Вѣстникѣ Европы, и наконецъ книга американца Скайлера о Туркестанѣ.—Самаринымъ, кромѣ его собственныхъ сочиненій, были изданы еще за границею сочиненія Хомякова и записки Шишкова, конечно лишь изъ уваженія издателя-славянофила къ двумъ свѣтиламъ его партіи, такъ-какъ на большой кругъ читателей книги расчитывать не могли. Изъ другихъ мемуаровъ, напечатанныхъ за границею, слѣдуетъ упомянуть о запискахъ Екатерины II, Дашковой, Лопухина, Ермолова, Трубецкаго, Якушкина, Розена, Фонъ-Визина, Долгорукова,—все важныхъ и любопытныхъ матеріалахъ для русской исторіи. Кельсіевъ, въ бытность свою въ эмиграціи, изъ которой потомъ добровольно вернулся, издалъ любопытныя свѣдѣнія о раскольникахъ; Ростиславовъ — о русскомъ духовенствѣ. Извѣстному статистику Бушену не безъ нѣкотораго основанія приписывается любопытная книга „О петербургскомъ обществѣ“, изданная по-нѣмецки и нынѣ переведенная на французскій языкъ. Она живо очерчиваетъ многихъ дѣйствующихъ лицъ современной русской исторіи, но отнюдь не всегда безпристрастно, такъ-какъ симпатіи автора къ нѣмцамъ и къ

министру Валуеву, подъ начальствомъ котораго онъ надѣялся сдѣлать большую карьеру, сказываются слишкомъ явно. За границей пришлось и кн. Васильчикову издать свое письмо къ гр. Толстому о народномъ образованіи. Наконецъ, одно время игралъ нѣкоторую роль въ заграничной литературѣ, относящейся до Россіи, баронъ Фиркъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Шедо-Ферроти, авторъ полуоффиціальныхъ брошюръ по разнымъ современнымъ вопросамъ, состоявшій подъ покровительствомъ Константина Николаевича. Никому не нужныя нынѣ его сочиненія доказываютъ, что само правительство, благодаря имъ же даннымъ цензурнымъ уставамъ, находилось иногда въ необходимости говорить съ русскою публикою (т. е. не съ народомъ, а съ передовыми сословіями) помощью *заграничныхъ* изданій!...

Остановимся теперь въ этомъ, нѣсколько сухомъ, перечисленіи данныхъ, относящихся къ исторіи русской литературы 1855-78 г., чтобы сдѣлать небольшое число выводовъ изъ нихъ. Эти выводы сами собою вытекаютъ изъ сказаннаго въ пяти послѣднихъ очеркахъ, именно:

1, Общій объемъ выходившихъ въ свѣтъ сочиненій сильно увеличился въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, что ясно свидѣтельствуетъ

о расширеніи умственной дѣятельности русскаго общества. И хотя достигнутый нынѣ объемъ литературной производительности все еще очень малъ по сравненію съ производительностью западно-европейскихъ націй, однако Россія нынѣ видимо ближе къ Европѣ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ была четверть вѣка назадъ.

2, Научное движеніе выразилось какъ увеличеніемъ числа обнародованныхъ ученыхъ трудовъ, такъ и основаніемъ немалаго числа новыхъ ученыхъ обществъ и усиленіемъ дѣятельности существовавшихъ. Русскіе ученые и путешественники сдѣлали немало для расширенія области чистаго знанія и многіе изъ нихъ пріобрѣли заслуженную европейскую извѣстность. Особенно важно для русскаго общества, что дѣятельность ученыхъ была направлена на изученіе самой Россіи во всѣхъ отношеніяхъ: географическомъ, естество-историческомъ, этнографическомъ, историческомъ, экономическомъ и пр. Этимъ путемъ вырабатывались прочныя основы для народнаго самосознанія.

3, Развитію этого самосознанія много помогала періодическая печать, хотя сильно стѣсненная цензурою, но все же достигшая нынѣ размѣровъ, которымъ ничего подобнаго не было во всѣ предшествовавшія времена. Журналистика привлекла даже къ себѣ лучшія лите-

ратурныя силы, такъ что литература книгъ занимаетъ нынѣ совсѣмъ не то преобладающее значеніе, какое ей принадлежало лѣтъ сорокъ назадъ. Но улучшаясь и пріобрѣтая большее противу прежняго значеніе, журналистика не освободилась отъ вліянія связей съ административными сферами и отъ подкуповъ частными лицами и компаніями. Вполнѣ независимыхъ органовъ печати почти вовсе не было, а какіе и основывались, то изнемогали въ борьбѣ безъ поддержки.

4, Изящная литература почти сполна принадлежала къ натуральной школѣ, т. е. не преслѣдовала недостижимыхъ идеаловъ, а изображала и анализировала современную національную жизнь съ ея достоинствами и недостатками, иногда даже черезъ чуръ увлекаясь въ этомъ реалистическомъ направленіи, такъ что переставала быть изящною. Она стала совершенно свободною отъ подражанія иностранцамъ, которое было очень сильно еще въ первой четверти нашего вѣка. Созданные ею образы и типы суть образы и типы русскихъ людей. Поэзія стихотворная не имѣла представителей съ первоклассными дарованіями.

5, Между тѣмъ какъ положительное знаніе природы и человѣка сдѣлало важные успѣхи, отвлеченная философія, съ ея теоретическими разглагольствованіями, почти не интересовала

общества. Мы не касались въ нашемъ обзорѣ литературы богословской, но можемъ здѣсь прибавить, что и она произвела не болѣе трехъ-четырехъ сочиненій замѣчательныхъ (конечно, въ своемъ родѣ). Клерикальные же журналы почти не имѣли читателей. Это служитъ доказательствомъ, что метафизика и мистицизмъ стали окончательно въ противорѣчіе съ стремленіемъ умовъ къ реализму.

6, Вся умственная дѣятельность, особенно въ области политическихъ наукъ и журналистики, сильно стѣснялась цензурою, которая, хотя и приняла съ 1865 года болѣе европейскія формы, чѣмъ прежде, но все-таки составляетъ позоръ для націи, желающей считаться цивилизованною, и конечно останется такою постоянно, пока существуетъ въ Россіи неограниченная монархія.

7, Вслѣдствіе строгости цензуры и гоненій правительства на людей свободно мыслящихъ, образовалась печать заграничная, которая по временамъ имѣла довольно сильное вліяніе на развитіе русскаго общества. Явленіе это, почти чуждое первой половинѣ XIX вѣка, доказываетъ жизненность того пробужденія, которое началось въ Россіи послѣ крымской войны, такъ что люди стали болѣе дорожить своими убѣжденіями и общимъ благомъ, чѣмъ внѣшними условіями личной жизни. Но благодаря тому, что часть русскихъ, писавшихъ загра-

ницею, не всегда была въ уровень съ дѣйствительными потребностями русскаго народа, выработанными исторіею, что теоретическія ученія, которыя выходцы думали прилагать къ русской жизни, часто противорѣчили одно другому и не отличались удобопримѣнимостью, нѣкоторая часть этой заграничной печати потеряла довѣріе и сочувствіе къ себѣ русскихъ, живущихъ въ отечествѣ.

8, Наконецъ, умственные успѣхи Россіи возбудили и въ иностранцахъ желаніе ближе узнать ее, вслѣдствіе чего въ литературѣ западныхъ народовъ появились нетолько переводы русскихъ писателей, но и очень хорошія сочиненія о государственномъ и общественномъ устройствѣ русскаго народа, его исторіи и поэзіи. Это есть одинъ изъ важнѣйшихъ залоговъ того, что русская цивилизація, не смотря на многія слабыя стороны свои, скоро начнетъ оказывать вліяніе на судьбу европейскихъ народовъ не въ одномъ томъ грубомъ смыслѣ, какой былъ доселѣ, т. е. не силою оружія, направленнаго на поддержку реакціи, а силою разума и примѣра гуманистическихъ сторонъ русской жизни. Такіе писатели какъ Леруа-Болье, Рамбо, Леже, Мазадъ, Баррандъ, Курьеръ, Уйфальви, Молинари, Гакстгаузенъ, Шницлеръ, Сарау, Крамеръ, Шмейдеръ, Э. Лэръ, Рольстонъ, Макензи-Уоллэсъ, Макъ-Гаханъ, Скайлеръ и пр. проложили уже къ

тому дорогу, и мы должны быть благодарны имъ за тѣ сочувственные отзывы, которыми они привѣтствовали лучшія стороны русской жизни, и признательны за указанія на ея недостатки.

